

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 4 (70)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Москва
Этносоциум 2014

Содержание

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Беркович Н.А. Российский этносоциум: стратегия
самодостаточности и консолидации.....9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Солонин Ю.Н. Целостность как методологический
принцип в культуроведении.....16

Бойдаченко П.Г., Бондаренко С.А. Эволюция понятия
демократии в контексте типологизации политических систем.....35

Глинская И.Ю. Государственно-патриотическая идея
как основа для формирования имиджа России.....47

Восканян Э.С. Концептуальные подходы к исследованию
политической культуры.....51

Качалов А.В., Канунников Р.И. Систематизация процесса
формирования творческой самостоятельности
у студентов ВУЗа.....58

Махтей Е.В. Становления российского федерализма.....64

МГТУ им. Н.Э. Баумана

Ремарчук В.Н. Проблемы согласия и допустимые уровни
насилия в современном миротворчестве.....87

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Федорова Л.В. Проект «Земля Олонхо» как фактор формирования
евразийской идентичности (Тезисы доклада
для международной конференции).....96

Бембетов А.В. Воздействие факторов на уровень развития региона и его конкурентоспособность.....	98
Манкиева Э.Х. Образ женщины-горянки в поэме М.Ю. Лермонтова «Аул Бастунджи».....	108
Шихалиева У.К. Социально-экономические проблемы как причина роста религиозного экстремизма.....	115
Джамалова Б.Б. Этнокультурная ориентация как специфическое направление культурологического подхода к образованию.....	121
Бурьяк М.К. Регистрово-фонационные модели пения этнофоров Новгородской земли.....	128

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Алиев З.Т. Международное политико-правовое регулирование интеграции государств.....	137
Кожухов А.В. Российская политика в Афганистане: национальные интересы и их реализация.....	147
Махдиян Мохаммад Хасан. Гибель А.С. Грибоедова в Иране.....	155
Морозов А.Ю. Метафизические и пост-метафизические аспекты рассмотрения добра.....	162
Федорова Л. В. Урало-Сибирь как «месторазвитие» евразийской цивилизации (Тезисы работы).....	170
Терновая Л.О. Решающие минуты в международной жизни.....	172
Сайпуллаев Р.О. Интеграционные процессы в Германии, и ее интересы в контексте европейской безопасности.....	181
Рябова Е.Л. Целостный подход в науке и его перспективы.....	187
Аннотации.....	190
Авторы.....	197
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....	199

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА

Смирнов А. А., генерал-майор, кандидат исторических наук.

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ

Озеров В. А., председатель Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти Хабаровского края, кандидат юридических наук.

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Михайлов В. А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Калинина К. В., доктор исторических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Турчинов А. И., доктор социологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, декан факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Нечипоренко В. С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б. Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Иларионова Т. С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Игнатов И. С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Бахарев В. В., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного университета.

Бормотова Т. М., Федеральная миграционная служба Министерства Внутренних Дел России, кандидат социологических наук.

Данакин Н. С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Дубровин Ю. Д., эксперт, доктор юридических наук, Государственный советник РФ 2 класса.

Никонов А. В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Белов В.Г., доктор экономических наук, профессор, Вольное экономическое общество.

Ремарчук В.Н., декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Солонин Ю.Н., доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник науки РФ.

Хитарова И. Ю., доктор философских наук, старший научный сотрудник Государственного учреждения культуры Государственном музее-памятнике «Исаакиевский собор», член Санкт-Петербургского философского общества.

Туманян Т. Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

* * *

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Добров П.В., доктор исторических наук, профессор, академик и член президиума Украинской академии исторических наук, декан исторического факультета Донецкого национального университета, Заслуженный работник образования Украины.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Лана Виллебранд, кандидат социологических наук, г. Стокгольм, Швеция.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт, Великобритания.

EDITORIAL BOARD

THE ADMINISTRATION OF THE PRESIDENT

Smirnov A. A., major - general, candidate of historical Sciences.

COUNCIL OF FEDERATION

Ozerov V.A., Chairman of the Federation Council Committee on defense and security, representative of the legislative (representative) authority of the Khabarovsk region, candidate of legal Sciences.

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Mikhailov V.A., doctor of historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of national and Federative relations of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kalinina K.V., doctor historical Sciences, Professor of the Department of national and Federative relations of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Turchynov A. I., doctor of sociological Sciences, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Dean of the faculty of «The Institute of state service and personnel management» of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Nechiporenko V.S., doctor of historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B. T., honoured worker of higher education, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., doctor of philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Ignatov I.S., candidate of political Sciences, the senior adviser of justice.

Bakharev V.V., the doctor of sociological Sciences, Professor of The Belgorod state University.

Bormotova T. M., The Federal migration service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of social Sciences.

Danakin N. S., doctor of sociological Sciences, Professor of The Belgorod state technological University.

Dubrovin U. D., expert, doctor of legal Sciences, State Advisor of the 2nd class.

Nikonov A.V., doctor of historical Sciences, Professor, State Councillor 1st class, The Lomonosov Moscow State University.

Belov V.G., doctor of economic Sciences, Professor, The Free economic society.

Remarchuk V.N., dean of the faculty of Social and humanitarian Sciences», The Bauman University, doctor of philosophical Sciences, Professor.

Solonin U.N., doctor of philosophical Sciences, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation.

Hitarova I. U., doctor of philosophical Sciences, senior researcher employee of the State institution of culture the Museum Complex The State Museum St Isaac's Cathedral, a member of Saint-Petersburg philosophical society.

Tumanyan T.G., the doctor of philosophical Sciences, Professor, head of chair of philosophy and culture of the East.

* * *

Don Anselmo Santos, doctor of political Sciences, Professor, Madrid.

Dobrov P.V., doctor of historical Sciences, Professor, academician, member of the Presidium of the Ukrainian Academy of historical Sciences, Dean of the historical faculty of Donetsk national University, Honored worker of education of Ukraine.

Maurizio Negri, President of the Union of folklorists Italy, a member of the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO).

Horhe Marti Martinez, Ambassador Extraordinary Plenipotentiary Ambassador.

Lana Villebrand, candidate of sociological Sciences, Stockholm, Sweden.

Graeme Stowers, political scientist, expert, UK.

С

**ОБЩЕСТВО
СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ**

Тишков В.А.

Михайлов В.А.

Зорин В.Ю.

Продолжаем публиковать лучшие статьи для Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации. В этом номере мы начинаем печатать лучшие статьи Санкт-Петербургского философского общества по материалам ежегодной научно-практической конференции «Философия этноса» в рамках Дней философии.

Беркович Н.А.,

профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук, руководитель ежегодной научно-практической конференции «Философия этноса» в рамках Дней философии в Санкт-Петербурге (2004-2014)

Российский этносоциум: стратегия самодостаточности и консолидации

Российский этносоциум определяется нами как целостный, многонациональный, полиэтничный организм. Оправданно утверждать, что в то же время это глобальный российский этносоциум, имеющий свою ранжированность. В него включаются основные подразделения: отдельные самодостаточные образования: этносоциумы - этносы, затем нижележащие подразделения: субэтносы, этнографические группы, диаспоры, дисперсные вкрапления, и др. Привлекая постмодернистский термин, перед нами ризома, т.е. экспликация этничности на региональный и территориально-локальный уровни российского социума.

Казалось бы, что полиэтничный российский социум и есть не что иное, как синоним многонациональной российской нации, что они тождественны. Но так ли это?

Российская многонациональная нация определяется исходя из конституционного положения о многонациональном народе Российской Федерации, т.е. полиэтничной общности с формирующимся общероссийским сознанием и гражданской идентичностью. Очевидна аналогия с общеизвестной этнополитической формулой «нация – государство», характерной для моноэтнических государств и ведущей свою историю с эпохи Великой французской революции.

Но Россия не Франция, она другая, объединяющая на наиболее протяженной в мире совокупности этнических границ двести народов с парадоксальной исторической вариативностью этногенеза и этнической истории, пространственно-временного хронотопа и интенсивности информационно-коммуникативных практик.

Конечно же, в формальном плане, по паспорту, по государственной принадлежности, стране проживания все мы – россияне, живущие в противоречивых реалиях постсоветского сложно реформируемого российского этносоциума, предопределенные растущими социальными диспропорциями. Усиливается отчужденность, этнокультурный потенциал народов все чаще оказывается невостребованным, а фактически нереализованным в должной мере. В таких условиях очевидно, что нет оснований уверенно говорить о приоритете общероссийского самосознания и гражданской

идентичности над этнической принадлежностью, и, тем более, об их понимании как сопричастности и сопереживании в веберовском истолковании.

Тем не менее, в нелишенных идеологической ангажированности работах по многонародной российской нации, наиболее выразительная из которых – многостраничная (649 с.) монография В.А. Тишкова, написанная публицистично, эмоционально-патетически, аргументированная запоминающимися цветными фотографиями (например, правнука Столыпина, Конгресса соотечественников и др.), заметен соблазн представить этнокультурные и этнополитические реалии повседневности как якобы уже трансформированные в должные, желаемые, и в плане социального познания тем самым исключить демаркацию теоретического исследования от гипотетических построений [Тишков].

В действительности же, многонародная нация позиционируется как длительный во времени, на десятилетия сменяемых поколений процесс становления, раскрытия потенциала самодостаточности и самоорганизации российского этносоциума, общероссийской идентичности и самосознания, как его этнокультурная актуализация. Итак, полиэтничный российский социум и многонародная российская нация, эволюционируют в координатах потенциальное – актуальное. Они не тождественны, и как два понятия, не синонимичны. Методологически эта эволюция может быть объяснена в приемлемых для данной ситуации категориях синергетики.

Для российского этносоциума во втором десятилетии XXI в. характерны, по меньшей мере, три группы прогрессирующе-значимых социально-философских проблем. Прежде всего, это проблема предотвращения кризисных состояний, нарушения ценностно-культурных, популяционных и информационно-коммуникативных констант, определяемая нами как антиномия самодостаточность – деструктивность. Систематизация деструктивных этносов представлена в нашей статье, опубликованной на страницах «Этносоциума», за что автор приносит благодарность редакции журнала [Беркович]. Вторая – проблема интровертной негативной идентичности, деформированного самосознания, его ментальной вывихнутости. И, в-третьих, это проблема консолидации российского этносоциума. Обратимся к этим проблемам более подробно.

Для предотвращения кризисных состояний российского этносоциума приоритетной должно стать стратегия самодостаточности, привлекая лексикон А.И. Солженицина «народосбережения», включая создание долгосрочных стабильных условий безопасного функционирования народов. Это непосредственно относится как к наибольшему по численности русскому народу, так и к самым малочисленным, архогенетическим по происхождению этносам. Назовем их выборочно: алеуты, алюторцы, нганасаны, негидальцы, кереки, кеты, саамы, тофалары, энцы и др.

Безусловно, негативным фактором, инициирующим деструктивное нарушение этнических констант и вызывающим все более растущее беспокойство, являются так называемые новые мигранты. Современные мигранты - это новая, постсоветская, фактически стихийная миграция, с территории российского Северного Кавказа, а также из Азербайджана и Средней Азии. Очевидны этноцентристские ориентации, а также психологический дискомфорт, и коммуникативная маргинальность, возникающие в ситуации, когда мигранты, покинув привычную среду жизнеобеспечения, с трудом адаптируются к иноэтническому окружению российского социума.

Постсоветская миграция, в отличие от советской предвоенной и послевоенной моноэтнической, славянской миграции, характеризуется своей масштабной дезорганизованностью, хаотичностью. Она инициирует перманентные состояния этнокультурной напряженности, способной при непредсказуемой совокупности обстоятельств воспроизвести небезызвестную ситуацию Кондопожского синдрома. Постсоветская кавказская и среднеазиатская миграция сущностно определяются как экзотерриториальная форма экспансии в российском этносоциуме.

Новая миграция реализует две противоречивые этноконфликтогенные тенденции. Первая – это экстенсивно увеличивающиеся по численности повсеместно возникающие диаспоры, предопределяющие становление институциональной самодостаточности мигрирующих этносов. Вторая – противоположная, все более углубляющаяся тенденция заметного ослабления самодостаточности и нарушения этнической безопасности преобладающего русского населения. По нашему мнению, востребована этнически целенаправленная, концептуальная государственная миграционная стратегия, принципиально исключающая дестабилизацию межэтнических отношений и ориентированная на внутреннюю российскую миграцию, прежде всего из депрессивных, дотационных субъектов Российской Федерации, из неблагополучных, бесперспективных районов, из обезлюдивших волостей, уездов, деревень. Учитывая продолжающуюся более чем двадцатилетнюю депопуляцию русского народа, представляется необходимым создание приоритета для внутренней русской миграции. Она явится одним из значимых факторов упрочения самодостаточности и безопасности российского этносоциума.

Следующая по своей значимости проблема российского этносоциума обусловлена тем, что усиление маргинализации, мифологизация массового сознания, обезличивающие космополитические тенденции глобализации культуры, стимулируют обращенность к интроспективному познанию, к удовлетворению потребности в собственной этничности, что достаточно эффективно культивируется, например, в этническом туризме. Именно ему посвящен следующий раздел нашей работы.

Этнический туризм (путешествия, «хождения») не равноценен как удовлетворению витальной потребности к передвижениям, к сменам местобития, так и массовой культуре, характерной, например, для коммерческих эпатажно-развлекательных туров в национальные деревни, национальные парки и т.п. Собственно этнические смыслы путешествий имеют компенсаторное предназначение, поскольку фактически они целенаправлены в прошлое с определяющей установкой на самопознание, на реконструкцию этнокультурной памяти, включая традиции, ритуалы и обычаи этносоциализации. Этнический туризм позволяет раскрыть полузабытые межпоколенные семиотические коды этничности, воскресить генеалогию путешественника, становящегося этнофором, т.е. индивидуальным носителем своей межпоколенной этничности.

Путешествия в безвозвратно утраченное этническое местобитие более чем уместны для так называемых разделенных народов, для диаспорных и дисперсных групп материнского этноса и, безусловно, для народов, на чью этническую историю судьбоносное влияние оказали роковые идеологические и геополитические метаморфозы: категорические запреты на национально-культурную автономию, расправы с инакомыслящей национальной интеллигенцией, и насильственные переселения. Таковы, например, ностальгические маршруты ингерманландцев и финнов в анклав своего бывшего проживания в Карелии и в Ленинградской области; депортированных немцев в Калининградскую область и в Поволжье, в Саратовскую область, где в 1941 г. была ликвидирована немецкая автономная республика; евреев в исчезнувшую идишитскую культуру местечек Украины и Белоруссии. Востребованы многие другие маршруты униженной и расколотой этнокультурной памяти.

В этом месте нашей работы позволю себе не более чем заметить, поскольку необходимо специальное исследование, что процесс реконструкции этнокультурной интровертности и этносоциализации является приоритетным в реализации долгосрочной программы интеграции зарубежных соотечественников на свою историческую родину, в российский этносоциум.

В многонародном российском социуме с исторически сложившимся взаимовлиянием этнических культур возникли благоприятные условия для регионально-локального краеведческого туризма, включая межэтническое пограничье. Краеведческий туризм предполагает интроспективное познание диахронных истоков архетипичности, ментальности и поведенческих стереотипов, оно непосредственно зримо включено в контекст экзистенциальных метаморфоз, самодостаточности «местных» этносоциумов в соотнесенности с их представлениями о малой родине и отечестве, с аналогичными, но общероссийским ценностно-культурными приоритетами.

Для российского этносоциума, учитывая напряженную демографическую ситуацию, определяющей должна стать молодежная полиэтничная (в возрасте 20-25 лет) составляющая этнического туризма, поскольку молодежь наиболее восприимчива к этнокультурным взаимодействиям.

И в-третьих, это проблематика консолидации российского этносоциума. Известны следующие модели ее реализации. Это великодержавная консолидация с официальной риторической формулой «самодержавие, православие, народность», апеллирующая к помпезному имперскому величию России, созданному трехсотлетним правлением дома Романовых. Как здесь не вспомнить печальные лермонтовские строки: «...слава, купленная кровью, ... полный гордого забвения покой». Затем, советская имперская консолидация с приоритетом неуклонного сближения, безусловного расцвета народов с их последующей интеграцией в многонациональный советский народ. Есть евразийский проект, в соответствии с которым идея России видится в самобытности ее цивилизации как наследнице Великой монгольской империи Чингисхана, провинцией которой она являлась более четверти тысячелетия, что тем самым предполагает образование своеобразного соборного евразийского сообщества, в самосознании которого должны доминировать евразийские мироощущения и умонастроения. Непреходящий евразийский соблазн возрождается в начале XXI в. как новая парадигма консолидации российского этносоциума. И есть, имеющая свою давнюю историю, православно-христианская модель этноконфессиональной консолидации и др.

Проблема консолидации российского этносоциума многозначна, иерархична, она амбивалентна по конфигурациям, динамизму и метаморфозам своего развития, исключая линейную детерминацию логоцентризма.

Есть две, бесспорно доминирующие взаимопредполагаемые проблемы: этнокультурная целостность и объединительная российская идея. Первая из них такова: каким образом преодолеть существенные различия и противоречия между народами по степени их включенности в консолидацию и последующую интеграцию российского этносоциума. Представляется, что это будет, вновь повторимся, длительный по времени, на десятилетия сменяемых поколений процесс, отражаемый закономерностью возрастания этнокультурной консолидации российского этносоциума. Реализация этой закономерности осуществляется в контексте перманентных состояний этноцентризма, продуцирующего как агрессивную экспансию, так и культивирование архаических этнокультурных ценностей. Все более растущую негативную значимость вызывает фактор пространственной обособленности, этнического изоляционизма и, тем самым, деструктивных коммуникативных практик, возникающий когда исключается коммуникативность как интерактивная основа межэтнического взаимодействия.

В российском этносоциуме это присуще, например, северным народам: ительменам, корякам, селькупам, юкагирам, нивхам низовьев Амура и Сахалина, проживающему там же уйльта, этносу тунгусо-манчжурской языковой группы, малоисследованному по своим историко-культурным и популяционным корням и многим другим.

Объединительная российская идея может быть сконструирована верховными властными структурами или оппозицией, профессиональными политтехнологами или, допустим, олигархическим интернационалом и т.п. Десятки попыток придумывания «сверху» уже были, и они продолжаются. Объединительная идея как концептуальное самоутверждение многонациональной нации и российской гражданской идентичности фактически формируется «снизу», по метафорическому выражению, на уровне «корней травы», раскрывая потенциал усиления целостности консолидации. Российская идея находится в становлении, но, тем не менее, она все более востребована, поскольку выполняет две свои основные функции: консолидационную, или функцию «народосбережения», и целеполагающую, перспективную, обосновывая предназначение, смысл и конструирование идеала развития российского этносоциума в многополярном мире во второе десятилетие XXI в.

Содержательное наполнение перспективной функции есть предмет отдельного тщательного междисциплинарного исследования. Но, вновь повторимся, Россия иная, она не подобна моноэтнической европейской Франции и суперэтническому, более чем миллиардному азиатскому Китаю с амбициозной самоутверждающейся идеей: «Китай должен знать мир, мир должен знать Китай». Российскому, фактически, евразийскому этносоциуму присущи стратегия самодостаточности и консолидации в становлении многонациональной российской нации и афористично сформулированная идея российского предназначения в XXI веке. Она зреет, и только от самосознания и гражданской ответственности самих народов России зависит, когда она созреет. Лучше раньше, чем поздно.

Литература

1. Беркович Н.А. Деструктивные этносы: востребованность модернизации и креативности // Этносоциум, №2, 2013, с. 46-50.
2. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

А

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Российский университет дружбы народов

МГУ им. М.В. Ломоносова

Санкт-Петербург

Солонин Ю.Н.,

*профессор, доктор философских наук,
заведующий кафедрой культурологии*

Санкт-Петербургского государственного университета

Целостность как методологический принцип в культуроведении¹

Настоящая статья развивает тему о целостном подходе в познании и науках, его эффективности, методологическом своеобразии и свойствах получаемых результатов. Над нею мы работаем уже несколько лет, но она нуждается в расширении.

Расширение темы необходимо для более убедительной аргументации в пользу креативности целостного подхода. В предшествующих публикациях мы оперировали главным образом материалом естественных наук². И, хотя они имели неизбежно обзорный характер, мы полагаем, что создали предпосылки для более тщательного и систематического рассмотрения этой проблемы. Заявленное расширение предполагается сделать за счет привлечения материала и примеров целенаправленного использования целостного или качественитивного подхода в культурологическом и вообще гуманитарном знании.

Проблема целостности в различных своих трактовках привлекает внимание и исследовательский интерес всё большего числа ученых и философов³. И, тем не менее, все эти исследования спорадичны, тематически не скоординированы, разрознены и терминологически почти не согласованы. То есть еще не сложились целенаправленная системно-упорядоченная методологическая парадигма и отвечающая ей научно-исследовательская программа.

Идея целостности не является открытием нашего времени. Понимание мира, реальности как особого рода целостности, все части которой находятся во взаимозависимой упорядоченности, порождаемой взаимодействием между ними на уровне сущностных структурных связей и генетических детерминаций, присуще было человеческому мышлению, едва оно стало оформляться в философско-научные концепты и представления.

С пониманием мира как целостности связано и представление о качествах. Учение о качественных определенностях действительности (квали-

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Квалитативизм как онто-методологическая установка новой гносеологической стратегии»), проект №13-03-00386.

2. Солонин Ю.Н. Концепты и логические модели теорий целостности // Понятие целостности в логико-методологическом аспекте. Труды научного семинара по целостности. М.: Этносоциум, С.6-35.

3. См. например: Арутюнян М.Н. Принцип органицизма в классической и современной философии. Пятигорск, 2012.

тативизм) принято связывать прежде всего с именем Аристотеля. И в той мере, в какой его влияние определяло ситуацию в европейской философии, квалитативизм оказывал влияние на общий дух научного мышления до интеллектуальной революции середины XVII века. Следует добавить, что если учения о качествах так или иначе сводились к аристотелевой физике¹, то учения о целостности, диалектике части и целого, типах и эйдосах в значительной степени имели источником платоновскую онтологию². И в той мере, в какой она оказывала влияние на философов, натурфилософов в особенности, во все последующие времена, идея целостности мира, природы, сущего и т.д. продолжала входить в их теоретический арсенал. Достаточно полно это влияние, прояснено в отношении понятия типа и типологического метода³.

Решительные изменения произошли в XVII столетии, когда в работах философов, заложивших основы нового философско-научного мышления, были открыты совершенно иные представления о мире и способах его познания. Вместе с этим произошла и радикальная трансформация смыслов и значений основных категорий, отображавших прежние представления о действительности⁴. Вместе с этим произошло изменение и познавательных стратегий. На место спекулятивно-созерцательного мышления, опиравшегося на пассивно-наглядную наблюдательность, пришел инструментальный рационализм. Качества, свойства и другие атрибуты квалитативного понимания мира и его предметностей, равно как и язык, в котором они воспроизводились, обнаружили свою полную несостоятельность перед требованиями новой науки. Точность, строгость, количественная определенность, конкретность – вот некоторое из того, что требовалось для нового экспериментального естествознания. Их можно было достичь, только перейдя на иной тип мышления и отвечающий ему научный язык, покоящийся на идее числа. «Книга природы написана языком математики» – популярное выражение, идущее с того времени. Полагают, что так думали и Декарт, и Галилей, и Спиноза – отцы-создатели новой интеллектуальной культуры. Но такое понимание статуса математики в представлении мыслителей того времени не вполне точное. Прежде всего, надо обратить внимание на то, что имела в виду не конкретная математика, а некий её идеальный прообраз, значимый для познания: *mathesis universalis*. Наиболее близким его воплощением долгое время почиталась геометрия и свойственный ей тип структурирования мыслительного процесса: теоре-

1. В свое время эту проблему изучал В.П. Визгин. См.: Визгин В.П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. М.: Наука, 1982.

2. Эти вопросы специально интересовали выдающегося отечественного историка философии А.Ф. Лосева в его многочисленных работах по античной философии и платонизму.

3. См.: Шилкарский В.С. Типологический метод в истории философии. Юрьев, 1916. Wach J. Die Typenlehre Trendelenburgs und ihr Einfluss auf Dilthey, Tübingen. 1926.

4. Это хорошо раскрыто в работе А.В. Ахутина «Фюсис» и «Натура». Понятие «природа» в античности и в Новое время. М., 1988.

мы, леммы, королларии, доказательства, аксиомы, определения и проч. Всякое научное мышление, а тем более текст, должно было содержать в себе эти элементы и следовать принятой в геометрии модели рассуждения. Различные версии этого геометрического языка науки продержались до XIX века. Открытие Лейбница, что строгость математических рассуждений – это, собственно, строгость логики, и именно она задает критерии рациональности для науки, осталось как бы в стороне на длительное время. Его идея «универсальной характеристики» (*characteristica universalis*) в своем значении была оценена лишь в начале XX столетия, в частности, опять-таки когда был поставлен вопрос о калькулирующей природе научного рассуждения, которой должна подчиняться всякая наука независимо от своеобразия своего предмета. Квантитативная установка завоевывала все новые области мышления и познания, обеспечив прогресс в создании современной науки. Эта установка определила все наши интеллектуальные навыки, духовную культуру. Западная цивилизация символизирует собой высшую степень воплощения этой установки. Не случайно, что её критика нередко предстает как критика и отвержение всей организации квантитативного мышления, т.е. прежде всего науки, безоговорочная вера в абсолютность которых составляет *credo* современного человека.

Следующим моментом интеллектуальной и научной революции стал принцип «системно-редукционистского методологизма». Так может быть обозначена та программа научного метода, которую выдвинул Декарт под названием «нового учения и метода». Научное знание, согласно ей, строится по единому методу, сводящемуся к компактному набору исследовательских процедур, рационально контролируемых и очевидных в своих основаниях. Эти правила бесспорны для всякого ума, озаренного «естественным светом разума», то есть не имеют какого-либо эзотерического статуса и не являются исключительным обретением избранных и посвященных в тайны познания мыслителей. Наука при таком понимании её построения должна быть гомоморфна по структуре, а сами правила – не простой набор приемов умственных навыков, применяемых в процессе исследования, а система внутренне связанных предписаний. Таким образом, в гносеологии и философии науки Декарта квантитативизм получил свою интерпретацию как системный взгляд на строение знания и способ его получения. Хотя понятие системы еще до Декарта и философии Нового времени имело историю своего использования, в особенности в средневековой философии, но только после этого времени оно обрело рациональный смысл; системное мышление, системный подход стали синонимами рационального мышления, рационализма вообще.

Каковы бы ни были дополнительные характеристики квантитативизма, ясно главное, он превратился в доминирующую гносеологическую парадиг-

му и стал распространять энергично свое влияние на все области знания. Постепенно ему подчинялись и социальные науки. Социология, собственно, и возникла как наука об обществе, использующая для его познания арсенал методов полностью заимствованный из естествознания, как социальная физика. Приобрести статус науки, научности, что рассматривалось высшей целью знания в любой предметно-созерцательной сфере, означало овладеть методологией естественных наук и перенести их в соответствующую область. В связи с этим мы могли бы напомнить известный тезис австрийского философа второй половины XIX века Франца Brentano, который и философию рассматривал как некую эмпирическую науку. Он гласил: «В философии нет иного метода, кроме метода естественных наук».

Надо сказать, что оценка такого методологического редукционизма в отношении социально-гуманитарных наук весьма неоднозначна¹.

Очевидно, что определенное положительное значение его несомненно. В противном случае мы бы должны были отрицать формальный и системный аспекты этих наук, что очевидно нелепо. Идя путем научного рационализма, развивались и культурологические науки, особенно в тех частях, которые были ориентированы на исследование истории культуры, материальной культуры, распространения культуры и проч. Таковы уже известные исследования Э. Тэйлора, Л. Моргана, Ф. Боаса, Д. Фрезера, Б. Малиновского и многих других, рассматривавших учение о культуре, этнографию, антропологию, фольклористику как эмпирические науки. Можно даже обобщенно сказать, что все культурологические дисциплины начинались как эмпирические, с претензией дать строгое, системно обоснованное знание. Многие из них следуют этой установке и поныне. Естественнонаучный этап являлся хорошей школой воспитания методологической культуры. И его прошли многие культурологи, даже те, которые позже стали родоначальниками прямо противоположных подходов к изучению культуры. Мы можем в качестве примера назвать имена Г. Риккерта, Э. Кассирера, Г. Зиммеля, Л. Фробениуса, некоторых представителей неокантианства. И поныне не угас позитивный смысл тезиса: «В науках о культуре столько науки, сколько в них естественнонаучных методов»².

Но со второй половины XIX столетия возникает постепенная оппозиция квантитативному взгляду на действительность: природную и социо-культурную. Обычно связывают это утверждение этой оппозиции с Риккертом, Дильтеем и их школой. Но это не соответствует правде. Значение Шопенгауэра и Ницше существенно, хотя их аргументы против рациона-

1. Солонин Ю., Тишкина А. Методологические проблемы построения теории культуры / *Фундаментальные проблемы культурологии*. Т. V: Теория и методология современной культурологии. СПб.: Эйдос, 2009. С. 96-112; Солонин Ю., Артамошкина Л. Методологические проблемы изучения культуры (от системного подхода к целостному). Учебно-методическое пособие. СПб.: СПбГУ, 2010.
2. См. об этом: Солонин Ю., Тишкина А. Проблема естественнонаучной трактовки культуры (географизм в науках о культуре) / *Мир философии – мир человека*. М. 2007. С. 212-236.

лизма не оказались разрушительными для сциентизма. Но исходящие от них импульсы возбуждали критику и воодушевляли их последователей в дальнейшем.

Нам представляется существенным отметить, не столько философскую критику сциентизма, сколько понимание ограниченности его методологических принципов среди самих ученых. Многие из них, особенно в Германии, исходным пунктом считали натурфилософию Гёте, которая не будучи системно развитой, тем не менее, явно базировалась на идее органической целостности природы и стимулировала понимать человека и его мир в этой же перспективе. Но истоки развития целостно-органистического мышления, все же следует видеть в особенностях развития самого естествознания. Далеко не все ученые, касаясь проблем человека и общества, находили разумным применять к их объяснению сопоставление со свойствами физического мира, к механическому функционализму. Особенно такие сомнения свойственны были тем мыслителям, которые имели отношение к живой природе. Неприменимость к ней научного инструментария сциентизма им казалась очевидной. Образец такого ученого мы видим в научной позиции знаменитого французского физиолога и медика Мари Франсуа Ксавье Биша (1771-1802). Невольно, обратившись к этому имени, мы подошли к оценке так называемого «витализма». В господствующей парадигме сциентистского натурализма витализм, оценен исключительно как иррационалистическое отклонение, представившее объяснение жизненных процессов не в рациональной аргументации экспериментальной биологии, а через серию лишенных научного смысла, сокровенных понятий рода «жизненная сила». Мы обращаем внимание на внутреннюю ситуацию в самой науке, на осознание того что гетерономная структура универсума, включающая живой мир и человека, побуждала ученых искать объяснительные техники адекватные, специфическим областям реального. Центральным стало понятие жизни, выходявшее за пределы механистической и чисто биологической интерпретации. Витализм стремиться исходить из нее как базового принципа, а не производного.

Насколько можно судить по литературе вопроса, витализм обнаружил себя во французской науке¹. В университете Монпелье проф. Бартеза (1734) создал одну из первых версий этого учения и ввел термин «витализм». Ему же приписано и понятие «жизненная сила», которой подчинены или из которой производятся все органические процессы: движения, чувствования и проч. Его идеи развил и видоизменил профессор того же университета Борде. Последний построил относительно сложную иерархию жизненных процессов и того, что их вызывает. Вместо неопределенного, по его мнению, понятия жизненная сила он стал пользоваться идеей духа – *spiritus rector* – объединяющего и направляющего действия всех органов целостного орга-

1. Протоверсии его относятся даже к XVII в. (ван-Гельмонт и Г. Шталь), если не ранее.

низма «животных в живом». Эта школа биологии и медицины оказала влияние и на научную мысль. Биша продолжил линию своих предшественников. Он попытался конкретизировать дышащие материалистической отвлеченностью понятия жизненной силы и само учение витализма. Нас сейчас интересует другая особенность его взглядов: он исходил из понимания коренного различия живого и неживого, создающего не только два различных мира, но и способов их познания. Он писал: «Существа бывают органические или неорганические, их свойства жизненные или нежизненные. В соответствии с этим наука бывает физиологическая или физическая». «Свойства живых тел прямо противоположны свойствам физическим». Последние «постоянны и неизменны, поэтому и законы этих наук постоянны и неизменны, их явления можно предвидеть и учесть, а т.к. животные свойства по существу неустойчивы, их явления нельзя ни предвидеть, ни учесть»¹. Научные заслуги Биша особенно велики в сфере физиологических основ медицины, в учении о тканях, как основных носителях жизненных свойств, проявляющихся в процессах сопротивления отмиранию и смерти.

Хотя у Биша нет суждений относительно сущности проблем социо-культурной жизни, но выраженная им установка рождала вектор понимания ее именно в направлении особого целостного статуса. Во всяком случае, приведенные нами суждения его явно предваряют логику аргументации об особом статусе наук о культуре, которые были с восторгом восприняты на рубеже XIX и XX столетий.

Для более весомой фактической аргументации нашей мысли, что выход на качественную парадигму, как преодоление методологического кризиса, вызревал в недрах самого сциентизма, в воззрениях авторитетных и критически оценивающих научную ситуацию ученых обратимся к еще одному свидетельству.

Оно содержится в капитальном труде Родериха Энгельгардта «Немецкий университет Дерпта в его духовно-историческом значении» (1933)². На основе изучения историко-научных материалов, автор пришел к выводу, что уже около 1860 года в научном мире произошло важное в философско-теоретическом отношении изменение. Оно касалось как духовной установки нового поколения интеллектуалов – идеалов гуманизма, так и философско-методологических перспектив. Одним из важнейших свидетельств появления новых интеллектуальных предпочтений, стала ориен-

1. Цит. по Огнев И.Ф. Естественно-исторические воззрения Биша. М. 1898. См. также: Словарь деятелей естествознания и техники. Т. 1 (А-Л) М., 1958. С. 79. Основное сочинение Биша: «Физиологические исследования о жизни и смерти». Пер. и дор. П.А. Бибииков. СПб., 1865. Французское издание этого сочинения входило в состав библиотеки А.С. Пушкина. Он же включил этого автора в круг чтения Онегина. Влияние воззрений Биша в России было значительно. Так, В.Ф. Одоевский полагал, его «к произведениям центральным, которые необходимо знать всякому образующему себя человеку» (Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 2009. С. 395-396). Оно было устойчивым и в науке, например, в ботанике (П.П. Бородин), и др. (Коржинский, Фаусек). Мнение К.А. Тимирязева, что дарвинизм покончил с витализмом, оказалось несостоятельным.

2. Engelhardt R. Die Deutsche Universität Dorpat in ihrer geist deschichtlichen Bedeutung. Reval 1933.

тация на целостность в понимании всего к чему обращалось познающее мышление. Автор ссылаясь на суждения выдающегося ученого А. Кирхгофа, который в речи перед Прусской Академией в 1860 г. констатировал, что новые целеустремления связаны с обретением целостности во всем; ко всему следует подходить творчески и все видеть в единстве (*gestaltend*). Это стремление многим казалось анахроничным, ибо целостность представлялась отмершим концептом; его место заняли исследования отдельных частей, и царила ситуация атомизированности и расщепленности. Идеи В. Гумбольдта, Фихте, Гегеля, Шлейермахера прежде еще имевшие вес, забылись в суете достижений точных наук, их практического применения. Показательна в этом отношении судьба Александра Гумбольдта. Этот «последний великий натуралист», по определению Карла Бэра, умер в 1859 г. и о нем почти забыли или причислили к дилетантам. Но отмахнуться от идеи целостности было невозможно. Только что упомянутый великий ученый К. Бэр, хотя и писавший на немецком языке, но бывший русским подданным и проживший всю жизнь в России, где и состоялась его научная судьба, также был одним из тех, кто понимал продуктивность целостного научного мышления и сам развеивал его, оказав воздействие и на социокультурную методологию в свое время.

Вторым знаком поворота был возврат к идее жизни. Она возникла не в философских доктринах, хотя обитала в некоторых из них, а стала закономерным следствием развития наук о живом. Понятие жизни свойственно было натурфилософии К. Бэра, которое он прояснял учением о целесообразности. Оно было в свою очередь связано с идеями исторического развития, неотделимыми от понимания органического мира, а посему утвердившихся прежде всего в биологии. Целесообразность изменений в мире живого, по Бэру, позволяет понять организацию всего живого на Земле и объяснить место человека на вершине её. Нам нет нужды заниматься проблемой, насколько идея целесообразности несла в себе религиозные мотивы или провиденциальные моменты. Нам важно обратить внимание на процесс расшатывания догматического натурализма, на подрыв всевластия сциентистского рационализма. В сферу науки во все большей мере входили факты и предметные области, требующие для своего истолкования новых категориальных подходов и новых смысловых интуиций. К этим сферам стали относиться возникающая антропология, психология, ценностная сфера, следовательно, этика и эстетика. И Бэр энергично проводит мысль, что целостность мировоззрения, охватывающего весь мир и человека, не может строиться на естествознании ибо оно «неспособно одарить нас ключом к смыслу мира»¹. Новые идеи нуждались в новых понятиях. Их искали и за пределами строгой науки.

1. Op. cit., С. 222.

Важный отзвук в научном сообществе получили идеи братьев Гарнак (Адольфа и Акселя), Г. Бунге и Л.ф. Шрёдера. Двое из них – Адольф Гарнак (историк церкви и религиовед) и Леопольд фон Шрёдер (индолог) были гуманитариями и культурологами, двое других: Аксель Гарнак (математик) и Г. Бунге (физиолог) представляли естественные науки. Но воззрения их во многом оказались идентичными или согласными по духу. Они занимали видное место в ученом мире, и всем им свойственно было признавать невозможность строить науку в отрыве от культурно-исторического знания. Густав Бунге с позиций витализма подверг критике механицизм, под которым понимался позитивистский тип научного мышления, и стал одним из родоначальников неовитализма. В известном смысле его идеи укрепили те, которые традиционно связаны с философией Дильтея. По нему, загадка жизни не может быть раскрыта никаким внешним опытом. Наши пять чувств для этого недостаточны. Но есть шестое чувство, это наше сознание, когда оно отражает наше внутреннее переживание. И через него лежит дорога к постижению жизни. Бунге вводит и определитель жизни, это – активизм, действие в широком понимании слова. Оно нам дано из самонаблюдений, в частности над волей, как она выступает в сознании. Магистральная тенденция познания состоит в том, что мы из известного нам непосредственно, из внутреннего мира, активно идем к непознанному, к внешнему миру. В каком-то смысле утверждение Бунге предваряет учение Якоба Иксюля, биолога с мощной философской установкой в понимании изученного им органического мира, о «внешнем» и «внутреннем» мирах (Umwelt und Innenwelt), определяющих жизненную стратегию всего живого. Организм, исходя из своих особых возможностей: биофизиологических, психологических, интеллектуальных (как у человека), из чего состоит его внутренний мир, конструирует внешнюю среду как целостность знаков, примет, отношений, структур и проч., создающих особый мир, в котором организм, особь и т.д. не просто чувствуют себя комфортно, но и обеспечивают свою продуктивную жизнедеятельность. Иксюль, как биолог, разработал эту дуально-целостную структуру применительно к животному миру, но, судя по некоторым текстам его, полагал применимой к человеку и его культуре¹.

Бунге еще в середине XIX настаивал на необходимости того, что называлось «Мышлением об органическом» или «органическое мышление» (organische Denken), которое, несмотря на разделенность «наук о духе» и естествознания, способно проложить дорогу к целостному мирозерцанию, в противовес односторонности, к которой ведет рационализм.

1. До сих пор мы только вскользь касались теорий Иксюля, которые заслуживают более внимательного рассмотрения, чтобы выделить в них перспективные идеи, оставив в стороне все то, что образует балласт из идеологических предубеждений, натуралистического редуктивизма и виталистического иррационализма. См.: Uexküll J. Bausteine zu einer biologischen Weltanschauung. München. 1913; Он же: Die Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin. 1909 (неоднократно переиздавалась). Особое значение в аспекте нашей темы имеет его работа «Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Bedeutungslehre». München. 1970.

Сходные идеи представил и математик Аксель Гарнак. Он сформулировал и обосновал мысль о границах естественнонаучного познания, лишь несколько десятилетий спустя ставшей основной в неокантианстве, представленном В. Дильтеем, Г. Риккертом или Т. Липпсом. Он указал на целый ряд областей проявлений человеческой воли, свободы, морали, которые не имеют шансов быть истолкованы в духе детерминизма и каузальных отношений. Т.е. собственно, имелся в виду мир культуры и человеческой индивидуальности.

Хотя стало обычным представлять дело так, что только в неокантианстве была ясно осмыслена ситуация, которая порождена ограниченностью познавательных возможностей рационализма, опирающегося на классическую квантитативную установку, однако история идей даже в пределах XIX столетия говорит нам, что и в среде натуралистов постепенно вызревало сомнение в безграничности теоретико-познавательного горизонта этой интеллектуальной позиции.

В 1913 г. Знаменитый Адольф Гарнак сделал доклад «О научном познании». Науку он рассматривал прежде всего как инструмент и средство продуктивного воздействия на жизнь через целесообразную практику. Сама она проходит ряд ступеней (четыре), поднимаясь к все более совершенному постижению действительности. Примечательно, как точно характеризует Гарнак мыслительные операции начальных (и низших) состояний науки. Он прямо называет его «отвлеченно-ориентированным и сводящимся (редуцируемым) на количественность и спекулирующим по каузальной схематике».

Именно такому мышлению отвечает понимание природных сил в «энергетическо-механистическом смысле». И оно непременно приводит к заключению, что всё действительное должно обниматься этой природной силой. «Но жизнь посмеялась над этой через чур простецкой формулой; мнимо замкнутые звенья каузальной цепи разрываются понятием свободы, той произвольной способностью (Wahlremögen) – то есть «активностью», в которой заключена тайна жизни»¹.

По Гарнаку, только на третьей и четвертой, высшей, стадии наука приобретает способность к постижению жизни и ее загадки. Следует обратить внимание на то, что жизнь у него трактуется не в биолого-органицистском, а в культурно- и философско-антропологическом смысле.

Именно здесь обретениями науки становятся «чистое усмотрение через проникновенное наблюдение» и вчувствование. Такими рассуждениями Гарнак продолжает линию Бэра, Бунге, Иксюоля.

Если третья ступень науки и ее методов еще зависит от мышления и познания биологического типа, то следующая уже целиком сосредоточена на человеке, его духовности. В ней речь идет об истории человека в собственном смысле слова». «Высшая духовная жизнь познается как история и как нрав-

1. Engelhardt. Op. cit. S. 234.

ственность»; ее предмет – ценности и нормы. Задача же философии в понимании Гарнака, состоит в исследовании «целостности в её тотальности».

Человечество находит свой путь в будущее не в свете факела количественного непрерывнопроверяемого познания единичного, а под руководством мужей, коим дано предчувствие высшего света (Zentralsonne) и мужество прорваться от физики к метафизике, от истории к метаистории, от этики к метаэтике¹.

Пафос Гарнака безусловно мотивирован не только самоощущением себя открывателем новых горизонтов, – но пониманием того, что ситуация времени, когда культура стала определяющим фактором жизнедеятельности человека, не согласуется с достигнутым уровнем ее познания и понимания и с тем путем, каким последние шли к своей цели доньше. Следует обратить внимание, что он не проводит размежевание наук и сфер реальности, а выстраивает иерархию познания и методов, позволяющую высшим уровням ассимилировать и опираться на нижние, а не отторгать их. Именно этим и достигается прокламированная им тотальность науки и методов.

Индолог Л. Шрёдер, в заключение, представил идею развития как центральный принцип человеческой истории. При этом он рассматривал последнюю с её древнейших начальных стадий, как они понимались в науке начала прошлого века, обосновывал единство истории и природы, внутреннюю сплавленность древности с её мифообразованной предисторией с искусством и культурой современного общества. История есть постоянное смыслодержательное становление.

Приведенный нами материал, надеемся, дает основание к выводу о том, что сложились две тенденции, направленные к дезавуированию абсолютной значимости квалитивизма и системопонятой реальности в пользу утверждения перспективности количтивизма и целостного подхода. Одна тенденция формировалась внутри естествознания как реакция на расширение и качественное изменение предмета познания – переход от механистического натурализма к органической реальности, непрерывно развивающейся из внутренних сил. Вторая была связана с самим развитием знаний о культуре, продемонстрировавших, при всей своей начальной значимости, неприемлемость методологического редукционализма, то есть перенесения методов естествознания в среду культурно-исторических наук. Мы не ставим целью критическое осмысление предлагаемых целостных учений. Нас интересует вызревание кризиса количтивизма.

Идея целостности сама претерпевала изменения в движении идей. Вот небольшой пример. В развитии наших представлений о целостности человеческой культуры существенное значение имели понятия «всемирная история», «мировая литература». Их истоки следует искать в универса-

1. Op. cit. S. 235.

листских представлениях XVIII века, в частности, в космополитизме, развившем понимание универсальности основополагающих ценностей жизни, структур жизненного мира, под внешним многообразием форм их проявления. Идея высшей и низшей культуры в ценностном аспекте их восприятия оказалась несостоятельной. Что же касается такого культурного явления как литература, то утвердилось мнение о равноценности всех ее национальных типов. Одним из первых эту мысль выразил немецкий историк Август Шлёцер (1735-1809), много лет проработавший в России и создавший капитальное исследование по русским летописям «Нестор». В Гёттингенском университете, где он, после возвращения из России, состоял профессором русской литературы и истории, он опубликовал исследование по исландской литературе (1773)¹. В нем он провел мысль, что средневековая исландская литература столь же важна как и любая иная национальная литература. В его понимании «всемирная литература» представляла совокупность всех их, в том числе и считающихся второстепенными. Мы видим в этом взгляде не только особое выражение космополитизма Просвещения, но и отказ от априорных оценочных подходов как непременном условии объективной научности. Шлёцер был известен своей склонностью, иногда гипертрофированной, к критической аналитике источников (русских летописей, в том числе). Таким образом, его «мировая литература» – это формальное понятие, не предполагающее целостности и органичного единства. Следует сказать, что Гёттингенский университет явился колыбелью и идеи «мировой истории», которую в эти же годы развивал историк И. Гаттерер (1727-1799). Она так же в его сочинении под этим названием выглядела суммативным образованием историй разных народов. Эта неразвитость не умаляет ценности самой идеи, как первого выражения культурного универсализма. Тем не менее, идею «мировой литературы» связывают с именем Гёте². Г. Тихан, исследовавший эту проблему, полагает, что это оправдано на том основании, что Гёте придал ему принципиально иное толкование. В него включено ее понимание как развивающегося общения между писателями и читателями; процесс, а не абстрактный идеал. В духе мышления Гёте, логично говорить о «мировой литературе» как развивающейся целостности.

Тем не менее, какова бы ни была зависимость от гётеанской традиции, всё же определяющее значение имели причины, возникшие в ходе развития самого гуманитарного знания. Именно они побуждали ученых выходить в научно-методологическом поиске за пределы сциентистски ориентиро-

1. В этом вопросе мы следуем в целом материалам статьи Г. Тихана: «Космополитизм в дискурсивном ландшафте модерности: два контекста выражения в эпоху Просвещения» // Новое литературное обозрение. 2011, № 110. С. 144 и далее.

2. Gundolf Fr. Goethe. Berlin. 1916. Гундольф отвел обсуждению этой проблемы целый раздел своей капитальной работы.

ванного знания и свойственной ему квантитативной методологии вкупе с системной интерпретацией предмета познания.

Поучительным образцом, иллюстрирующим сказанное, является учение о культуре одного из интереснейших представителей культурологии XX века Лео Фробениуса (1873-1938). После него осталось обширнейшее и богатое содержательно и интеллектуально теоретическое наследие. Доныне существует основанный им «Африка-Архив», преобразованный позже в институт культурной морфологии при Университете Франкфурта-на-Майне. Последний в настоящее время известен как Институт Фробениуса. Главной задачей институт считает сбор культурно-этнографических материалов различных примитивных, первобытных и доисторических культур. Это отвечает традиции, заложенной ещё его основателем. Фробениус определяющее значение придавал культурам народов Африки, особенно выяснению их происхождения, сравнительному изучению в сопоставлении с культурами восточного, индийско-тихоокеанского региона. На этом материале построены все главные теории Л. Фробениуса, которые институт продолжает считать интеллектуальным основанием своей научной деятельности. В то же время эти теории находятся в зоне повышенного критического отношения современных культурологов и африканистов. И это притом, что африканистика именно через труды Л. Фробениуса получила свое интенсивное развитие и современный вид. Их влияние сказалось и на нашей культурологической мысли 20-х – 30-х годов. Мы имеем в виду работы В.Г. Богораз-Тана и Д.А. Ольдерогге¹.

Неприятие теорий Фробениуса можно объяснить рядом пересекающихся факторов, в первую очередь именно тем из них, который согласуется с основным тезисом нашей статьи – неприятием целостно-органистической трактовки культуры основной массой сциентистски ориентированных культурологов. Забегая вперед, скажем, что терминология, научный язык, его смысловые комплексы, которые предложил Фробениус, провоцируют оценки его теорий в духе отвлеченного спекулятивизма и биологического редукционизма.

Тем не менее, мы полагаем, что возвращение внимания к тому, что сделано Фробениусом в области наук о культуре в теоретическом и прикладном отношениях, имеет не только историко-научное значение, но способно стимулировать самую культурологическую мысль.

Фробениус работал в весьма широком диапазоне гуманитарных наук, почти везде высказав стимулирующие идеи. Его научную позицию отличала определенная свобода от рутинной культурологической мысли.

1. См. об этом: Солонин Ю., Тишкина А. Проблема естественнонаучной трактовки культуры (географизм в науках о культуре) / Мир философии – мир человека. М., 2007. С. 212-236; Они же: Богораз-Тан и проблема естественнонаучной трактовки культуры / Страницы истории. Сб. статей, посвященный 65-летию проф. Г.А. Тишкина. СПб., 2005. С. 225-240.

Фробениус не получил традиционного университетского образования и к проблемам этнографии и антропологии традиционных обществ пришел собственным путем. Смелые и рискованные сравнения и сопоставления, отказ от жесткого формализма научного языка остались как отпечаток дилетантизма на всех его работах.

Интерес к традиционным экзотическим культурам вообще был характерной чертой социальной философии второй половины XIX века. Ему содействовал в первую очередь эволюционизм, перешедший из сферы биологических наук и вскоре охвативший все сферы социальной и культурологической мысли. Во всех институтах современного общества видели развитые состояния и формы предшествующих примитивных социальных порядков. Изучение последних считалось ключом к пониманию природы общества вообще. Под воздействием этих убеждений разворачиваются этнографические экспедиции, собираются коллекции артефактов из жизни существующих этносов или давно исчезнувших культур. Появляются капитальные работы о происхождении культуры и ее первичных формах: Л. Моргана, Э. Тэйлора, Л. Кшивицкого, Ф. Энгельса, Б. Малиновского и многих других. Определенный переворот в культурологическом сознании произвела книга И. Бахофена «Материнское право», позволившая реинтерпретировать и многие сюжеты дошедшей мифологии, и смыслы многих обрядовых обычаев традиционных этносов, и важные социальные отношения в жизни первобытных народов, стерты следы которых все чаще стали обнаруживать и в современном обществе. Поэтому интерес Фробениуса к проблемам, имеющим характер остроты и новизны, вполне был в духе времени. Он его реализовывал работой в этнографических музеях Бремена, Лейпцига и других городов. Уже в середине 90-х годов XIX века он подготовил диссертацию о «тайных обществах» африканских племен¹. Она была отвергнута всеми университетами, в которые он ее представлял. И почти 30 лет Фробениус работал вне университетского мира.

В 1898 году появляется его первая фундаментальная монография «Происхождение африканских культур». Как и диссертация, она выполнена на музейных материалах, географической и этнографической литературе: работы К. Риттера, Ф. Ратцеля, Э. Реклю, А. Бастиана и ряда других ученых, сочетавших интересы географии, культурологии и этнографии, записях путешественников. Тем не менее, несмотря на несомненный «кабинетный характер», монография засвидетельствовала о появлении оригинального мыслителя, способного сказать новое слово. И оно было сказано. Именно Фробениусу принадлежит главная заслуга в изменении характера научной африканистики. В последующем на основе этой работы с учетом огромного

1. Диссертация была опубликована: Frobenius L. Die Geheimbünde Afrikas. Hamburg. 1894. Она основана исключительно на историко-этнографическом материале.

практического знания и наблюдений, полученных в многочисленных экспедициях, охвативших большую часть Африки, он создаст капитальный труд «Культурная история Африки», без учета которой, даже критического, невозможно теоретическое отношение к этому культурному региону и к культурологии вообще¹.

После этой работы Фробениус занялся проработкой отдельных проблем, косвенно или недостаточно полно рассмотренных прежде. Результаты этой работы были опубликованы главным образом в ведущем географическом журнале Германии «Петермановские географические известия» и «Естественнонаучном еженедельнике», позже преобразованном в знаменитый журнал «Естественные науки»². Все они имели тот же «кабинетный» характер, но свидетельствовали о формировании совершенно особой культурологической позиции их автора.

Музейные коллекции давали все же достаточный материал для теоретических обобщений, и Фробениус воспользовался ими в максимальной степени, разработав свою модель «культурных кругов», исходя из идеи «географических кругов» Ратцеля, и осуществив картографирование культуры на географическом пространстве Земли³.

Новый этап начался в 1904 году, когда Фробениусу удалось организовать первую африканскую экспедицию. За ней последовала череда экспедиций, охвативших почти 30 лет, общим числом двенадцать. Их особенностью была не только тщательная всесторонняя организационная подготовка, но и научная гипотеза, которую должно было подтвердить. Каждая экспедиция заканчивалась публикацией ее итогов как в виде огромного монографического отчета, так и иллюстративного материала.

Примером может послужить экспедиция в Северную и Северо-Западную Африку в 1908-1911 годах, имевшая целью выявить скрытые, по мнению Фробениуса, элементы мифической культуры Атлантиды, из которой выросли, с его точки зрения, в дальнейшем специфически африканские культурные субстраты. Подобно Г. Шлиману, поверившему в реальный факт троянской войны, Фробениус полагал, что изложенная Платоном легенда об Атлантиде вовсе не является красивым, беспочвенным вымыс-

1. Это самая известная работа Фробениуса, переиздаваемая и поныне (Frobenius L. Kulturgeschichte Afrikas). В замыслах Фробениуса изначально был амбициозный проект издания корпуса исследований о происхождении культур («Der Ursprung der Kulturen»), который призвана была начать монография «Происхождение культур Африки». Проект реализован не был, уступив место более основательной проработке африканских культур и созданию оригинальной философии культуры.

2. Ряд статей вышел в религиозно-этнографических и этнографических периодиках до начала периода путешествий Фробениуса.

3. См.: Frobenius L. Der westafrikanische Kulturkreis // Petermann Geografische Mitteilungen. 1897. Bd. 43, Hf. X-XI, s. 225-236, 262-267; Bd. 44, Hf. 12, s. 193-204; 265-271.

Он же: Die Kulturformen Ozeaniens // Petermann Geografische Mitteilungen. 1898. Bd. 44, s. 204-271. Обширные статьи сопровождалась картами культурных кругов и их номенклатурой, введенной Фробениусом, но не получившей широкого признания у специалистов.

лом, а имеет историческую почву. Не случайно, что отчет об экспедиции он назвал «На пути к Атлантиде»¹.

После окончания экспедиционной деятельности, которое пришлось на начало 30-х годов XIX века, Фробениус занялся завершением культурологической теории, все более смещаясь в сферу философии культуры. Мы можем выделить три относительно независимых в теоретико-методологическом, отчасти в аргументационном плане, периода в его научной деятельности. Первый занимает около десяти лет с начала его работы в этнографических музеях (1895) до начала экспедиционной деятельности (1904). Второй охватывает период до начала 30-х годов, т.е. около тридцати лет, и отмечен интенсивной экспедиционной работой. Сам Фробениус участвовал в одиннадцати экспедициях. Наряду с обработкой полученных материалов и изданием фундаментальных отчетов, собрания мифов и легенд народов Африки (около двенадцати томов) он приступает к поиску новых теоретических подходов к пониманию культурных процессов и возникновения культуры. Третий период занимает примерно пять лет (1933-1938), и закончился со смертью исследователя. Фробениус все более захватывается культур-философским спекулятивизмом и поисками философии истории. Свидетельством чего явилась книга «Судьбоведение». Ее содержание указывает, что он определенно смещался в область идейных установок реакционного толка, признания нацизма как исторического выбора будущего Германии и проч.²

В теоретико-методологическом отношении интересны особенно первые два периода. В первый период Фробениус вполне разделяет утвердившийся под влиянием позитивизма подход к изучению культуры в духе сциентистского рационализма. Музейные коллекции артефактов кажутся достаточным эмпирическим источником для описания и объяснения культур, к которым они относятся. Методы изучения артефактов таковы же, как и ме-

1. Frobenius L. Auf dem Wegenach Atlantis / Deutschen Inner-Afrikanischen Forschungs-Expedition, zweiter Reisebericht. Berlin. 1911. Свои «отчеты» Фробениус составлял в подчеркнуто неакадемической манере, свободным ненаучным языком, с различными отступлениями общего плана, явно рассчитанных на широкую публику. Так, в частности, он излагает свое понимание научного путешественника и его миссию: традиционно к путешественникам относятся как людям, призванным ликвидировать белые пятна на картах, открывать реки, озера, горы, преодолевать дикие силы природы и направлять свои усилия на приобретение новых фактов о жизни Земли и природы. То, чему следует сам Фробениус, иное: «Красная нить, которой я следую, тянется не через карты и белые пятна; она тянется через историю человечества» (с. XII). Так он воспринял максиму К. Риттера: «Облик Земли становится для нас исполненным смысла только в его отношении к человеку». Таким образом, Фробениус выразил свою великую мысль об историчности африканских культур в противовес царившим в его время суждениям об их застылости в первоначальном примитивном состоянии. По новому стала звучать и география как наука: это наука о становлении человечества в связи с историей Земли и природы. Если Ф. Ратцель пришел к идее антропогеографии, то Фробениус идет дальше: география есть синтез истории Земли с культурной и антропологической историей человечества. Обращаясь к мифу об Атлантиде и атлантах, убеждая, что «город Посейдона» не выдумка и может быть отыскан, Фробениус в сущности придает целевую осмысленность своим поискам исторических протоформ культуры.

2. Frobenius L. Schicksalskunde. Weimar. 1938.

тоды любой эмпирической и описательной науки, в особенности биологии. В понимании культурных процессов, в особенности их хронологического изменения, Фробениус удовлетворялся эволюционизмом дарвиновского типа. К этому добавлялся подход, получивший обоснование в географических науках и ставший известным под названием «географический фактор». Фробениус полагал в тот период, что многие культурные изменения, и особенно распространение культур, определены географическими причинами. Таким образом, культурная теория строится им по канонам, принятым в естествознании, и, в сущности, как его составная часть.

Во второй период доминируют принципиально иные установки. Они возникли под воздействием непосредственного контакта с реальной культурной жизнью племен и народностей Африки, которая прежде представляла в застывших и разрозненных музейных экспонатах. Скудость естественнонаучного объяснения стала очевидной. Не меньшее значение имели и изменения в идейно-философском климате Европы. Кризис натурализма вызвал к жизни особую ориентацию в объяснении духовно-исторической сферы общества. В итоге концептуализации этой ориентации возникло мировоззрение, получившее наименование «историзма». Он хорошо описан, что позволяет нам не останавливаться на его характеристике. Фробениус по-своему воспринимает эти идейные переориентации и создает ряд теорий, касающихся сущности культуры и решительно порывающих с его прежним натурализмом. Тем не менее, влияние органицизма не было им смыто окончательно. В центре его новых идей стояли понятие культуры как игры и учение об особом духовном комплексе каждой культуры, определяющем ее глубинную сущность и само существование, которое он закрепил в понятии пайдеума.

Изменения в теоретическом мышлении были ясны самому Фробениусу и отрефлексированы им в ряде статей его знаменитых сборников по проблемам культуры, этнологии и антропологии под заглавием «Освоенная Земля»¹ вышедших в 20-е годы прошлого века. Особенно интересны статьи 3-его и 4-ого томов: «От письменного стола к экватору» (3-ий том) и «От народоведения к философии» (4-ый том).

Рассмотрим несколько подробнее воззрения Фробениуса этих периодов.

Движение Фробениуса в разработке общей теории культуры от ее естественнонаучной модели, предполагавшей, что культура есть, хотя и особая, но все же часть естественного мира, к теоретическому осмыслению ее как несводимой ни к каким природностям формы духовно-душевной жизни, только отлагающейся в культурных артефактах, может служить специфическим отражением движения всей гуманитарной и культуроло-

1. Мы так решили перевести немецкое заглавие сборников «Erlebte Erdteile». Слово «erlebte» от глагола «erleben» – «переживать», имеет в данном случае сложную коннотацию, не передаваемую его русским эквивалентом «пережитый».

гической мысли Европы. Находясь под воздействием господствовавших в науке принципа естественнонаучного материализма и позитивистской философии, она трактовала культуру как способ и форму приспособления человека, возникших в ходе его эволюционного развития и борьбы за выживание. Особое значение в контексте такого подхода к культуре имело учение Дарвина. После его появления на свет широко распространилось убеждение, что заключенные в нем понятия дают достаточно средств для описания и понимания тех процессов, которые происходят в обществе и в культуре. Хорошо известен социал-дарвинизм, но в таком же смысле можно говорить и о культур-дарвинизме, упрочившемся в гуманитарных науках конца XIX столетия, примером которого может служить выдвинутая концепция «естественнонаучного учения о культуре». Она была изложена им в ведущем естественнонаучном журнале тогдашней Германии – «Естественнонаучный еженедельник» (1899)¹, но еще ранее более развернуто в книге «Происхождение культуры. Том 1. Происхождение африканских культур» (1898).

Основная позиция Фробениуса, представленная в этой книге, сводится к признанию того, что культура есть особая «живая сущность» (*Lebensweg*), то есть организм. И как таковой в своем развитии он подчиняется определенным законам и имеет естественные фазы или ступени развития и состояния, свойственные любому живому существу. Таковы: рождение, детство, возрасты возмужания и старения, за которыми следует смерть. Именно из этих соображений строится представление об африканской культуре, данные о которой и служат основным подтверждением развитой концепции. Именно она характеризуется стадией динамичного детства, что позволит потом Фробениусу ввести понятие игры как фундаментального культурологического понятия, объясняющего происхождение культуры и ее основных форм.

В указанной статье Фробениус дает более детальное изложение своего понимания культурологической теории. Именно здесь он однозначно определяет свой метод как естественнонаучный, гарантирующий построение научной теории.

Фробениус вводит понятие «культурный момент», то есть такую характеристику биологического поведения, когда случайное или инстинктивное поведение животного перерастает в регулярное, закономерное и носитель этого поведения обнаруживает свою зависимость от культурного момента. В человеке культурный момент как природная предпосылка, пограничная по существу, становится основой собственно культуры. «Человеческая культура есть живая сущность, которая без человека немыслима, даже если его и нет» (как реальности). Еще одно характерное выражение:

1. Frobenius L. Die naturwissenschaftliche Kulturlehre // Naturwissenschaftliche Wochenschrift. 1899. B. 14. №29. S. 333-337.

«Культура есть <особый> паразит, который так тесно сросся со своим носителем, что он не желает его устранить, даже если может; в то же время человек без культурного паразита не может быть мыслим, даже если бы мог без него существовать».

Учение о культуре Фробениус делит на «морфологию культуры» как учение о ее внешних формах и «культурную анатомию» как учение о внутреннем строении культуры. Затем выделяет «физиологию культуры» как учение о культурных процессах.

Особое место отводится законам анатомического и физиологического строения культуры, которые касаются по преимуществу роста и распространения культурных форм в пространственном отношении.

Анализируя собственное творчество, Фробениус признал бесперспективность попыток построить учение о культуре как естественнонаучную теорию. В основу этого заключения было положено новое представление о трехчастной структуре мира: неорганическая природа, органическая и культура. Культура связана с человеческой душой, но не как продукт деятельности последней, а потому что сама, будучи особенной сущностью, наделена, как выше сказано, своим творческо-энергийным центром – пайдеумой. Этот термин относится к греческому прототипу – пайдейя, обозначающему и воспитание, и знание, и образование вместе с комплексом тех духовных ценностей, которые осваиваются. Таким образом, Фробениус предпринял попытку порвать с натурализмом. Попытку не до конца удавшуюся. Поэтому его культурфилософская концепция довольно противоречива. С одной стороны, культура – органическая целостность, но не организм в старом смысле. Ибо она прежде всего духовная сущность. Но переживает все стадии, свойственные органическим сущностям. Познание культуры становится не столько делом науки, сколько процессом вживания в нее, постижения ее внутреннего смысла. Таким образом, в перспективе Фробениус стоял перед спиритуализацией сущности культуры.

Эту особенность позиции Фробениуса уловил Хейзинга. Последний имел в немецком ученом прямом предшественника в построении игровой теории культуры¹.

Анализируя понятие игры, Хейзинга отмечает существенные ее свойства, отмеченные Фробениусом впервые, а именно «захваченность», «погруженность» в нее как неперемное условие настоящего игрового процесса. Наряду с этим игровое состояние у Фробениуса выступает как проигрывание основных природных процессов (и космических), которые становятся содержанием культурной жизни. По Хейзинге же игра – это форма, оболочка, охватывающая культурный процесс, а не сам он. У Фробениуса культовый характер определяет все ядро культуры, смысл которой составляет мистически переживаемый космико-природный процесс.

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992. С.27 и далее.

Впрочем, требуется более точный анализ как самой теории игры Фробениуса, так и того влияния, которое она оказала на Хейзингу. Очевидно, что немецкий африканист создал одну из интереснейших концепций культуры как игры в 20-ом веке. Но она, увы, не стала предметом надлежащего внимания.

Большое значение имеет и типология культур, которую вводит Фробениус. Она наиболее полно разработана им для африканского культурного пространства. В последнем случае она – типология – более эмпирически верифицирована, как, например, его деление африканской культуры на два типа: эфиопскую и хамитическую (исламизированные общества Египта, Ливии и некоторых других областей он не принимает в расчет). Первая обусловлена центральной ролью растений в жизни народов этой культуры. Злаки и овощи, их производство или собирательство связаны с другими особенностями: типом жилища, одежды, украшений, вообще с искусством и т.д. Особенно важно их соответствие типу социальных отношений, которые строятся по патриархальному принципу. Хамитическая культура связана с животным, будь то объект охоты или пастушества. И в ней социальный порядок, по Фробениусу, имеет выражено матриархальные черты.

Фробениус не чужд в понимании и постижении культуры того, что обозначено им как «физиогномика культуры»¹. Она состоит в том, что культурный тип, в частности, определяется неким устойчивым комплексом. Прежде всего, их два. Женский комплекс определяет западную культуру, мужской – восточную. Из этого их различия он выводит такие особенности культурного состояния, как пространственность западной культуры и ритмоустроенность с интенсивностью жизни – восточной. Физиогномичность предполагает и особую технику постижения культур, которая уже имеет мало общего с научным их изучением.

Тем не менее, мы не решаемся сказать, что Фробениус создал мистико-иррационалистическую и спиритуалистическую теорию культуры. Но такая тенденция у него была налицо. Увеличивающаяся нестрогость вводимых им понятий имела следствием то, что задача построения научной теории культуры, которую он ставил перед собой в начале научной карьеры, сменилась установкой на построение философии культуры.

Приведенные примеры культурологических и гуманитарных теорий, основывающихся на принципах целостности и квалитативизма, не исчерпывают научного арсенала новой культурологии. Но они дают достаточно материала и поводов судить о том, что вопреки концептуальным и методологическим трудностям и издержкам эта ориентация в научном отношении состоятельна и перспективна.

1. Это понятие использует уже Шпенглер в своем знаменитом труде, именно утверждая, что системологическая философия иссякла и должна уступить «физиогномическому» пониманию культуры. В XX веке физиогномика нашла своего классика в трудах Р. Касснера, отчасти Л. Клагеса, и даже Фр. Гундольфа.

Бойдаченко П.Г.,

д. с. н., профессор кафедры философии и политологии

Бондаренко С.А.,

аспирант кафедры философии и политологии

Эволюция понятия демократии в контексте типологизации политических систем

Современные политические системы именуют себя «демократиями», подчеркивая тем самым свою преемственность со специфическими механизмами власти, зародившимися впервые еще в Древней Греции (самая знаменитая из них — в Афинах). Самый первый теоретический анализ демократических систем, ставший с тех пор классическим, был дан, как известно, Аристотелем (384-322 до н.э.).

Как же определял демократию этот мыслитель?

Демократией Аристотель называл политические системы, в которых верховная власть принадлежала неимущему (малоимущему) большинству народа, правившему в своих собственных интересах. «Государственное устройство, - писал он, - означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства... Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного - аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, - полития»¹.

Аристотель называл «демократией» некоторый «неправильный», негодный государственный строй, «правильную» версию которого он предпочитал называть «политией». Однако последний термин не прижился уже в античной науке и политической практике, прежде всего потому, что со словом «демократия» тогда связывались, скорее, положительные, чем отрицательные оценки.

Поэтому у другого, более позднего мыслителя - греко-римского историка Полибия (200-120 до н.э.) используется несколько иная терминология: «...следует признавать шесть форм государственного устройства,

1. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 457.

три из которых, поименованные выше, у всех на устах, а остальные три общего происхождения с первыми, я разумею монархию, олигархию, охлократию»¹.

Но в целом это одна и та же (аристотелевская) классификация, отличающаяся только перестановкой терминов (и несколько большей, чем у Аристотеля, неопределенностью понятий). Однако впоследствии (где-то в XVI-XVII веках) аристотелевское деление политических систем на «правильные» и «неправильные» было отвергнуто на том основании, что оно исходит из субъективной оценки различных политических систем. В европейской науке с тех пор установилось объективно-нейтральное деление их на три основных типа - монархию (верховная власть в руках одного), аристократию (верховная власть в руках меньшинства) и демократию (верховная власть в руках всего народа или его большинства).²

Однако и эта классификация, несмотря на ее внешнюю очевидность и простоту, страдает тем недостатком, что она основана на неопределенном понятии верховной власти.

Что такое верховная власть? Об этом у самого Аристотеля нигде ясно и определенно ничего не сказано. Не пытались уточнить это и более поздние античные мыслители. Попытки же, предпринятые в этом направлении учеными Нового времени, столкнулись с серьезными трудностями.

Так, Т. Гоббс (1588-1679), придерживался в целом еще аристотелевской точки зрения. Однако при этом он отождествил верховную власть, с одной стороны, с суверенитетом, а с другой - с представительством, причем, и то, и другое оставил достаточно неконкретным. «Различных форм государства, - писал он, - может быть только три. Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. Если представителем является один человек, тогда государство представляет собой монархию; если - собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это демократия, или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан, тогда это аристократия. Других видов государства не может быть, ибо или один, или многие, или все имеют верховную власть (неделимость которой я показал) целиком. Тирания и олигархия есть лишь различные названия монархии и аристократии»³.

Очевидно, что Т. Гоббс внес в разбираемый предмет не столько уточнение, как ему казалось, сколько еще большую путаницу. И без того не впол-

1. Полибий. Всеобщая история. В 2 т. Т. 1. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 444.

2. Отметим, что в российской теории государства и права на ином уровне абстрагирования монархию относят к формам правления наравне с республикой (REX PUBLICUM).

3. Гоббс Т. Левиафан // Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 144.

не ясное понятие верховной власти он отождествил еще и со столь же (если не более) неопределенными понятиями суверенитета и представительства.

Поэтому Дж. Локк (1632-1704) не удовлетворился концепцией Гоббса и вынужден был сформулировать свое собственное понимание, основанное на том, что всякая власть изначально исходит только из одного источника - самого народа. Но при этом верховной властью Локк склонен был считать только (или по преимуществу) власть законодательную. «Поскольку с момента объединения людей в общество, - писал он, - большинство обладало, как было показано, всей властью сообщества, то оно могло употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами; в этом случае форма правления будет представлять собой совершенную демократию; или же оно может передать законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их наследников или преемников, и тогда это будет олигархия; или же в руки одного лица, и тогда это будет монархия. Ибо форма правления зависит от того, у кого находится верховная власть, которая является законодательной (невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала высшей или чтобы кто бы то ни было, кроме верховной власти, издавал законы); в соответствии с этим форма государства определяется тем, у кого находится законодательная власть»¹.

Таким образом, у Локка были «смешаны» два различных понимания верховной власти: это власть всего народа (большинства), а также - это власть законодательная. Согласно первому пониманию верховная власть определяется через указание на ее естественного носителя, а согласно второму - через указание на ее специфическое применение (функции). Гоббс, как известно, симпатизировал строю абсолютной монархии, Локк же желал установления монархии ограниченной (конституционной). Отсюда, по нашему мнению, имеет место такое расхождение в понятиях у этих мыслителей.

Однако локковская точка зрения не вполне удовлетворила ученых эпохи Просвещения, и уже у Ш. Монтескье (1689-1755) мы находим совсем иную классификацию политических систем. В его известной книге «О духе законов» мы читаем: «... есть три образа правления: республиканский, монархический и деспотический. Республиканское правление - при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или его части. Монархическое правление - при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов. Между тем как в деспотическом правлении все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица»².

1. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 337-338.

2. См.: Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 169-187.

Таким образом, Монтескье, с одной стороны, снова возвращается к концепции Аристотеля, различая два вида единоличной верховной власти - «правильную» (монархия) и «неправильную» (деспотия), но, с другой стороны, он предлагает новое, более общее деление - на монархические и республиканские, по сути, политические системы. Однако, чем именно отличаются первые от вторых при этом не уточняется. Поскольку Монтескье (вслед за Локком) допускал выборные «монархии», то он не стремился дать точного определения, предложенного им разделения.

Таким образом, мыслители Нового времени не только не продвинули вперед классическую, аристотелевскую классификацию политических систем, но во многом запутали ее до такой степени, что подорвали к ней всякое доверие. Так, например, французский политолог Ж. Бешлер, пишет следующее: «Возникает искушение ввести более специальный термин - «верховная власть» и спросить: «Какие люди являются носителями верховной власти?» или «Кому принадлежит верховная власть?». Однако это словосочетание настолько перегружено историей и неоднозначно, что дает повод к всевозможным идеологическим искажениям и путанице в рассуждениях и поэтому лучше отказаться от него сразу же»¹.

Иначе говоря, классическое представление о принципиальном делении политических систем предлагается полностью отбросить. Однако с таким предложением трудно согласиться. Теория Аристотеля возникла не на пустом месте, а явилась глубоким обобщением, с одной стороны, длительного развития политической мысли его предшественников (включая Платона), а, с другой - разнообразнейшей политической практики того времени (сам Аристотель, по свидетельству древних, дал эмпирическое описание более 150 различных механизмов власти (политических систем), доступных его наблюдению). В этой связи следует признать, что в целом его концепция выдержала проверку временем.

Но, с учетом современных реалий и знаний, она, несомненно, должна быть проанализирована с позиции углубления и уточнения ее исходных понятий.

Как известно, в древнегреческом языке для обозначения феномена власти использовались два основных термина «архе» и «кратос». Первое, заимствованное греками в терминах «монархии», «олигархии» и т.п., означало некое верховенство, главенство, первоначало. Оно указывало на некий источник, субстанцию, лежащую в основе эмпирической реальности и постигаемую умом, но не эмпирическим созерцанием. Поэтому слово «архе» использовали также и древнегреческие философы, искавшие первоначало,

1. Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк. М., 1994. С. 57.

субстанцию всего сущего. У Фалеса таким архе, как известно, стала Вода, у Гераклита - Огонь и Логос, у Анаксагора и Аристотеля - Ум (Нус) и т.д.

Второе же слово, задействованное греками в терминах «демократия», «аристократия» и т.п., обозначало более специфические и конкретные феномены - господство, силу, принуждение, характерные для реальных, эмпирически наблюдаемых механизмов власти в человеческом обществе. Философы слово «кратос» в своих концепциях не использовали. В данном контексте авторы понимают «кратос» - как власть, как реальные органы и механизмы управления обществом.

Возвращаясь к Аристотелю, мы можем сказать, в общем, что в политической концепции этого ученого понятия власти как архе и власти как кратос оказались неразличными и смешанными друг с другом. Он не различал верховную власть как источник всякой конкретной власти (как это различал отчасти и впоследствии Дж. Локк) и саму эту власть как действующие в том или ином обществе органы государственного управления.

Причины этого смешения, очевидно, заключаются, прежде всего, в том, что Аристотель не мог себе представить такого положения дел, при котором обладатели верховной власти не могли бы отправлять ее и на деле - то есть не могли бы быть реальными правителями. Аристотель не мог разделить обладателей верховной власти и реальных правителей. Причина этого, в свою очередь, заключалась в том, что в Древних Афинах, с которыми он сверял постоянно свои умозрения о демократическом государственном строе, носители верховной власти - свободные граждане Афин и органы верховной власти - Народное собрание Афин, Совет 500, Верховный суд (Гелиэя) представляли собой практически одно и то же. Все полноправные взрослые афиняне считались носителями верховной власти, и они же (собираясь вместе на Пниксе или в другом месте) составляли собой особый верховный орган управления своей страной, решавший в качестве последней инстанции все государственные вопросы. Более того, эти же граждане составляли собой Верховный суд Афин (Гелиэю) и Верховный Совет Афин (Буле, или Совет 500), в который они избирались в порядке очереди по жребию. Поэтому для Аристотеля Народное собрание Афин (и вообще все органы власти) и народ Афин были одним и тем же, и носителем верховной власти, и одновременно верховным правителем.

Но такое совпадение, представляло собой исключительное явление, обусловленное крайней малочисленностью всей совокупности афинских граждан. Таковых в Древних Афинах насчитывалось всего лишь несколько тысяч человек, а потому они вполне могли собираться вместе и составлять собой особый верховный орган управления - Народное собрание. Однако

в случае достаточно многолюдного государства полное совпадение носителей верховной демократической власти и верховного органа управления страной технологически невозможно. В самих Древних Афинах оно было возможно лишь потому, что из числа полноправных граждан там исключались не только рабы и вольноотпущенники, но и все жители страны, не имевшие в родителях обоих граждан (неполноправные), все свободные иммигранты (метеки), и все женщины. Если бы им было предоставлено право гражданства, то Народное собрание не смогло бы вместить всех желающих, а если бы и смогло, то оно было бы полностью неработоспособным.

Таким образом, Аристотелю, чтобы обнаружить недостатки своей теории, нужно было понять, что носители верховной демократической власти и орган верховной демократической власти в «нормальном» случае не совпадают (и не могут совпадать). Но это было почти невозможно, поскольку реальная политическая практика того времени не давала ему для этого ни малейшего повода. В реальных «микроскопических» полисах Древней Греции народ, свергавший своих царей, тиранов или олигархов, всегда стремился тут же образовать из себя особый демократический орган - Народное собрание.

Однако уже в условиях того времени, если бы более внимательно всматриваться в устройство древних монархий, можно наблюдать, что носители верховной власти (цари) и реальные правители никогда не совпадали. Никакой царь уже во времена Аристотеля не мог править в одиночку. Хотя формально верховная власть в таких обществах принадлежала одному лишь царю, но практически он всегда вынужден был передавать основную часть этой власти более или менее широкому кругу лиц, отправлявших ее от его имени. Без такой передачи власти справиться с управлением страной царь фактически не мог. Народ обычно не может сам править в силу его многочисленности, монарх же не может этого делать по противоположной причине.

Сегодня, конечно, все уже понимают с большей или меньшей очевидностью, что ни народ, ни монарх как носители верховной власти не могут в реальности быть действительными правителями, хотя и по противоположным причинам. На деле править страной всегда может только некоторое меньшинство - некая «олигархия», «аристократия», «плутократия», «элита» и т.д. Реально правит (может править) любой страной при любом политическом строе всегда только некоторое меньшинство, а не один человек и не большинство народа.

Эта мысль постепенно была осознана (и абсолютизирована) в европей-

ской политологии (Г. Моска, Р. Михельс, В. Парето, Ж. Сорель и др.), что явилось источником теперь уже иной путаницы, характерной теперь для нашего времени. Так, например, у известного французского политолога, М. Дюверже в его фундаментальной монографии «Политические партии» (1951) мы находим следующее характерное рассуждение. «Мы живем, - пишет он, - с совершенно нереалистичным представлением о демократии, выработанным юристами вслед за философами XVIII века. «Правление народа посредством народа», «управление нацией через ее представителей» - громкие слова, призванные возбуждать энтузиазм и оттачивать ораторские способности... Никто и никогда не видел народа, который сам собой управляет, и никогда не увидит. Всякое правление олигархично, что неизбежно ведет к господству немногих лиц над массой. Руссо хорошо видел то, о чем забыли его комментаторы: «Если взять термин в строгом его значении, настоящей демократии никогда не существовало и никогда существовать не будет... Воля народа глубоко анархична: он хотел бы делать все, что ему заблагорассудится. Он бессознательно рассматривает власть как неизбежное зло, и его инстинктивное поведение перед лицом правительства - это сопротивление.»¹

Тем не менее, вполне очевидно, что эти рассуждения нашего знаменитого современника страдают не меньшей путаницей в понятиях, чем классическая мысль Аристотеля. Но, если последнему мешали указанные выше реальные обстоятельства его времени, то непонятно, что мешает видеть вещи в более правильном свете Морису Дюверже? По-видимому, это непосредственно связано с антидемократическими убеждениями. «Подлинная демократия, - говорит он далее, - есть нечто иное - это вещь более скромная, но и более реальная. Она определяется, прежде всего, свободой «для народа и для каждой части народа», как то провозгласило Учредительное собрание 1793 года. И свобода не только для привилегированных по происхождению, состоянию, должности, образованию, но действительная свобода для всех, что предполагает определенный уровень жизни, определенное общее образование, определенное социальное равенство и политическое равноправие»².

Но при этом верно, конечно, и то, что народ, даже признанный носителем верховной власти, не способен, все же, образовать полноценного органа управления государством, состоящего из самого народа, поскольку это либо «технически» невозможно, либо вообще нецелесообразно (чем более обширно собрание людей, тем менее оно работоспособно). Иначе говоря, сам народ в современных условиях, действительно, не может править. Однако он, все

1. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002. С. 510-511.

2. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002. С. 511.

же, может обладать верховной властью в том же смысле, в каком обладает ею любой монарх, который тоже не может править в одиночку и всегда вынужден передавать огромную часть своей власти некоторому множеству других (подотчетных и подчиненных ему) лиц - реальным правителям.

Вообще, те, кто реально правит в любой стране в каждый данный период, могут обосновывать свое право на власть либо своей собственной волей («мы правим потому, что такова наша воля»), либо волей кого-то другого, от имени, которого они и правят. При этом никак не обосновывать свою власть они не могут, по той простой причине, что правят они не скотом, а разумными существами, у которых всегда «на уме» одно: по какому праву эти люди диктуют нам законы и отдают приказы?

Здесь мы сталкиваемся с извечной проблемой легитимации власти: обладание властью всегда должно быть разумно обосновано и рационально интерпретировано.

Только в отношении Бога у людей отпадает вопрос, по какому праву Он правит. Именно поэтому изначально все древние и даже средневековые правители либо сами приравнивались к богам (фараоны в Египте, цари в Ассирии, императоры в Китае и Риме), либо объявлялись верховными жрецами или помазанниками божьими (китайские императоры, имевшие «мандат Неба», христианские короли, получавшие благословение на трон от «наместника Бога», византийские императоры и русские цари, помазанники от патриархов Вселенской церкви). Античный мир исходно отличался здесь от обществ Древнего Востока только тем, что в нем не один царь обладал божественным происхождением, но некоторое множество древних фамилий (эвпатриды, патриции). Так, мы читаем у Гомера, что матерью Ахилла была богиня Фетида, а многие знатные роды в Греции, в числе которых были спартанские и македонские царские семьи, вели свое происхождение от Геракла¹.

В таком случае основой власти может быть воля какого-то одного человека или одной фамилии (монархия), либо воля некоторого меньшинства семей (олигархия), либо, наконец, воля всего народа или его большинства (демократия). Если отвлечься от всех случаев сакрального наделения властью, то существует только три способа «естественной» легитимации действующих правителей: монархический, олигархический и демократический. В соответствии с этим, существует только три вида политических систем - монархия, олигархия и демократия.

Таким образом, демократия - это не только и не столько форма правления, сколько форма (способ) легитимации реальной власти.

1. Цит. по: Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988. С. 15.

При этом понятие «демократия», как легко заметить, выпадает из вышеуказанного ряда потому, что в нем используется совсем другой корень - не «архе», а «кратос». Даже если это своего рода словесная условность, то подсознательно она ведет к определенному искажению (и снижению) смысла обозначаемого им понятия. Ведь словом «архе», как было показано выше, обозначается власть в некотором более глубинном и возвышенном смысле, чем словом «кратос». Власть-архе играет роль легитимирующего начала, а власть-кратос - всего лишь легитимируемого. Поэтому, строго говоря, понятие «демократия» в данном ряду следовало бы заменить термином «демархия».

Конечно, мы понимаем, что всякая попытка введения новых терминов выглядит претенциозно и обычно встречает сильное сопротивление, что вполне оправданно. Там, где можно обойтись прежними терминами не следует изобретать новых. Однако, демократия («демархия») нами определена выше как одна из трех возможных форм естественной легитимации действующих властей. Из этих трех форм (монархии, олигархии и «демархии») она предстает чем-то более сакральным, чем монархия и олигархия. Монархи и олигархи, утратившие ореол божественности с разрушением древних религий, предстают перед лицом современных граждан чем-то прозаическим и даже жалким, по сравнению с природной мощью и грандиозностью целого народа. Они смертны, тогда как народ мыслится бессмертным. Если и можно представить себе некоего «естественного заместителя» Бога на земле, то таковым, несомненно, может быть только народ, а не индивид или не некоторое множество индивидов, сколь бы выдающимися они не были. Именно в этом смысле древние говорили (и верили), что глас Народа - глас Божий. Именно поэтому власть народа в указанном смысле, а не власть одного или немногих лиц больше всего заслуживает корня «архе» в обозначающем ее слове. Демархия является более рациональным и возвышенным понятием, чем монархия или олигархия.

Таким образом, теоретически есть только три основных типа современных государственных (политических) систем - монархия, олигархия и демархия. Они различаются тем, от кого именно те или иные реальные правители получают свое право на управление страной - от одного лица, от немногих или от всего народа.

В зависимости от того, из кого именно могут выбирать реальных правителей обладатели верховной власти, все политические системы могут быть разделены на «демократические» (могут выбирать из всех) и «олигократические» (могут выбирать лишь из некоторых).

К сожалению, здесь мы опять вынуждены ввести новый термин по тем

же самым причинам. Кроме того, мы переопределяем и сам устоявшийся термин «демократия». Демократические - это такие политические системы, в которых верховная власть (кому бы она ни принадлежала) может назначать на любые государственные должности любого члена общества, а не только лиц, принадлежащих к некоторому меньшинству. Олигократическими являются такие системы, в которых верховная власть вынуждена выбирать лишь из некоторого меньшинства. Очевидно, что здесь могут быть самые родовитые (аристократия), самые богатые (плутократия), самые чистокровные (этнократия), самые образованные (технократия), самые заслуженные (меритократия), самые духовные (клирократия) и т.д. и т.п.

Основываясь на этих двух общих и существенных признаках различных политических систем, мы предполагаем, таким образом, дифференцировать шесть основных их видов (см. Табл. 1).

Таблица 1

Основные виды современных политических систем

От кого исходит всякая власть (кто обладает верховной властью)	Из кого выбираются правители	
	Из немногих	Из всех
От одного	Олигократическая монархия	Демократическая монархия
От меньшинства	Олигократическая олигархия	Демократическая олигархия
От большинства	Олигократическая демархия	Демократическая демархия

Таким образом, то, что подразумевается под демократией в современных условиях представляет собой по сути «демократическую» демархию.

Остальные пять видов, выделенных нами политических систем, также не являются чисто умозрительными. Определенная сложность заключена в политической праксиологии, прикладном использовании предложенной типологии. Легко можно показать, что все они (за исключением, может быть, демократической олигархии) реально существовали в истории и продолжают существовать.

В частности, Римская империя, пришедшая на смену демократизированной Римской республике была, по сути, демократической политической системой, где императорами могли становиться выходцы из плебеев, а на самые высокие государственные должности попадали вольноотпущенники. Такой

же порядок был присущ ее наследнице - империи Византийской. Сменившие Западную Римскую империю германские варварские королевства были монархиями преимущественно недемократическими («аристократическими»).

Известно, что древнерусская монархия, поначалу носила «демократический» характер (возможно, под влиянием Византии), но впоследствии она эволюционировала в аристократическую (олигократическую) систему. Русский «народный монархист» И. Солоневич признавал, что «... Россия до 1917 года была действительно построена на сословных началах, и действительно весь правительственный аппарат страны находился целиком в руках одного сословия - дворянского. Ни купец, ни крестьянин, ни мещанин, ни прочие не могли быть ни губернаторами, ни даже земскими начальниками. Земством «по должности» управляли предводители дворянства. Говоря практически, все остальные слои страны от управления этой страной были почти начисто отстранены. Этот сословный строй шатался и таял с каждым годом, но он существовал»¹. Как известно, уничтожен он был только Революцией 1917 года.

В Древних Афинах реформами Солона (начало VI в. до н.э.), Клисфена (VI в. до н.э.) и Эфиальта (сер. V в. до н.э.) была утверждена именно олигократическая демархия (правителей выбирал весь народ, но выбирать он мог только из знатных и богатых, а не из всех). Только во времена Перикла (ок. 490 - 429 до н.э.) политический строй в Афинах стал полностью демократическим (на любую должность теперь мог быть избран любой полноправный гражданин). Аналогичным образом эволюционировала и Древняя Римская республика: в начале ее истории народ мог избирать на все должности только патрициев, а в конце - даже плебеев.

Что же касается олигархий, то наиболее пышным цветом они «расцвели» на Западе после революций в XIX первой половине XX веков. Это был период «золотого века» всевозможных олигархий (в основном плутократических). В дальнейшем демократия эволюционировала дифференцированно, по мере утверждения и развития всеобщего избирательного права. В Англии, например, даже по знаменитой реформе 1832 года право голоса получили всего лишь 376 тыс. человек из 12 млн. населения. Всеобщее избирательное право для мужчин было признано там лишь в 1918 году, а для женщин - в 1928-м. В Америке всеобщее избирательное право для белых мужчин (не иммигрантов, умевших читать и писать) было установлено в 1870 году, для женщин - в 1920-м, причем эти права ограничивались многочисленными цензами. Во Франции право голоса женщины получили лишь в 1945 году, а в Швейцарии - только в 1970-м.

1. Солоневич И.Л. Народная монархия. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 126.

Предложенная нами классификация (типология) политических систем не привносит в политическую науку новых принципов, поскольку она полностью основана на тех же началах, что и теория Аристотеля. Более того, аналогичная классификация фактически изложена в четвертой книге его «Политики» (в XII главе), где Аристотель систематизирует различные способы избрания должностных лиц. Только там он, во-первых, не учитывает монархических систем назначения должностных лиц, а, во-вторых, различает политические системы еще и по тому признаку, используются ли при назначении этих лиц процедуры собственно выборов или жребия. В итоге у него получается 12 видов демократических и олигархических систем, уже не имеющих для нашего времени актуального смысла.

Главное же отличие предлагаемой нами концепции от аристотелевской заключается в том, что у нас определены и разделены два понимания смысла верховной власти: власти-архе (легитимирующая власть) и власти-кратос (легитимируемая власть, власть реальных правителей). Это понимание верховной власти, применительно к демократическим формам правления, во многом уже содержится в распространенных сейчас представлениях о суверенитете народа.

Настаивать на употреблении предложенной нами терминологии было бы слишком претенциозно, но различать соответствующие понятия, на наш взгляд, представляется совершенно необходимым. Без этого все теоретико-прикладные рассуждения, как мы показали, обречены на почти непреодолимую понятийную и терминологическую путаницу.

Литература

1. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. Полибий. Всеобщая история. В 2 т. Т. 1. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
3. Гоббс Т. Левиафан // Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
4. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
5. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.
6. Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк. М., 1994.
7. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002.
8. Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
9. Солоневич И.Л. Народная монархия. — М.: Изд-во Эксмо, 2003

Глинская И.Ю.,

*доктор политических наук, Российский университет дружбы народов, доцент
кафедры рекламы и бизнес-коммуникаций Института мировой экономики и бизнеса*

Государственно-патриотическая идея как основа для формирования имиджа России

Обострение конкурентной борьбы на глобальных и региональных рынках товаров, услуг и рабочей силы выдвигают новые требования к имиджевой политике государства, которая уже не может эффективно проводиться на базе традиционных механизмов: агитации, пропаганды, контрпропаганды и прочее. Экономически развитые страны вырабатывают новые механизмы решения этой задачи и с успехом практикуют их на международной арене. В этом контексте России необходимы инновационные технологии проведения имиджевой политики, способные поднять ее образ в глазах международного сообщества и способствовать решению сложных задач экономического развития.

Имидж является основой для формирования бренда государства, тем самым, предоставляя ему огромные преимущества для повышения его позиции в международных рейтингах, повышения международного политического влияния, укрепления внутренней социально-политической стабильности, повышения конкурентоспособности.

Национальный бренд-имидж формируется как представление о ней конкретных людей, общественных групп, целых народов, обычно в историческом контексте, отражая культурные и национальные особенности той или иной общности. Вместе с тем, восприятие имиджа во многом зависит от наличия общих интересов или столкновений интересов того, чей имидж воспринимается и тех, кто его воспринимает. Важную роль в этом играют как ценностные ориентации, так и этнокультурные факторы – традиции, нормы поведения, настроения, привычки, укоренившиеся в массовом сознании зарубежных стран.

Для того чтобы сформировать позитивный имидж России, который бы не противоречил национальным интересам государства, необходимо не только понимать закономерности политического развития в историческом контексте, но и менталитет народов Российской Федерации. Россия имела особый путь развития, поэтому формирование ее имиджа, а затем и бренда необходимо рассматривать с учетом культурно-исторических особенностей, конфессионального многообразия. На территории России всегда уживались граждане, имеющие разные религиозные взгляды. Православ-

ные верующие, а их большинство, тесно сотрудничали с мусульманами, католиками, иудеями, буддистами. Формируя имидж государства, необходимо учитывать этот факт, чтобы не ущемить права той или иной конфессии.

Прошлое нашей Родины убедительно свидетельствует о том, что государственно-патриотическая идея была одним из основных факторов, обеспечивающих жизнеспособность общества. Любовью к Родине проникнуты выдающиеся литературные произведения Древней Руси: «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Повесть временных лет» и др. В древней Руси слагались былины, песни о национальных героях, которые передавались из поколения в поколение и дошли до наших дней. Герои былин - Микула Селянинович, Евпатий Коловрат, Святогор, Василий Буслаев, Садко, три знаменитых богатыря - Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, мифологизировались для поднятия боевого духа народа и его объединения для борьбы с иноземным вторжением. Александр Невский, Дмитрий Донской Александр Суворов, Михаил Кутузов, Георгий Жуков - знаменитые русские полководцы, также как и былинные герои стали архетипами и легли в основу формирования имиджей современных политических лидеров.

Следует учитывать, что в каждом регионе есть свои герои, ставшие архетипами. Так, например, в Башкортостане таким героем является Салават Юлаев, в Сибири - Ермак, Степан Разин, на Урале - Емельян Пугачев. При формировании бренда региона необходимо учитывать исторические корни и национальные традиции.

Патриотизм, долготерпение и стойкость проявились как черты русского характера и во время Ледового побоища 1242 г., Куликовской битвы 1380 г., освобождения от вторжения польских захватчиков в 1612 г., Полтавской битве 1709 г. и стали чертами его менталитета. Самопожертвование во имя Родины проявлялось и в периоды вторжения войск Наполеона 1812 г. и во время Великой Отечественной войны 1941-45 гг. Формируя имидж России, необходимо выделить патриотизм как основополагающую черту менталитета нации.

В то же время, страх перед необъятными просторами Руси, загадочным народом порождали слухи и мифы у иностранцев, которые легли в основу стереотипов, дошедших до наших времен. Так появились стереотипы о русских медведях, которые гуляют по улицам, о «железном» народе, мужественно переносящем лютые морозы. Сказка о Емеле-дурачке, который не хочет работать, а ждет, что все желания сами исполнятся «по щучьему велению», легла в основу стереотипа о ленивом русском мужике, который сам не проявляет инициативы, а ждет указки сверху.

Победы России над войсками противника вызывали негативный резонанс в зарубежных странах. Имидж государства складывался из донесенных иностранных представителей, посещавших Россию. Например, фран-

цузский дворянин Астольф де Кюстин, который был принят при царском дворе в 1838 г. и получил широкие возможности изучать Россию, написал впоследствии книгу, порочащую и принижающую государство и его народ. Несмотря на негативное отношение к России со стороны некоторых политических деятелей зарубежных стран, не желавших видеть в ее лице сильного и процветающего соседа, она развивалась, набирала военную мощь, обогащала культуру и налаживала торговые и культурные связи с другими странами.

Россия всегда славилась своими талантами независимо от состояния общества. Благодаря уникальным изделиям мастеров, города древней Руси стали известны, налаживались торговые и культурные связи, их престиж возрастал. Появлялись территории на Руси, получившие признание покупателей, таким образом, стали возникать первые территориальные бренды. Например, Великий Новгород был одним из первых городов, славившихся своими изделиями из камня и кожи, металла и дерева, глины и стекла. Таких качественных мечей, сабель, кольчуг не было нигде на Руси. Культура развивалась и давала миру свои шедевры и в период нашествия татаро-монголов и после него. Подтверждением этому – творчество Андрея Рублева, Феофана Грека. Икона вдохновляла воинов на победу, помогала побеждать страх перед неприятелем. Икона – рукотворное культовое произведение, несущее мистическую нагрузку, всегда была символом поклонения россиян и их духовного очищения. Икона – это своеобразный российский бренд, несущий культурно-исторический код, уникальность которого вызывает восхищение и поклонение верующих россиян, а также привлекает иностранцев, пытающихся разгадать тайну русской души. С помощью национальной культуры Россия, даже в самые тяжелые периоды своей истории, выживала, находила в себе силы возродиться вновь. Сегодня начинают возрождаться российские национальные традиции, и страна вновь обретает свою духовную культуру. Народные промыслы современной России отражают дух народа, являются достоянием самобытной культуры. Изделия из Хохломы, Федоскино, Палеха, Мстеры, Жостово, Гжели, Тулы известны во всем мире. Павлово-Посадские платки, Вологодские кружева, Ростовская финифть, Холмогорская резьба по кости – это все народные шедевры, которые надо воспевать, хранить и рекламировать как в собственной стране, так и за рубежом. Огромное значение для самосознания народа имеют такие праздники как Рождество Христово, Пасха, Масленица. Они способствуют объединению народа, воспеванию милосердия, добра, красоты, возрождению русских традиций.

Поскольку исторический путь России характеризовался многочисленными национально-освободительными войнами, для укрепления государства, военной мощи, экономики, баланс между «жесткой» и «мягкой

властью» часто нарушался. Россия поставила задачу создания не только правового и демократического государства, но и государства эффективного, поэтому ее политика должна строиться с учетом новых реалий современного постиндустриального общества, где приоритетным является проведение политики «мягкой власти» для достижения лидерской позиции в мире. Это требует совершенствования механизмов, способствующих реализации имиджевой политики. Применительно к имиджевой политике государства необходимо говорить о таких механизмах, как: формирование конструктивной имиджевой концепции государства, политического менеджмента имиджевых кампаний, обеспечение политико-правового сопровождения и ресурсного обеспечения проектов по продвижению позитивного имиджа государства, диагностика имиджевых конструкций всех субъектов национального политического процесса, легитимное управление различными рейтингами, отражающими имидж страны, и др.

Однако нельзя не учитывать особенностей исторического развития страны. Наиважнейшим компонентом имиджа государства является национальная идея, объединяющая народ, дающая ему силу, питающая власть. Такой идеей в России, по моему мнению, должна быть идея патриотизма. Россия вела патриотические войны на своей территории и на территории противника, освобождая другие народы, в течение двух третей своего существования. События на Украине в начале 2014 г. показали, что российский народ не намерен оставлять в беде русскоязычное население, проживающее на территории Крыма. Любовь к родной земле, к своим корням, солидарность со своими соотечественниками за рубежом вдохновляла и поддерживала российский народ на протяжении всей истории. Поэтому в основе имиджа и бренда России должна лежать именно эта идея. С распадом Советского Союза идея патриотизма сначала потеряла свое значение, поскольку стали вытесняться ценности социалистического государства. Идеалы и герои, как символы рухнувшего строя, высмеивались в средствах массовой коммуникации. В результате, молодежь, утратив идеалы собственного государства, впитывала новые идеалы, утрачивая чувство национальной гордости. Сегодня большая часть молодежи приняла западные ценности, противоречащие коллективизму, национальной идентичности. Важно познакомить молодое поколение со славной историей страны, ее героями, поднять имидж воина-освободителя, воина-защитника, привить гордость к национальным традициям, новым достижениям своей страны, избавиться от ущербности считать себя гражданином России, выезжая за рубеж, ввести в образование патриотическое направление. Таким образом, в ближайшем будущем, идея патриотизма сможет возродиться на уровне нации и станет объединяющей, а на ее основе станет возможным формирование имиджа и бренда российского государства.

Восканян Э.С.,

МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет,
младший научный сотрудник

Концептуальные подходы к исследованию политической культуры

Понятие «политическая культура» впервые появилось в труде И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784-1791). В этой работе ученый описывал национальные характеры египтян, финикийцев, иудеев и других древних народов сквозь «призму» их исторического развития. Однако, И.Г. Гердер пока не создавал структурированной концепции политической культуры, а рассматривал эту категорию как некий уровень человеческого и национального развития.¹

В современную политическую науку понятие «политическая культура» было введено американским политологом Г. Алмондом в статье «Сравнительные политические исследования» (1956). Разработка концепции политической культуры была обусловлена прежде всего осознанием научного сообщества запада необходимости выявления средств и механизмов достижения политической стабильности и общественно-политического развития с помощью глубинных, эмоциональных и социально-психологических связей между членами политических общностей и формами правления.

Под политической культурой Г. Алмонд понимал совокупность определенных образцов ориентаций на политические действия, отражающих особенности каждой политической системы. Позднее, в работе «Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций», этот термин был раскрыт более подробно. Политическая культура, по словам Г. Алмонда, «относится к политическим ориентациям – взглядам и позициям относительно политической системы и ее разных частей и позициям относительно собственной роли в этой системе».²

В теории Г. Алмонда политическая культура выступает как совокупность представлений, убеждений, чувств и оценок, которые проявляются на когнитивном (познавательном), аффективном (эмоциональном) и оценочном уровнях.³

1. См.: Рябев В.В. Гражданское общество и политическая культура (Метаморфозы постсоветской России), Мурманск, 2004. С.149.

2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т.2.С. 594.

3. См.: Карпова Н.В. Политическая культура как фактор становления гражданского общества //

Когнитивные (познавательные) ориентации включают в себя знания и веру относительно политической системы в целом, ее ролей и обязанностей этих ролей, а также относительно того, что система берет из окружающей среды «на входе» и что отдает «на выходе». Когнитивный элемент политической культуры составляют доминирующие в обществе или наиболее характерные для той или иной социальной группы типичные, укоренившиеся представления о разных аспектах политической жизни общества.

Эмоциональные (аффективные) ориентации отражают чувства, испытываемые субъектами по отношению как самой политической системы и ее институтов, а также вовлеченных в нее людей. Испытываемые субъектом по отношению к политической системе, к ее роли и персоналу. Аффективный компонент политической культуры выражает отношение к власти, государству, которое может быть как позитивным, так и негативным. Г. Алмонд и Дж. Пауэлл в работе «Сравнительная политология сегодня» отмечают, что важность аффективных ориентаций по отношению к политической системе определяется тем, что через них проходят базовые приверженности к политической системе нации. Наглядным примером данного аспекта политической культуры является чувство национальной гордости. Такая гордость, как правило, проявляется у наций, которые имеют длительную историю и выраженное чувство патриотизма.¹

Оценочные ориентации содержат в себе суждения и мнения относительно политических объектов, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев. Нормативно-оценочный компонент политической культуры образуется на основе политических ценностей, норм, идеалов и целей, характерных для определенного общества, социальной группы или конкретного индивида. На основе нормативно-оценочного элемента отдельный субъект дает оценку политическому процессу; определяет уровень соответствия различных явлений своему собственному, субъективному конгломерату социально-политических оценок и идеалов.

Таким образом, структура политической культуры, представленной в концепции Г. Алмонда показывает, что фактически исследовал политическую культуру через ориентации, которые непосредственно ограничены сферой политического сознания.

В современной политической науке трудности в интерпретации и кон-

Будущее России: стратегии развития: Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения – 2005»: В 2-х т. М., 2005. Т. С. 4.

1. См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж. С. Сравнительная политология сегодня. М., 2002. С.94-95..

цептуализации понятия «политическая культура» обусловлены тем, что оно претендует на роль мостика между микро и макроуровнями политики. Действительно, политико-культурные элементы, т.е. разделяемые членами конкретного сообщества исторически сложившиеся политические установки, значимы для понимания политических институтов. Поэтому осмысление этих связей оказывается весьма сложной задачей вне зависимости от трактовки самого феномена политической культуры.¹

На сегодняшний день существуют различные трактовки понятия «политическая культура», в которых делаются акценты на его различные аспекты. В ходе своего создания теория политической культуры подвергалась неоднозначной критике, границы политической культуры были расширены. В структуру политической культуры ученые стали включать образцы политического поведения.

В подобном контексте политическую культуру рассматривал и польский социолог и политолог Е. Вятр. По его мнению, «политическая культура есть совокупность установок, ценностей и поведенческих актов, касающихся взаимных отношений между властью и гражданами».²

Другой западный исследователь Д. Дивайн характеризовал политическую культуру как «историческую систему широко распространенных, фундаментальных поведенческих политических ценностей», которых придерживаются члены данной общественно-политической системы.³ Политическая культура в его концепции охватывает как политические идеи, ценности, установки, так и действующие нормы политической практики. Политическая культура в определенном смысле представляет некие рамки, в которых члены общества принимают законность существующей формы правления, чувствуют себя политически дееспособными, выражают согласие с действующими правилами игры.

У. Розембаум также понимал под политической культурой концептуальные обозначения чувств, мыслей и поведения, которые мы замечаем или выводим, наблюдая за людьми, живущими своей повседневной жизнью.⁴

Исследователь выделял «компоненты ядра» политической культуры, то есть элементы, которые играют фундаментальную роль в формировании политической культуры нации. Эти компоненты он разбил на три основные группы:

1. См.: Малинова О. Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // Политические исследования. 2006. №5. С.107.
2. Цит. по: Пеньков В.Ф. Политический процесс и политическая культура. М., 2000.С.25.
3. Цит. по: Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1996. С. 338.
4. См.: Головань О.В. Политическая культура общества: Учебное пособие. Барнаул, 2004.С.11-12.

1. Ориентации относительно институтов государственного управления. Они включают в себя: ориентации относительно политического режима, то есть как индивид оценивает и реагирует на основные государственные институты, их нормы, символы, официальных лиц. Операциональная характеристика этих ориентаций — вера в легитимность режима; рациональных и эмоциональных оценок основных политических учреждений и символов режима; включенность (мера участия) в политическую деятельность по поддержке или противостоянию режиму. Кроме того сюда входят - ориентации относительно коммуникативных и институциональных успехов политической системы: т.е как индивид оценивает и реагирует на различные требования по адресу государственной политики и на политические решения, принимаемые властями.

2. Ориентации относительно всех других форм мотивации отношений и действий в рамках политической системы. Эти ориентации включают: политические идентификации, представляющие процессы «интериоризации» (сознательная установка «принять», сделать «своим») с нормами тех политических институтов, по отношению к которым индивид чувствует лояльность, обязательство и долг. Сюда относятся и идентификация с политическими образованиями и группами относительно которых индивид настроен позитивно или негативно. Эти субъективные предпочтения могут совпадать (или не совпадать) с господствующим правопорядком и другими нормативными системами функционирования общества и предполагают сложившееся мнения относительно политики об реальности.

3. Ориентации индивида относительно своей собственной деятельности как участника политических процессов и акций. Эта группа включает в себя: политическую компетентность - знание и понимание политических событий и их влияния на мир человека, интерес к политике, собственную политическую активность, независимо от способа участия в общественной жизни, а также убежденность в значимости собственного политического действия индивида в возможности влиять на политический процесс.

В последствии исследования политической культуры стали постепенно выводиться на социентальный уровень, то есть рассматриваться на уровне общества. Так, данный подход нашел свое отражение в трудах отечественных ученых: К.С. Гаджиева, А.И. Соловьева, Э.Я. Баталова.

К.С. Гаджиев определял политическую культуру как систему отношений и одновременно процесс производства и воспроизводства составляющих ее элементов в ряде меняющихся друг друга поколений. В его концепциях, политическая культура включает в себя те элементы и феномены

общественного сознания, и в более широком смысле – духовной культуры той или иной страны, которые связаны с общественно – политическими институтами и политическими процессами и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению широких масс населения в частности.¹ Подобно тому как культура определяет и предписывает те или иные формы и правила поведенческих в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и правила игры в политической сфере. Политическая культура представляет руководящие принципы политического поведения, политические нормы и идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие институтов и организаций, придавая целостность и интегрированность общественной жизни в целом.

Российский ученый А.И. Соловьев характеризует политическую культуру как обусловленную ценностными представлениями человека о политических явлениях и воплощенный на практике кодекс поведения, или стиль властной деятельности (и в этом отношении как способ формирования и самоосуществления личности, класса, нации, народа в качестве субъекта политической власти). Он исходит из того, что специфика политической культуры связана именно с воплощением мировоззренческих ориентаций в типичных для человека поступках.

В свою очередь, Э.Я. Баталов, охарактеризовал политическую культуру как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых репрезентативных убеждений, представлений, установок сознания и моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими систему, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих вопросную и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности.²

В соответствии с этим, политическая культура представляет своего рода матрицу политической жизни, задающую относительно устойчивые формы сознанию и поведению отдельных граждан и групп и функционированию политических институтов общества. Политическую культуру в некотором роде представляет собой «генетическую конституцию организма».

1. См.: Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1997. С.336..

2. См.: Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С.10.

При этом генотип, по мнению Э. Баталова, является не «механическим набором независимо функционирующих генов», а представляет собой «единую систему генетических элементов, взаимодействующих на различных уровнях, контролирующую развитие, строение и жизнедеятельность организма».¹

Э.Я Баталов выделил четыре основные группы политических ориентаций в структуре политической культуры. В первую группу он включал отношения неинституционального субъекта политического процесса к институциональному объекту (политической системе общества, его институтам, государству, партиям и т.д.). Во вторую группу - отношения неинституционального субъекта политического процесса к самому себе. Эти отношения фиксируют индивидуальное и групповое политическое самосознание, а также отношение одного неинституционального субъекта к другим. В третью группу входят - отношения между институтами политической системы (государствами и партиями, межпартийные и т.д.). Также к этой группе следует относить более или менее устойчивые модели подготовки, принятия и осуществления политических решений, принципы регулирования отношений между государственными учреждениями и партиями. В четвертую группу включаются отношения институционального субъекта к неинституциональному субъекту, т.е. политических институтов и организаций к социальным группам и классам. К институциональному уровню относятся более или менее устойчивые модели подготовки, принятия и осуществления политических решений, принципы регулирования отношений между государственными учреждениями и партиями. Важно то, что анализ взаимоотношений институтов политической системы позволяет зафиксировать действующие в обществе правила политической игры на институциональном уровне.²

Таким образом в данной работе, под политической культурой мы будем понимать - систему исторически сложившихся относительно устойчивых репрезентативных ориентаций представлений, убеждений, чувств, оценок, моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса. Сложность строения и организации политической культуры определяется многообразными связями политической культуры с различными социальными и политическими процессами. Разнообразные внутренние образования политической культуры отображают формирование поведения субъектов политики.

1. См.: Там же. С.11.

2. См об этом: Головань О.В. Политическая культура общества: Учебное пособие. Барнаул, 2004.С.12-13.

Однако, несмотря на разветвленность и объемность структуры политической культуры, она включает в себя три основных уровня – политическое сознание, политическое поведение и модели функционирования политических институтов.

Политическая культура как структурная составляющая политической системы выполняет ряд важнейших функций. В первую очередь, к ним относятся функция идентификации, которая раскрывает потребность человека в понимании своей групповой принадлежности и определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании интересов данной группы. Большую роль играют функция адаптации, выражающая потребность человека в приспособлении к изменяющейся политической среде, условиям осуществления его прав и властных полномочий; функция коммуникации, обеспечивающая взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения. Особая роль принадлежит и функции политической социализации, которая характеризует приобретение человеком определенных навыков и свойств, позволяющих ему реализовывать в той или иной системе власти свои гражданские права, политические функции и интересы. Под политической социализацией подразумевается усвоение идей, взглядов и образцов поведения, обусловленных политическим окружением, и формирование на этой основе необходимых личностных политических качеств, а также приобретение навыков политической деятельности. Важность этой функции заключается и в том, что именно она ответственна за передачу политической культуры от одного поколения к другому¹. Воспитательная функция политической культуры заключается в целенаправленном формировании политического сознания граждан: политических ценностей, чувств, испытываемых к властям, правительству, политической системе в целом, оценок, суждений, мнений о политике и др. Она также включает закрепление и передачу из поколения в поколение политических норм, ценностей, установок.

В различных исторических условиях, а чаще всего при нестабильных политических процессах некоторые функции политической культуры могут терять свою актуальность или прекращать действовать. Кроме того, как рассматривается каждая из этих функций зависит от того к какому типу относится политическая культура.

1. См.: Ширинянц А.А. Политическая культура интеллигенции России XIX-начала XX века (опыт концептуального анализа). Автореф. дис... д-ра полит. наук. М., 2003. С.31.

Качалов А.В.,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных коммуникаций,
ГОУ ВПО Уральский государственный университет путей сообщений*

Канунников Р.И.,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и
педагогической психологии, ГОУ ВПО Шадринский государственный
педагогический институт*

Систематизация процесса формирования творческой самостоятельности у студентов ВУЗа

При описании системных частей исследуемой нами проблемы формирования творческой самостоятельности студентов целесообразно остановиться на семантическом ядре системы – категории «системы» и понятии «систематизация». В научных исследованиях система рассматривается как « комплекс взаимодействующих элементов » [4, С. 104]; как целостная совокупность взаимосвязанных объектов [8, С. 215].

Систематизация интерпретируется с разных позиций. С одной стороны, ее сущностная черта исходит из соотношения достигнутых результатов с запланированными целями. С другой стороны, подчеркивается, что систематизация обязана быть целенаправленной, объективной, всесторонней, постоянной и индивидуальной.

Сопоставляя понятия системы и систематизации, мы приходим к выводу, что « система – это что-то уже установленное, а систематизация – это процесс установления системы. То есть систематизация – это что-то предшествующее системе, это мыслительный процесс, и ставить меж данными понятиями символ равенства невозможно. Вместе с тем, отсутствие системы и пренебрежение систематизацией создает угрозу построения абстрактных, нежизнеспособных, нередко «однобоких» педагогических моделей (концепций), которые не могут быть по-настоящему реализованы в педагогической практике». То есть систематизация процесса формирования творческой самостоятельности у студентов вуза может рассматриваться нами как мыслительная активность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определённую систему. В качестве ведущей станем изучать систему формирования творческой самостоятельности студентов, исходя из ее осмысливания как целостной совокупности взаимосвязанных объектов.

Известно, что система состоит из некоей совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих частей или элементов. Под элементом системы понимается минимальный компонент системы, характеризующийся

функциональной и структурной специфичностью, функциональной интегративностью, неисчерпаемостью, пределом делимости в рамках данной системы [13, С. 47].

Это дает основание для выделения в качестве минимальных элементов системы формирования творческой самостоятельности у студентов вуза учебный, учебно-творческий, учебно-практический, деятельностный. Каждый элемент наделен собственной функцией, каждый элемент способен взаимодействовать с другими, то есть характеризуется многофункциональной интегративностью, связями.

Система характеризуется целостностью. Главная черта целостной системы – наличие у нее интегративных качеств, возникающих в результате взаимодействия ее элементов, но отсутствующих у каждого элемента в отдельности [6, С.19]. Интегративное качество системы формирования творческой самостоятельности у студентов вуза – творческий характер деятельности будущих специалистов. Показателем целостности является обязательное наличие единой цели у всех элементов системы, в том смысле, что их цели в определенной степени должны быть адекватны цели функционирования системы.

Цель системы формирования творческой самостоятельности у студентов вуза (ее внешний системообразующий фактор)[10, С.14] – организация процесса формирования творческой самостоятельности у студентов вуза и на этой основе продвижение к более высокому уровню творческого профессионализма.

Каждый элемент отвечает за формирование определенного вида творческих знаний, умений, качеств, входящих в состав творческой самостоятельности. Каждый элемент системы, не являясь единственным и исчерпывающим в плане формирования творческой самостоятельности у студентов вуза, вносит свой вклад в ее развитие. Истоки целостности (внутренний системообразующий фактор) проявляются во взаимодействии элементов. Одна из характеристик целостной системы заключается в том, что каждый элемент не просто отправляет свои функциональные обязанности в системе, но выполняет их, определенным образом согласовывая с функциональными обязанностями других элементов.

Еще одно свойство системы – иерархичность – характеризуется вертикальным соподчинением подсистем и компонентов внутри системы [6, С.23]. В исследуемой системе формирования творческой самостоятельности структурность включает системный уровень, компонентный уровень, уровень элементов внутри компонента. Системный уровень – это вся система творческой самостоятельности. На уровне компонентов мы рассматриваем функциональные компоненты системы, под которыми понимаются устойчивые базовые связи основных структурных компонентов,

возникающие в процессе деятельности и тем самым и обуславливающих движение, развитие, совершенствование педагогических систем и вследствие этого их устойчивость.

Каждый функциональный компонент имеет свою специфику и несет свою «нагрузку» в деятельности участников образовательного процесса. Полноценному формированию творческой самостоятельности у студентов вуза способствует взаимодействие компонентов творческой самостоятельной деятельности, включающей в себя как внешние аспекты (индивидуальные свойства личности, стимулы), так и внутренние (знания, вид творчества, творческое мышление, умения творческой самостоятельной работы).

В нашем исследовании организация творческой самостоятельной деятельности базируется на модели творческой самостоятельной деятельности и представляет собой совокупность действий (построение содержания процесса, его компонентного уровня, с учетом стадий возникновения творческой самостоятельности), ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между элементами творческой самостоятельной деятельности.

Изложенное подчеркивает, что формирование творческой самостоятельности у студентов вуза является педагогической системой, все части которой взаимосвязаны и взаимодействуют. Система формирования творческой самостоятельности у студентов вуза является дедуктивно-понятийной и обладает ее чертами: наличие многих входов и выходов, разнообразные компоненты (студенты, преподаватели, содержание, обучение, технология), иерархичностью структуры, большими информационными потоками, многоцелевым характером функционирования, ведущей роли человеческого фактора[5,С.125].

Основными входами являются студенты с соответствующими уровнями сформированности творческой самостоятельности, полный систематизированный набор научных и практических действий. Выходами являются творческие личности, участвующие в разных сферах человеческой деятельности. С другой стороны, система формирования творческой самостоятельности студентов относится и к детерминированному типу системы, поскольку она зависит от уровней сформированности творческой самостоятельности и в зависимости от этого изменяются элементы опосредованно (стимулы, сформированные качества и свойства) и конкретно (воздействие со стороны студентов), воздействующие на студентов. В-третьих, система формирования творческой самостоятельности студентов является открытой и сохраняет подвижное равновесие, при котором все макроскопические величины (первый, второй, третий блоки) остаются постоянными, но непрерывно продолжают микроскопические процессы ввода и вывода веществ (то есть, изменяются воздействия обучающего на процесс формирования творческой самостоятельности студентов).

Мы рассматриваем систему формирования творческой самостоятельности у студентов ориентируясь на то, что в основе организации формирования творческой самостоятельности положена модель творческой самостоятельной деятельности. К главным исходным положениям мы относим составляющие единства, взаимозависимости системы и среды, множественности описания всякой системы, структурности, целенаправленности.

Целостность в нашем исследовании рассматривается с точки зрения деятельностной теории педагогики [2, С. 49], в которой ведущим аспектом является обнаружение единства главных элементов разных родов деятельности, ведущих к творческой деятельности (ведущей деятельности, игровой деятельности, индивидуальной деятельности, операционально-манипулятивной деятельности, продуктивной деятельности, совместной деятельности, трудовой деятельности, учебной деятельности). Каждая часть системы так соотносится с другой, что изменение в некоторой части вызывает изменение во всех остальных частях и во всей системе в целом [12].

В рассматриваемой системе формирования творческой самостоятельности у студентов данные обстоятельства находят отражение. Так, если имеет место быть внутреннее побуждение за счет стимулов и вида творчества, которым владеет студент, то это вызывает изменение не только в отдельных компонентах системы (познании, творческом мышлении, творческих умениях), но и в самой системе. Если первая стадия подразумевает небольшую степень появления внутреннего побуждения, то соответственно это ведет работу самой системы и ее результаты к различной степени накопляемости творческой самостоятельности.

Творческая деятельность студентов является компонентом творческой личности. Стать творческой личностью, воздействовать на другого индивида в процессе деятельности – все это происходит не в каком-то особом мире, а в конкретной творческой деятельности, осуществляемой в конкретной социальной ситуации. Именно в такой творческой деятельности формируется способность быть творческой личностью.

Как считают психологи [1; 9], способность быть можно определить как способность к осуществлению акта персонализации, объединяющей три конституирующих момента: социально типический, индивидуальный и всеобщий. Каждому из моментов подходит собственный процесс. Адаптация – присвоение индивидом социальных норм и ценностей, становление социально-типического – индивидуализация – открытие или утверждение «Я», выявление своих склонностей и возможностей, становление индивидуальности. Интеграция – изменение жизнедеятельности окружающих людей. В контексте нашей концепции это означает, что личность индивида может быть осмыслена тремя линиями: интраиндивидно (личность индивида рас-

смагивается как свойство, присущее персональному субъекту); интериндивидно (областью определения и существования личности отводится роль межиндивидных связей); метаиндивидно (личность индивида выносится за рамки актуальных связей этого субъекта другими индивидами) [9, С. 15].

Множественность описания системы исходит из того, что любая система может быть подразделена на подсистемы. Независимо от того, что происходит с подсистемами, конструкция систем остается инвариантной, куда входящие в систему или заменяющие их подсистемы сохраняют неизменными имеющиеся между подсистемами отношения. Любая подсистема может быть заменена иной [11]. Таким образом, если подсистема, состоящая из личностных компонентов, изменится, то есть компоненты приобретут иной уровень сформированности, то в целом система организации формирования творческой самостоятельности у студентов вуза не изменится. Что касается элемента структурности, то следует указать, что структура определяется как совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его единство и тождественность самому себе [3].

Рассмотрим связи, действующие в системе формирования творческой самостоятельности у студентов вуза с целью определения ее структуры. Нами выявлены «мыслимые связи», сокращенные до более рациональных пределов. Введены несколько вспомогательных понятий.

Действующий элемент (объект) – личностные составляющие творческой самостоятельности студента, которые определенным образом зависят от остальных и определенным образом воздействуют на процесс формирования творческой самостоятельности у студентов. Множество других студентов с их личностными компонентами, некоторое множества научных и практических действий назовем средой данного элемента.

Мы исходим из предположения о том, что: 1) среда воздействует на личностные составляющие творческой самостоятельности студентов, то есть возникают компоненты внешнего блока творческой самостоятельности (личностные качества психологического характера, стимулы), внутреннего блока (виды творчества, творческое мышление и др.) и вызывает в нем побуждение (трансмиссер), являющееся способностью к творческой самостоятельной деятельности. Это действие среды назовем входом студентов в творческую самостоятельную работу; 2) личностные компоненты творческой самостоятельности (творческой самостоятельной деятельности) воздействуют на среду, которая принимает соответствующий уровень состояния, направленный на творческую самостоятельную деятельность. Эти состояния нами обозначены как выходы; 3) личностные компоненты творческой самостоятельности студентов имеют, по крайней мере, один вход, и, по крайней мере, один выход; 4) состояние входов однозначным образом определяет состояние выходов. Таким образом, первый и второй

пункты соответствуют тому, что личностные компоненты творческой самостоятельности студентов являются «относительно обособленными», то есть контакт их со средой происходит через посредство входов и выходов. Третий пункт исключает первичные элементы без выходов и входов или без одного из них. Четвертый пункт утверждает однозначность между состояниями входов и выходов. В соответствии этим личностные составляющие творческой самостоятельности студентов имеют все шансы повлиять друг на друга лишь через входы и выходы.

Наконец, целенаправленность означает, что любая система педагогического процесса обязана иметь цель, как некое окончательное положение, к которому стремится система в силу собственной структурной организации [7; 15]. Система считается тем наиболее организованной, чем более у нее способностей противодействовать возмущениям «достижения избранной цели». Однако, в системе существует сразу несколько целей, а в различных блоках подсистем имеются свои «локальные цели». Чтобы не было конфликта внутри системы, не должно быть несогласованности в их достижении.

Таким образом, система формирования творческой самостоятельности у студентов представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов: единства и целостности, взаимодействия со средой, множественность, структурность, целенаправленность.

Список литературы

1. Абраменкова, В.В. Межличностные отношения как предмет социальной психологии детства // Проблемы психодиагностики обучения и развития. – М., 1985. – 120с.
2. Богдавленская, Д.Б. О предмете и методе исследования творческих способностей // Психологический журнал. – 1995. – Т.16. №5.
3. Большая советская энциклопедия: Советская энциклопедия, 1970 – 1979: В 26т.
4. Гершунский, Б.С. Дидактическая прогностика: некоторые актуальные проблемы теории и практики / Б.С. Гершунский, Я. Пруха. – Киев: Вища школа, 1979. – 240 с.
5. Дрозина, В.В. Теория и практика формирования и развития творческой самостоятельной деятельности учащихся общеобразовательной школы. Дис. д-ра пед.наук. Челябинск, 1999.
6. Конаржевский, Ю.А. Что нужно знать директору школы о системах и системном подходе / Ю.А. Конаржевский. – Челябинск: ЧГПИ, 1986. – 135 с.
7. Конаржевский, Ю.А. Системный подход к анализу воспитательного мероприятия. Учеб.пособие по спецкурсу. – Челябинск: ЧГПИ, 1980. – 93с.
8. Логический словарь ДЕФОРТ / под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. – М.: Мысль. 1994. – 268 с.,
9. Петровский, А.В., Абраменкова, В.В. и др. Психология развивающейся личности / под ред. А.В.Петровского: Науч.исслед.ин-т общей педагогической психологии АПГ СССР. – М.: Педагогика, 1987. – 240с.
10. Программа развития педагогического образования России на 2001-2010 годы // Пед. образование и наука. – 2001. - № 1. – С. 14-25.
11. Рапопорт, А. Различные подходы к общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. М., 1969.
12. Холл, А.Д., Фейджин, Р.Е. Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969.
13. Яковлев, Е.В. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения / Е.В. Яковлев, Н.О. Яковлева. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 239 с.

Махтей Е.В.,

*аспирант кафедры национальных и федеративных отношений
РАНХ и ГС При Президенте РФ*

Становления российского федерализма

На сегодняшний день российский федерализм не похож ни на какой другой. Его основными особенностями являются следующие:

- во-первых, он сочетает в себе принципы национально-территориального (республики и автономные образования) и территориального (края и области) устройства государства, которые нигде в мире соединить не удалось;
- во-вторых, в Конституции провозглашается принцип равноправия всех 89 субъектов Федерации, хотя очевидно, что реальное равноправие в обозримой перспективе недостижимо. Ассиметричная федерация в России существует «де факто» и наиболее наглядные подтверждения этому – особый статус Татарстана и война в Чечне;
- в-третьих, российский федерализм, помимо Конституции и федеральных законов, базируется также на Федеративном договоре и договорах о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации;
- в-четвертых, российский федерализм зачастую становится орудием в стране. В стране, столетиями бывшей унитарным государством, федеративные отношения прививаются плохо. Федерализм постоянно подменяется децентрализацией управления. В недавнем прошлом Россия пережила тенденцию региональных элит к самоизоляции.

Когда сегодня говорят об асимметрии Федерации то, во многом неосознанно, ведут речь о наследии Российской империи – полиэтничности и многоязычии государства. Такое историческое обусловленное многообразие российских территорий не может быть уничтожено простым росчерком пера. Именно этим объясняются двусмысленности, противоречия и умолчания Конституции 1993 г. в отношении важнейших проблем федерализма, таких, как существование национально-государственных образований, разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации. Здесь также истоки резкого неприятия, с которым некоторые регионы относятся к проблеме неравенства и различий статусов субъектов Федерации.

Многие противники асимметрии федеративных отношений в России выбрали объектом своей критики ст. 5 Конституции. Субъекты Федерации равны, но, в соответствии с этой статьей, республики являются «государствами» и «имеют свои конституции», в то время как области, края, округа, автономная область и два города федерального значения могут принимать только «уставы».¹

Должна ли Россия бояться многообразия? Ведь если асимметричность означает многообразие, то асимметрия будет существовать всегда, а ее отрицание может привести к опасным последствиям. Унификация России, по мнению М. Мендрас, наряду с централизацией власти обернулась бы серьезным кризисом в государственном управлении.

По мнению многих экспертов и ученых, Россия еще не стала настоящей Федерацией. Проблемы федерализма обычно рассматриваются в контексте отношений «регионы-Центр». При этом договоры о разграничении полномочий воспринимаются как соглашения между регионами и Москвой, а не Российской Федерацией и ее субъектами.

Р. С. Хакимов настаивает на том, что СССР не был федерацией и что мы являемся свидетелями первой попытки трансформации империи в федеративное государство. Подписание двухсторонних договоров, по его мнению, служит инструментом этой трансформации. Как считает Р. С. Хакимов, многообразие не является дестабилизирующим фактором, наоборот, оно предлагает выход из ситуации, то решение проблемы, которое устроит всех субъектов Федерации.

Анализ состояния и особенностей современного российского федерализма следует проводить с учетом всего предшествующего хода его исторического развития. Как отмечают цитировавшие нами выше авторы Комментария к Конституции РФ, «для России, с ее... большим разнообразием исторических и национально – культурных особенностей проживающих в ней народов именно последовательный федерализм является оптимальной политико – юридической формой сочетания главных интересов Российской Федерации в целом и главных ее субъектов» (Конституция Российской Федерации. Комментарий. Под общей редакцией Б.Н.Топорнина, Ю.М.Батурина, Р.Г.Орехова. М., 1994, С.12).

Противоречивость развития российского федерализма во многом обусловлена двойственностью его природы, унаследованной от советских времен. В действительности СССР был не федеративным, а унитарным, сверхцентрализованным государством. Исторически Россия складыва-

1. Асимметричность Федерации / Под ред. А. Захарова. – М., 1997. - С. 8.

лась как конгломерат различных территорий и народов. До революции в Российской империи особым статусом пользовались Финляндия, Польша, Бухара и Хива. Послереволюционные преобразования изначально заложили в федеративные отношения асимметрию, выражавшуюся в различиях статусов союзных и автономных республик. Но фактически СССР к 1930-м гг. стал унитарным государством с жесткой централизацией всех структур. Тем не менее, Конституция определяла СССР как федерацию. Национальным территориям, бывшим окраинам Российской империи был придан статус советских республик, автономных республик и автономных округов. Коммунистический режим создал национально-территориальные образования, а не обладающие суверенитетом государства. С этим наследием началась «перестройка». М. С. Горбачев прилагал огромные усилия, чтобы сохранить целостность страны, но он опаздывал с федерализацией государства и никак не мог решиться уравнивать статусы союзных и автономных республик, на чем настаивали республики РСФСР. Драматическая история противостояния Центра и регионов объясняет многие сегодняшние проблемы России.

Российская политика в области федеральных (региональных) отношений в 1990е гг. - это, в основном, политика *ad hoc*, определяемая краткосрочными факторами личного, локального, этнического характера, которые диктовались динамикой отношений центр-периферия. Характерной чертой политической жизни России на протяжении последнего десятилетия было противоборство центра и периферии, представлявшее собой непрекращающийся процесс выяснения отношений в вопросе о том, как же в итоге будут распределяться властные полномочия в государстве. Когда РФ в 1991 г. обрела независимость, многие западные наблюдатели полагали, что роковой для СССР процесс распада будет продолжаться, и само российское государство развалится в течение ряда лет. Оснований для такого мнения было, казалось, предостаточно – поведение различных субъектов служило примером центробежных тенденций. Этнические образования добивались самостоятельности. Края и округа пытались построить каждый свою нацию-государство или, по крайней мере, претендовали на усовершенствование устава с тем, чтобы в них был предусмотрен институт выборного губернатора.

Следует также помнить о том, что Российская Федерация приобрела полный суверенитет только после распада Союза ССР. Региональное политико – правовое оформление государственного суверенитета Россия получила после принятия 12 июня 1990 г. первым Съездом народных депутатов

Декларации о государственном суверенитете РСФСР, подписания 31 марта 1992 г. Федеративного договора и всенародного одобрения 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации.

После преодоления разногласий, выявленных в ходе дискуссий 1992-92 гг. о характере федеративного устройства России, стало ясно, что национально-государственные (республики и округа), так и административно-территориальные (области и края) образования будут продолжать сосуществовать в качестве субъектов РФ. Упразднение национально-государственных образований просто невозможно.

Глубокий анализ современных проблем российского федерализма невозможен без пояснения сущности и исторической роли Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР учеными и политиками оценивается по-разному. Одни специалисты, позитивно оценивая ее, считают, что она стала началом процесса конституционно – правового оформления нового государственного статуса России. Принципы, заложенные в этом историческом документе, во многом определили ключевые постулаты российского федерализма, а требования, высказанные по проблемам прав и свобод человека и гражданина, нашли в дальнейшем отражение в Конституции РФ.

Другие ученые и специалисты, особенно политики левого и левопатриотического толка, считают, что российская Декларация стала детонатором процесса суверенизации союзных и автономных республик Союза СССР и ее принятие – одна из главных причин развала Союзного государства. Действительно, после принятия Декларации о государственном суверенитете процесс суверенизации национальных автономий активизировался. Практически все автономные республики в составе РСФСР отказались от статуса автономий и приняли декларации о государственном суверенитете. Четыре российские автономные области из пяти (Адыгейская, Горно – Алтайская, Карачаево – Черкесская и Хакасская) провозгласили себя суверенными республиками. Некоторые автономные округа заявили о выходе из состава краев и областей, в состав которых они территориально входили, а некоторые из них продекларировали повышение своего статуса до республик.

Но все эти события и центробежные тенденции, питавшиеся идеей национального суверенитета, были спровоцированы не столько решениями Первого Съезда народных депутатов РСФСР, сколько закулисными действиями руководства СССР, которое судорожно и бессистемно пыталось

отыскать методы борьбы с сепаратизмом, чтобы предотвратить распад союзного государства. При этом особо негативную роль сыграло принятие нескольких союзных законов, направленных на повышение статуса автономных республик до статуса союзных.

Подталкиваемый политическими факторами, распад Союза СССР имел под собой и экономические основания. Так, следует учитывать неравную интегрированность экономик республик в бывшую союзную экономику. Показателем такой интегрированности могли служить, в частности, межреспубликанские сделки. Так, их объем составлял около 17 % национального дохода России и 50 – 60 % национального дохода Белоруссии, Молдавии, Прибалтики. По мнению специалистов, прочность экономических связей в бывшем СССР была в 1,5 слабее, чем это было необходимо для полноценного функционирования единого государства. И неслучайно, что с 1988 г. отношения республик и союзного Центра стали сильнейшим фактором общей дестабилизации в стране. Например, бывший объем товарообмена 15 союзных республик тогда равнялся 330 млрд. рублей, в том числе непосредственный межреспубликанский оборот – 185 млрд.руб., внешне-торговый (во внутренних ценах) – 145 млрд. По отношению к валовому общественному продукту всех республик межреспубликанский оборот составлял только 12 % (Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). РАУ – Корпорация. М., 1994, С. 59).

Внешне благовидные начинания руководства СССР начала 90 – х гг. в политико – правовой сфере фактически вели к разрушению конституционной системы территориально – государственного устройства союзной федерации. Так, после принятия 26 апреля 1990 г. Закона СССР «О разграничении полномочий между Союзом СССР и субъектами Федерации» вместо 15 субъектов Федерации в лице 15 союзных республик субъектами Союза СССР стали еще 20 автономных республик, уравненные в правах с союзными. Проблема заключалась еще и в том, что эти автономные республики в соответствии с конструкцией советской федерации входили в состав союзных республик и находились в системе советской многоуровневой иерархической подчиненности. В упомянутом Законе было прямо записано: «Отношения автономных республик, автономных образований с союзными республиками, в состав которых они входят, определяются соглашениями и договорами» (Медведев Н.П. Политическая регионалистика. М., 2002, С.33). В случае реализации этого положения закона российские органы власти не могли контролировать практически половину территории РСФСР, напрямую подчиненную союзному центру, поскольку

ку из 20 союзных республик СССР 16 находились на территории РСФСР. Таким образом, как указывали некоторые эксперты, РСФСР становилась аморфным территориально – государственным образованием, состоящим главным образом из территорий краев и областей, и в случае неприятия верховными властями России соответствующих мер по сохранению своей территориальной целостности это неминуемо привело бы к распаду государственности по союзному сценарию (Карпетян Л.М., Указ.соч., С.33). В Постановлении Верховного Совета СССР о введении в действие этого закона Верховным Советам союзных и автономных республик привести свое законодательство в соответствие с ним (п.6). В этом же постановлении указывалось, что данный закон является основой обновления договорных отношений между Союзом ССР и субъектами федерации.

Вполне закономерно, что после принятия вышеназванных законов СССР начался всеохватывающий процесс повышения статуса автономных образований. Он во многом носил неуправляемый и политизированный характер, где главную роль играли амбиции лидеров национальных республик в составе РСФСР.

Другим немаловажным фактором, стимулировавшим сепаратистские устремления лидеров автономных республик, стало то, что временной отрезок между повышением статуса автономных республик на основе упомянутого союзного Закона (26 апреля 1990 г.) составлял всего полтора месяца. Столь радикальные изменения системы территориально – государственного устройства Союза ССР в обход мнения руководства союзных республик и дали старт «параду суверенитетов», являвшемуся очевидной угрозой для территориального единства России.

Мощным толчком для изменения республиками в составе России своего государственно – правового статуса явилось принятие 12 июня 1990 г. 1 Съездом народных депутатов РСФСР Декларации». О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». В ст. 9 Декларации была признана необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных образований, краев и областей.

Однако обуславливать содержание Декларации о государственном суверенитете РСФСР лишь политическими событиями того времени было бы неправильно, поскольку именно этот документ стал основанием для дальнейшего развития российского федерализма на основе не только национально – территориального, но и территориального принципа. На это указывает анализ ее политико – правового содержания.

Так, в преамбуле Декларации говорится, что Первый съезд народных депутатов РСФСР “торжественно провозглашает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР”, а в п.4 документа подчеркивается, что “государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально - государственных и национально – культурных формах” (См.: Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Социалистической Республики от 12 июля 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2).

Несмотря на противоречивое и неоднозначное толкование в политической и юридической литературе п. 5 Декларации, следует отметить, что именно на основе содержания его норм в последующем развивались все новые направления российского законодательства. Этот пункт гласит, что “для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается:

- полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех вопросов, которые добровольно передаются в ведение Союза ССР;

- верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается республикой на своей территории. Разногласия между республикой и Союзом разрешаются в порядке, устанавливаемом Союзным договором;

- исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России;

- полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах;

- право республики участвовать в осуществлении полномочий, переданных ею Союзу ССР” (Там же).

Помимо этого, декларация впервые провозгласила важнейшие демократические основы построения системы государственной власти в России на принципах федерализма и разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. В частности, в п.9 Декларации сказано, что “Съезд народных депутатов РСФСР подтверждает необходимость существенного

расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР. Конкретные вопросы осуществления этих прав должны определяться законодательством РСФСР о национально – государственном и административно – территориальном устройстве Федерации”, а в п.13 говорится, что “разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства” (Там же).

Особо следует подчеркнуть, что в Декларации о государственном суверенитете РСФСР заявлено о намерении развития России в рамках обновленного союзного государства. В п.15 сказано: “Настоящая Декларация является основой для разработки новой Конституции РСФСР, заключения Союзного договора и совершенствования республиканского законодательства” (Медведев Н.П., Указ.соч., С.35).

Так, известный российский правовед О.Г.Румянцев обращает внимание на “некорректность выпадов в адрес декларации, якобы разрушившей СССР. В ее тексте на дух с половиной тысячах страницах содержится четырнадцать упоминаний Союза СССР, его Конституции, законодательства, гражданства и других атрибутов союзной государственности” (Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994. С.82).

Эта важнейшая норма Декларации опровергает утверждения некоторых ее критиков, видящих в ее содержании лишь сепаратистское и разрушительное начало.

В то же время критики Декларации о суверенитете РСФСР справедливо указывают на то обстоятельство, что она фактически сдетонировала процесс “суверенизации” и повышения статуса регионов России. Как известно, вскоре после ее принятия были приняты Декларации о государственном суверенитете республик в составе России. В своих декларациях они в явочном порядке отказывались от статуса автономных и провозглашали себя суверенными государствами в составе России. Многие автономные области заявили о своем преобразовании в республики. Одновременно в российских краях и областях усиливалась тенденция к превращению их в полноправные субъекты федерации.

Следуя этой тенденции, во второй половине 1990 г. большинство российских республик приняло свои Декларации о государственном суверенитете. В этих актах республики объявили об изменении своего государственно – правового положения в составе Российской Федерации. При этом две из них, Мордовская АССР и Дагестанская АССР, приняли Декларации о государственно – правовом статусе. Провозгласив государственно –

ный суверенитет, они отказались от термина автономная, уравнивая себя в правах с союзными республиками (См.: Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России: В 3 – х кн. М., 1993. Кн.3. С. 22 – 24). Во многих Декларациях речь шла о договорных отношениях с СССР и РСФСР. Так, в Декларации о суверенитете Советской Республики Тува от 12 декабря 1990 г. заявлялось, что “ Советская Республики Тува – суверенное государство, субъект СССР и РСФСР..” (См.: Декларация Советской Республики Тува. // Сов. Тува. 1990. 20 декабря). В Постановлении Третьего съезда народных депутатов Дагестанской АССР говорится, что «Республика Дагестан становится равноправным участником Договора о Союзе Суверенных Республик и Федеративного Договора» (См.: Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России: В 3 – х кн. М., 1993. Кн.3. С.20).

Дальше других в повышении своего статуса пошли Республики Татарстан и Чечено – Ингушетия, которые в своих Декларациях не упоминали о нахождении в составе России. В то время как остальные республики указали, что они находятся в составе Российской Федерации. Так, согласно принятой в 1990 г. Декларции, Чечено – Ингушская республика является суверенным государством, созданным в результате самоопределения чеченского и ингушского народов (Указ. соч., С. 22 – 23). В Декларации о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики она провозглашается как суверенное государство, которое находится с Российской Федерацией в договорных отношениях (Там же, С.45).

Процесс одностороннего повышения статуса и суверенизации национальных республик в составе РСФСР был приостановлен августовскими событиями 1991 г., срывом подписания нового Союзного договора и распадом СССР вследствие Беловежских соглашений. Руководство РФ получило возможность несколько упорядочить систему отношений с ее субъектами, направив протекавшие процессы в конструктивное и правовое русло. Сответствующие шаги в этом направлении были вскоре предприняты.

В условиях нарастания центробежных тенденций после развала Союза ССР и заключения Беловежских соглашений о создании Содружества независимых государств (СНГ) важное значение для сохранения территориальной целостности России имел Федеративный договор, подписанный 31 марта 1992 г.

Федеративный договор – принципиально новый акт в истории государственности России. Этот документ находится в тесной связи с ранее при-

нятой Декларацией о государственном суверенитете и Декларацией прав и свобод человека и гражданина, утвержденной 22 ноября 1991 г. Верховным Советом РСФСР. Договор представляет собой триединый текст применительно к трем категориям будущих субъектов Российской Федерации.

Учеными и специалистами Федеративный договор принято считать важным политическим и юридическим документом по организации новых федеративных отношений между федеральным центром и регионами. Вместе с тем три отдельных текста договора как бы закладывают разнотипность и разностатусность будущих субъектов Федерации.

Так, по территориально – государственному признаку были выделены следующие образования: 1) национально – государственные (республики); 2) национально – территориальные (автономные области, автономные округа); 3) административно – территориальные (края, области, города федерального значения).

Первый текст Договора подписывался руководителями республик в составе РСФСР, второй – руководителями краев, областей и городов федерального значения Москвы и Санкт – Петербурга, третий – руководителями автономной области и автономных округов.

Федеративный договор не подписали лидеры Чечено – Ингушетии (которая позднее была разделена на Чеченскую и Ингушскую республики) и Татарстана (власти которого выступали за двусторонний договор с Россией). Само название документа “Федеративный договор” можно считать условным, так как он не имел учредительного характера и на самом деле являлся соглашением о разграничении полномочий и предметов ведения между федеральными органами государственной власти и органами власти регионов России. Таким образом, если рассматривать две основные стороны, характеризующие любое федеративное государство: систему территориально – государственного устройства и систему отношений между территориальными и региональными органами власти, то Федеративный договор изменил только систему отношений между властями и не затронул проблем административно – территориального деления (границ территорий), не учреждал новых административных единиц в составе Российской Федерации.

Российские эксперты – государствоведы расходятся в оценке политических последствий Федеративного договора, но при этом делают ряд сходных по смыслу выводов.

Так, обычно отмечается, что Федеративный договор как соглашение между лидерами федерального центра и регионов России по разделению

полномочий между органами власти на консенсусной основе стал, с одной стороны, важнейшим политическим документом, стабилизирующим в тот период социально – политическую ситуацию в стране, а с другой – важным юридическим документом, положившим начало конституционно – правового оформления новых федеративных отношений в Российской Федерации. Как отмечает в своем цитированном исследовании Г.В.Марченко, «в условиях анахроничной и постоянно подправляемой советской Конституции Федеративный договор придал хотя бы примерные законодательные рамки до этого стихийно протекавшим региональным процессам на территории России. Роль этого договора в приостановлении процесса дезинтеграции России очевидна» (Марченко Г.В. Какую Россию мы обретаем. – Октябрь, 1995, № 2, с. 155).

Однако жизнь оказалась сложнее теорий. Юридическая неопределенность некоторых формулировок Договора и отсутствие законодательства, принятого на его основе, создали правовой вакуум во взаимоотношениях Москвы и региональных властей. Поэтому сразу же после подписания Договора, несмотря на приостановку сепаратистских требований, процесс государственной дезинтеграции России в 1992 – 1993 гг. ушел «вглубь». Начался этап одностороннего перераспределения функций государственного управления от центра к регионам и освоения регионами этих прав. Органы государственной власти республик в составе РФ, краев, областей и автономных образований пошли на закрепление в собственном законодательстве максимально возможных для себя полномочий. В течение 1992 – 1993 гг. на территории России возникают целый ряд квазигосударственных образований. Так, Челябинский областной совет обсуждает вопрос создания Южно – Уральской республики, Свердловский провозглашает Уральскую республику, председатель Красноярского крайсовета Вячеслав Новиков предполагает создать Енисейскую республику, Вологодский облсовет объявляет в мае 1993 г. акт о преобразовании Ростовской области в государственно – территориальный субъект «Область Войска Донского». Активно обсуждаются проекты создания квазигосударства Кубань, Сибирской республики, Дальневосточной республики, Государства Сахалин. На Съезде народных депутатов Сибири в марте 1992 г. депутат Тюменского облсовета Б.Перов открыто заявил: «Съезд принимает декларацию о государственной независимости Сибири и провозглашает себя высшим органом государственной власти Сибири, при этом все органы колониальной российской власти на местах упраздняются» (См.: Известия, 30.03.1992).

В это же время Таймырский автономный округ по решению Окружного

совета решил выйти из – под юрисдикции Красноярского края и рассматривать себя как «исторически сложившееся национально – территориальное образование в составе РФ».

Сессия Архангельского областного совета в 1993 г. самостоятельно повысила статус области и расширила права местной власти практически до уровня самостоятельной республики. Совет немедленно ввел в действие ряд положений устава (по сути, конституции) области. Заместитель председателя областного Совета В.Ширяев заявил тогда на сессии: «...не надо питать иллюзий, что федеральные власти добровольно изменят ситуацию в пользу регионов. Джинн суверенизации уже выпущен из бутылки, поэтому следует настойчиво добиваться своей доли льгот у центра». Сессия приняла решение провозгласить область государственной структуры, практически равной республике. Это существенно ограничивало на территории Архангельской области полномочия Федерального собрания, Президента и правительства. Областной Совет наделил себя правом приостанавливать деятельность тех образованными вышестоящими властями органов государственной власти, которые, по его мнению, «противоречат интересам местного населения» - областного суда, арбитражного суда, руководителей федеральных органов государственного управления (Цит. по: Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). РАУ – Корпорация. М., 1994, С. 41).

От полного распада после подписания Федеративного договора Россию спасло лишь сохранение финансовой зависимости от Центра, экономическая несамодостаточность и политическая недееспособность руководства большинства субъектов федерации, а также довольно быстрый и сравнительно насильственный переход к следующему этапу конституционной федерации после разгона Верховного Совета и ликвидации советской вертикали после событий сентября – октября 1993 г..

Наряду с этим, Федеративный договор определил сам тип российского федерализма, который большинство исследователей рассматривают как кооперативный, поскольку он заложил наряду с исключительными предметами ведения и полномочиями федерального центра и регионов еще и совместные предметы ведения и полномочий.

Ученые, позитивно оценивающие договор, считают важным элементом, укрепляющим федеративные отношения, закрепленные совместные ведения и полномочия. Так, разработчики Договора опирались при этом на опыт по совместному осуществлению ряда полномочий системы федерализма Германии. Однако российскому подходу к этой проблеме были при-

сущи свои особенности, заключающиеся в том, что в России совместные предметы ведения и полномочия могли реализовываться только в рамках концепции и модели, определяемой федеральным центром. Регионы России могут принять закон по предметам совместного ведения лишь только в рамках и в соответствии с принятым федеральным законом по тому или иному предмету совместного ведения, тогда как в Германии действует конкурирующая система совместного законодательства, т.е. законодательные органы власти немецких земель имеют право регулировать предметы совместного ведения по своему разумению, если по этому предмету отсутствуют нормы федерального законодательства.

Относительно процедуры реализации исключительных полномочий федерального центра должны приниматься федеральные конституционные и федеральные законы. По исключительным полномочиям регионов (будущих субъектов) России региональные органы власти должны вводить свое нормативно – правовое регулирование. Важно подчеркнуть, что Федеративный договор окончательно закрепил положение о приоритете прав человека и гражданина независимо от национальной принадлежности и территории проживания. Тем самым был нанесен сильный удар по сложившимся за годы существования советского федерализма («федерации народов») стереотипам о приоритетах «титовых наций» в бывших автономных республиках.

Важным и принципиальным положением Федеративного договора является то, что он не предусматривал права выхода подписавших его субъектов из состава Федерации. Это свидетельствовало об отношении лидеров и федерального центра и регионов к декларациям о государственном суверенитете республик в составе РСФСР, так как в текстах некоторых из них недвусмысленно подчеркивалось их право выхода из состава России и даже их международная правосубъектность. В частности, в ст.1 Конституции Республики Тыва было продекларировано право ее выхода из состава Российской Федерации, а в республике Татарстан международная правосубъектность была утверждена на республиканском референдуме, хотя Конституционный Суд России принял решение о несоответствии референдума нормам Конституции России.

Политической инновацией в рамках Договора стало введение в практику федеративных отношений принципа разделения и делегирования властных полномочий на договорной основе. До сих пор результаты действия этого принципа неоднозначно оцениваются российскими учеными и специалистами: одни считают Российскую Федерацию конституцион-

но – договорной федерацией, другие – конституционной. Дело в том, что текст Федеративного Договора был одобрен Съездом народных депутатов Российской Федерации 10 апреля 1992 г. и включен в виде приложения в действующую тогда Конституцию России. Однако в декабре 1993 г. на референдуме была принята новая Конституция РФ, в которой взаимоотношения Центра и регионов трактуются несколько иначе, чем в Договоре. В нем также предусмотрены использование согласительных процедур в процессе реализации его положений и возможность обращения региональных органов власти в спорных случаях в Конституционный Суд.

По признанию многих экспертов, Федеративный договор не был лишен целого ряда недостатков.

Большинством экспертов в числе недостатков Договора отмечается закрепленная в нем юридически разностатусность субъектов РФ. Следует признать, что подписание региональными лидерами и руководителями Российской Федерации Федеративного договора не решило очень важный вопрос, связанный с уравнием в правах с республиками всех других административно – территориальных единиц России (краев, областей, автономных округов). Лидеры республик отказались включить в единый текст Федеративного договора право представительных органов власти (краевых, областных советов) принимать местные законы. Это стало одной из главных причин подготовки для подписания трех разных текстов Федеративного договора несмотря на активные попытки разработчиков подготовить и согласовать единый текст Договора.

Другим важным недостатком Договора стала неудача попыток его инициаторов убедить республики исключить из его преамбулы положение о «суверенитетах республик», основанное на их декларациях о государственных суверенитетах.

Эти противоречия, обусловленные наличием трех разных текстов Федеративного договора, были формально сняты и юридически более корректно изложены в гл.3 «Федеративное устройство» Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. В Конституции политико – правовой статус всех регионов был сведен к статусу равноправных субъектов Российской Федерации. Однако равенство субъектов перед лицом федеральных властей не означает равенства в отношениях институтов государственной власти с субъектами – ибо федеральные чиновники по – прежнему воспринимают национальные субъекты РФ как территории более высокого ранга.

Существуют и другие созданные Договором политико - правовые про-

тиворечия. Так, многие ученые – правоведы подчеркивают, что Федеративный договор был договором между субъектами Российской Федерации. Но здесь следует пояснить, что в юридическом плане о введении в оборот термина «субъект Российской Федерации» можно говорить только после принятия Конституции Российской Федерации. Как уже было сказано, после подписания Федеративного договора края, области, автономная область, автономные округа и города федерального значения не получили права принимать свои законы. Помимо этого, текст Федеративного договора, подписанный республиками, имел и другие положения, подчеркивающие их особый статус в Российской Федерации. И только Конституция Российской Федерации 1993 г. определила статус республик, областей, краев, автономных округов и городов федерального значения как равноправных субъектов Федерации и во взаимоотношениях между собой, и в отношениях с федеральным центром. Кроме того, органы власти всех субъектов России, а не только республик, после принятия Конституции становятся органами государственной власти. После принятия Федеративного договора и вплоть до 12 декабря 1993 г. формально нельзя было считать органы власти краев, областей, автономных округов и городов федерального значения органами государственной власти, в том числе и по причине отсутствия у них права принятия региональных законов.

Поэтому на новом этапе строительства российского федерализма особую роль приобретает уже новая Конституция, принятая на всероссийском референдуме 12 декабря 1993 г. Она оказала в равной степени большое влияние и на процесс формирования в России федеративной государственности, знаменуя переход России от договорной федерации к конституционной (Шахрай С.М. От договорной Федерации – к конституционной. // Век, 1995, № 14, С.10). В известной мере, принятие нового Основного закона страны способствовало преодолению целого ряда негативных тенденций периода 1990 – 1993 годов, грозивших территориальной целостности и самому существованию Российского государства. Среди них следует упомянуть «парад суверенитетов» национальных автономий в составе РФ в 1990 – 1991 г., спровоцированный необдуманно шагами и заявлениями политического руководства СССР и РСФСР, спорный во многих отношениях Федеративный договор 1992 г., закрепивший модель «асимметричной федерации» с привилегированным статусом национальных республик, а также процесс противостояния вертикали исполнительной власти и Советов как на уровне федерального Центра, так и на уровне отдельных субъектов РФ.

Помимо этого, принятию новой Конституции предшествовали многочисленные политические коллизии, проявившиеся уже во время Конституционного совещания 1993 г. в Москве. Так, если руководители краевых и областных Советов активно выступали против содержавшегося в президентском проекте Конституции определения национальных республик как «суверенных государств», то лидеры последних, напротив, выражали недовольство тем, что их «национальный суверенитет» свелся в конституционном тексте к формальной декларации без четкого определения связанных с ним полномочий.

На первый взгляд, новая Конституция действительно заложила основы для создания подлинно федеративного государства равноправных субъектов. Тем не менее остались нерешенными многие проблемы, что не позволяло говорить о завершенности процесса федеративного строительства в России.

Так, изначальная слабость Основного Закона состояла в том, что само его принятие в общефедеральном масштабе вопреки устоявшейся международно – правовой практике не ставилась в зависимость от волеизъявления каждого из субъектов РФ, и в результате 53 из 89 не проголосовавших за нее регионов де –юре «выпадали» из общероссийского правового пространства, а их жители вынуждены были жить в соответствии с конституционным актом, который они не принимали. Можно предположить, что именно этим противоречием отчасти была спровоцирована проблема Чечни, и возникли спорные моменты в отношениях РФ и Татарстана.

Постепенно в процессе адаптации новой Конституции к российским политическим реалиям становились очевидны и другие ее недостатки. Главный из них был связан с тем, что многие ее статьи противоречили друг другу и закладывали немалый конфликтный потенциал во взаимоотношения между Центром и регионами. Это, в частности, проявилось в таких аспектах, как неурегулированность ситуации, связанной с несоответствием договоров между РФ и ее субъектами, заключенными начиная с 1994 г., положениям Конституции, отсутствие каких – либо определенных требований к последним, отсутствие ясности в определении государственного статуса национальных республик и связанных с этим «особых прав».

Так, в переходных положениях Конституции Российской Федерации подчеркивалось, что в случае несоответствия положениям Конституции положений Федеративного договора, как, впрочем, и других договоров между федеральными и региональными органами власти, действуют положения Конституции Российской Федерации, а законы и другие правовые

акты, действовавшие на территории России до вступления в силу настоящей Конституции, применяются лишь в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации. Однако до последнего момента в конституциях ряда национальных республик были закреплены положения, противоречащие федеральной Конституции, и одновременно действовали двусторонние договоры между Российской Федерацией и немалой частью ее субъектов о разграничении полномочий и предметов ведения, что фактически превращало Россию в де – факто договорную федерацию (которая заметно уступает в прочности конституционной).

Авторам Конституции так и не удалось в полной мере закрепить принцип равноправия субъектов. Так, что «во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны». Однако в ч.1 той же статьи сказано, что «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации». Кроме того, в ч.2. ст. 5 предусматривается, что республика (государство) имеет свою конституцию, а прочие субъекты – только уставы. В данном вопросе Конституция РФ предстает как внутренне противоречивый документ, предписывающий субъектам конституционных взаимоотношений разные модели поведения, руководство которыми в практической деятельности весьма проблематично. Таким образом, налицо незаконное конституционное противоречие, касающееся правового статуса субъектов Федерации.

Неурегулированным до конца остался и вопрос о взаимоотношениях субъектов РФ с входящими в их состав столь же полноправными субъектами Федерации (наиболее характерны в этом плане отношения Тюменской области и Красноярского края с входящими в их состав автономными округами) (Русских П. Парадоксы Основного Закона. // Независимая газета, 1995, 26 января, С.3). Закрепляя формально принцип равноправия субъектов (ч.1 ст.5), Конституция РФ размывает его в ряде других своих положениях. Так, согласно ст. 65 Конституции РФ, автономные округа являются самостоятельными субъектами федерации. В то же время ч.4 ст. 66 Конституции РФ закрепляет вхождение автономного округа в состав края, области и устанавливает регулирование отношений между ними федеральными законами и договорами (которые до последнего времени отсутствовали). Все эти недочеты не позволили новому Основному закону страны создать по – настоящему сбалансированную и устойчивую форму федеративных отношений в России.

Асимметричность РФ была закреплена в договорных отношениях с субъектами Федерации. Практика разграничения полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов РФ берет свое начало 31 марта 1992 г. – со дня подписания Федеративного договора. Вторым шагом было принятие 12 декабря 1993 г. новой российской Конституции. Основным закон скорректировал положения Федеративного договора, повысив статус краев, областей, городов федерального значения, автономных округов и областей до уровня республик в составе РФ.

15 февраля 1994 г. был подписан первый документ – договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти республики Татарстан». Его особенностью было то, что в марте 1992 г. Татарстан отказался от подписания Федеративного договора, а в декабре 1993 г. на его территории был «провален» референдум по принятию новой Конституции. Подписание договора с Татарстаном был обусловлено политическими причинами. Его следует рассматривать в контексте крайне напряженных отношений, сложившихся между Москвой и Казанью в 1990-93 гг. В 1992 г. Центр подписал с субъектами Федеративный договор, который не был подписан Татарстаном и Чечено-Ингушетией. Башкортостан подписал его с условием, что Федеративный договор будет дополнен двусторонним договором. Со стороны причина отказа заключалась в том, что, во-первых, Федеративный договор предоставлял республикам меньше прав, чем они к тому времени имели фактически; во-вторых, он был всего лишь соглашением между федеральным правительством и субъектами о разграничении полномочий – в нем не была определена федеративная природа России и, следовательно, не было гарантии сохранения самостоятельности республики. Альтернативой договору могла стать попытка разрешить конфликт силовыми методами, что привело бы к дестабилизации страны. Сегодня очевидно, что заключение договора погасило напряжение и вернуло Татарстан в политико-правовое пространство РФ. Вместе с тем, договор с Татарстаном не снял противоречий между Конституцией РФ и Конституцией Республики Татарстан. Договор не содержит положения о том, что Татарстан является республикой в составе РФ, и признания верховенства Конституции России. Фактически договор объединил в себе особенности международного и внутригосударственного договора, конфедеративных и федеративных отношений. Он знаменовал собой отход от принципа равноправия всех субъектов Федерации, закрепленного в Конституции и возврат к асимметричной модели. По договору и прила-

гаемым к нему 11 соглашениям, Центр передал властям республики значительно больше полномочий, льгот и преимуществ, чем другим субъектам РФ. Причем Татарстану передавался ряд «неотчуждаемых», а также совместных предметов ведения и полномочий. Более того, некоторые из подписанных соглашений как по форме, так и по содержанию, не являлись соглашениями о разграничении полномочий. Среди них соглашения «О вопросах собственности», «О бюджетных взаимоотношениях между РФ и Республикой Татарстан» и др.

Тем самым был создан прецедент фактического повышения статуса субъекта РФ до уровня, выходящего за рамки, установленные Конституцией; волевого перераспределения предметов ведения и полномочий, не «укладывавшегося» в Конституцию; предоставления субъекту Федерации определенных преимуществ и льгот, ставящих его в особо благоприятные условия по сравнению с другими субъектами.

Пример Татарстана оказался заразительным. Следом подобные договоры были подписаны с Республикой Башкортостан и Республикой Саха (Якутия). В этих договорах не содержалось политических притязаний, в них имелись положения о пребывании этих республик в составе РФ и о приоритете федеральной Конституции. Но вместе с тем, в них было немало политических уступок, неконституционно перераспределенных полномочий, всевозможных льгот и привилегий. Таким образом, три самых богатых в природном отношении республики добились от федеральных властей права расходовать львиную долю собираемых на своих территориях средств на нужды собственного населения. Вместе с тем, налаживание договорных отношений между Центром и этими республиками имело свои позитивные моменты: в этих регионах ослабли сепаратистские и националистические настроения, признается и соблюдается общероссийское законодательство.

Помимо «политических», были подписаны договоры, закрепление которых диктовалось необходимостью подтвердить особые связи федеральных властей с субъектами Федерации, поддержать руководителей субъектов в непростой для них обстановке. Такими стали договоры с Кабардино-Балкарией и Северной Осетией (Аланией). «Всеобъемлющими» стали договоры с краями и областями, направленными на «подтягивание» их прав и возможностей до уровня республик России. Здесь можно упомянуть договоры с Краснодарским и Хабаровскими краями, Оренбургской, Ленинградской, Иркутской, пермской, Свердловской областями. В итоге размывание единого конституционного поля и асимметрия в отношениях между

субъектами Федерации достигли критической величины.

Помимо этого, федеральный Центр вступал в переговоры с целью прийти к согласию с каждым из субъектов одновременно, в увязке с принятием решений, существенных для политики в важнейших областях (налоги, кадры, статус региона). Этот переговорно-согласительный процесс, своего рода «торг», ослаблял позиции Кремля и, наоборот, добавлял силы тенденции к регионализации на всей территории страны. Нужно сказать, что в большинстве случаев противостояние «центр-периферия» виделось сторонам благотворным для обоюдного соблюдения интересов. Регионы получали больше власти на местном уровне и отвоевывали больше влияния на федеральном. Центр сохранял свое доминирующее положение и авторитет в качестве инстанции, олицетворяющей всю Россию в целом.

В результате переговоров сложилась своеобразная иерархия субъектов Федерации, что позволяло периферии определиться в вопросе содействия Центру при обсуждении проблем юрисдикции и распределения ресурсов и при попытках достижения внутрорегиональных соглашений. Опасным в данном процессе было то, что субъекты пытались добиться особого с собой обращения со стороны Центра, внося в одностороннем порядке изменения в стратегию взаимоотношений. Ельцину же его линия поведения в отношении региональных лидеров в значительной мере диктовала необходимость сохранить себе поле для маневра.¹

В 1996 г. республики, а затем ряд областей и краев, недовольных своим статусом, потребовали заключения двусторонних договоров. Укрепляя свои позиции перед президентскими выборами 1996 г., Б. Н. Ельцин был вынужден начать договорный процесс не только с республиками, но и с областями, краями, городами федерального значения.

К явно «политическим» можно отнести целый ряд договоров, подписанных Президентом РФ Б. Н. Ельциным с краями и областями, автономными округами в ходе предвыборной компании 1996 г. Президенту эти договоры гарантировали лояльность элит и населения в тяжелой предвыборной гонке. В ходе своих выступлений Президент неоднократно изображал договоры в качестве своеобразной «палочки-выручалочки», универсального «лекарства» от всех бед. Так, будучи в экономически неблагополучной Тверской области, Б. Н. Ельцин, прямо заявил, что все проблемы оттого, что область до сих пор не подписала договор с Москвой.²

За десятилетнее правление Ельцина местным властям было позволено

1. Моммен А. Заявка Путина на власть: конец российского федерализма?//Социс. – 2000. - № 5. – С. 70 – 80.

2. Асимметричность Федерации / Под ред. А. Захарова. – М., 1997. - С. 20.

получить больше политического веса и влияния, чем те, которыми они по самой сути своей могли обладать. Губернаторы и президенты республик автоматически входили в состав Совета Федерации, что могло им позволить без труда организовывать коллективные акции или сформировать блок-противовес, благодаря которому Совет Федерации мог превратиться в нечто большее, чем совещательный орган при Президенте. Все это не могло не подрывать верховенства центральной власти.

Согласно точки зрения А. Моммена, переговорно-согласительный процесс между центром и периферией в 1990-е годы предохранил Россию от крупного политического кризиса.

Несмотря на централизаторские инициативы при номинальном сохранении единства и целостности государства, Россия превращалась в конгломерат территориальных образований, во многом из которых сформировались автономные политические режимы, де-факто и де-юре игнорировался примат федерального права, единство экономического пространства.

К концу правления Ельцин страна устала от безвластия. Россия ждала человека, который, наконец, наведет порядок, в том числе проведет полноценную централизацию.

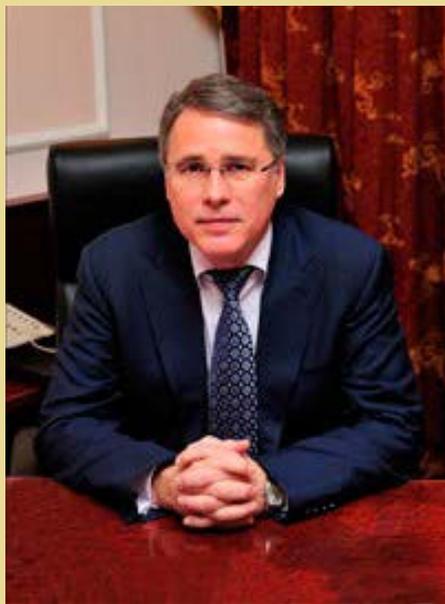
В. В. Путин на посту Президента России начал с учреждения федеральных округов и реформирования президентского представительства в регионах. Указом от 13 мая 2000 г. были предусмотрены семь федеральных округов – территориальных объединений, в пределах которых действовали полпреды: Центральный, Северо-Западный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Об округах в первые годы политики и эксперты говорили как о прообразе межрегионального уровня власти и в конечном итоге нового уровня государственного устройства, новых регионов. Предлагалось легализовать их законодательно и даже конституционно. В своем Послании 2000 г. В. Путин специально разъяснил, что «Суть этого решения не в укрупнении регионов, а в укрупнении структур президентской вертикали в территориях. Не в перестройке административно-территориальных границ, а в повышении эффективности власти».

Федеративная реформа, как принято считать, началась с образования федеральных округов и введения в них институт полномочных представителей Президента РФ. Согласно Положению о полпредах, они являются должностными лицами Администрации Президента и непосредственно подчиняются главе государства. В пределах соответствующего округа они: 1) организуют контроль за исполнением федеральных законов, указов и

распоряжений Президента и Правительства; 2) координируют деятельность территориальных органов федеральных органов исполнительной власти; 3) согласовывают кандидатуры для назначения на должности федеральных государственных служащих. Естественно, что полпредам вменялось приглядывать за политическими процессами в пределах вверенных им территорий, за кадрами местных органов власти. Полпредам сразу поручили чрезвычайную миссию по приведению регионального права в соответствие с федеральным ради централизации федерально-региональной правовой системы России и обеспечения единства экономического пространства.

В июне 2000 г. в помощь полпредам были образованы управления Генеральной прокуратуры в федеральных округах, которые возглавили заместители Генерального прокурора. Эти подразделения наделили как надзорными, так и управленческими полномочиями по отношению к прокуратурам субъектов. Активное участие в кампании приняло и Министерство юстиции, у которого в 2000 г. также появились главные федеральные управления по округам. Ими была проведена масштабная инвентаризация регионального правового массива. Последовательно прошлись по конституциям и уставам, потом по региональным законам и актам органов исполнительной власти, затем по актам местного уровня. Кампанию в регионах восприняли по-разному. В одних охотно шли навстречу, в других – сопротивлялись. Наибольшее противодействие отмечалось со стороны республик. В их случае «камнем преткновения» стали не только акты, регулирующие экономические вопросы (где противоречий было обнаружено больше всего), но и конституции, в частности, нормы о суверенитетах. Многие республиканские парламенты открыто отказывались приводить конституции и законы в соответствие с федеральными или всячески оттягивали подготовку поправок, их рассмотрение и принятие. Но в общем следует отметить, что уже к концу осени 2000 г. Центру удалось добиться перелома, сочетая методы кнута (реформа Совета Федерации, введение новых мер конституционно-правовой ответственности) и пряника (учреждение Государственного Совета). К марту 2001 г. 70-80% несоответствующих федеральному законодательству региональных нормативно-правовых актов были либо отменены, либо приведены в соответствие.

МГТУ им. Н.Э. Баумана

Александров А.А., ректор

Памятник Н.Э. Бауману

Ремарчук В.Н.,

*доктор философских наук, профессор
декан факультета «Социальные и гуманитарные науки»
МГТУ им. Н.Э. Баумана*

Проблемы согласия и допустимые уровни насилия в современном миротворчестве

В политике миротворчества с момента ее зарождения и, особенно в наши дни, самым дискуссионными остаются проблемы роли и места в ней согласия[1] и насилия. И это не случайно, поскольку миротворчество направленно на изменение конфликтной ситуации, на ее стабилизацию в рамках принятых международным сообществом критериев во имя мира и стабильности. Характер этой деятельности: с одной стороны - политической, с другой - военной, обостряет фактор необратимости ее результатов, поскольку политические издержки в совокупности с военными, как правило, инициируют катастрофические последствия.

Актуальность дискуссии усиливает неконкретность ряда положений Устава ООН, позволяющих двояко толковать условия и меры применения военной силы при урегулировании конфликтов. Действительно, на протяжении десятилетий уставные основы миротворческих действий ООН остаются спорными. Так, например, действия по поддержанию мира нередко трактуют «по Статье шесть с половиной», имея ввиду, что они подпадают не то под Статью 6 «Мирное урегулирование разногласий», не то под Статью 7 «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». До тех пор, пока отправной точкой для привлечения миротворческих сил являлось согласие всех сторон вовлеченных в конфликт, а Совет Безопасности действовал в соответствии со своими полномочиями, тот факт, что уставные основы действий лежать где-то между Статьями 6 и 7, не имел значения. Однако в настоящее время, расширенное толкование понятий «самооборона» и «угроза миру», дающее право применять принудительные меры, обострили дискуссию о том, где грань между миротворческими операциями и операциями по принуждению к миру. Остро ту дискуссию усиливает включение НАТО в проведение операций по принуждению к миру без санкций Совета Безопасности. Именно проблемы «согласия» и допустимые пределы насилия в миротворчестве и являются предметом рассмотрения в данной статье.

Рассматривая проблемы роли и места насилия и согласия в миротворческих операциях, автор исходит из того, что их успешное проведение зависит от согласия в регионе на их проведение, причем этим согласием дол-

жен определяться порядок планирования и проведения миротворческих операций на всех уровнях - и особенно там, где речь идет о применении силы. Необходимо отметить, что операции по поддержанию мира, проводимые с согласия сторон, не исключают применения силы против третьей стороны (террористов, неконтролируемых вооруженных формирований и т.д.). Напротив, применение военной силы в данном случае даже облегчается таким согласием, и, следовательно, нет необходимости переводить эти действия в разряд операций по принуждению к миру. С другой стороны, операции по принуждению к миру такого согласия не требуют и осуществляются, главным образом, в соответствии с принципами и законами ведения войны, исходящими из точного определения противника. Следовательно, операции по поддержанию мира и операции по принуждению к миру являются разнопорядковыми видами миротворческой деятельности, которые не следует смешивать. Водоразделом между ними выступает согласие. Это подтверждается определением силового умиротворения, которое трактуется как «операции, проводимые с целью восстановления мира между воюющими сторонами, не все из которых согласны с осуществлением вмешательства и могут проводить боевые действия»[2].

Для осуществления миротворческих акций, проводимых ООН и региональными организациями необходимо обращение или разрешение конфликтующих сторон (или одной из них) на их проведение. Это условие сформировалось исторически и нашло свое закрепление в Уставе ООН в качестве важнейшего принципа их осуществления. О важности согласия свидетельствует и то, что данный принцип присутствует во всех армейских инструкциях и документах практически всех государств, выделяющих воинские контингенты для миротворческих акций.

Анализ документов ООН, решений региональных организаций по проведению миротворческих акций свидетельствует, что согласию уделяется важное внимание и как политико-правовому принципу миротворческой деятельности, и как основному условию начала миротворческих операций. В тоже время в операциях по принуждению мира оно отодвигается на второй план. В этой связи представляется, что именно согласие сторон как бы отделяет эти два вида операций.

Поскольку согласие выступает ключевым условием проведения операций по поддержанию мира, постольку возникает необходимость его внимательного рассмотрения. Под согласием при проведении операций по поддержанию мира понимается взаимная договоренность сторон на военно-политическое урегулирование конфликта третьей стороной (коалицией государств) под эгидой международной или региональной организации, в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права[3]. При этом наиболее благоприятным представляется формирование обстанов-

ки согласия на всех уровнях конфликта. Прежде всего, на стратегическом уровне, на котором осуществляется координация действий по урегулированию конфликта международными и региональными организациями с субъектами конфликта. Здесь согласие складывается из многих составляющих. Основным является согласие конфликтующих сторон или законного руководства страны на проведение операции, с которым они обращаются к миротворческим организациям. Данное обращение предполагает переход к формированию следующей составляющей согласия в виде мандата на операцию, и предполагает согласие международного сообщества и конфликтующих сторон. Не последнее место в достижении согласия на стратегическом уровне играет взаимопонимание конфликтующих сторон и международной организации по поводу реализации плана, предложенного сообществом. Итак, достижение согласия на данном уровне означает достижение сторонами взаимного понимания в необходимости проведения операции.

Согласие на стратегическом уровне приобретает большую устойчивость, если оно находит поддержку и понимание его необходимости на оперативном уровне. Под оперативным понимается уровень, на котором осуществляется взаимодействие главы миссии и военного командования миротворческого контингента с государственным и местным руководством в зоне конфликта. Именно на оперативном уровне стратегические директивы (планы, мандат) международных и региональных организаций трансформируются в оперативные планы проведения кампании.

И, наконец, тактический уровень, который включает все полевые операции проводимые миротворческим контингентом. Если удастся достичь согласия и на этом уровне, шансы на успех при проведении миротворческой операции существенно повышаются.

При всем притом, достижение согласия на всех уровнях это только предварительное условие эффективности проведения операции. Не менее важным является поддержание его на всем протяжении акции и, особенно в ходе ее «военной» составляющей, поскольку это позволит «маневрировать» в процессе урегулирования конфликта, когда слабость в одном аспекте может компенсироваться силой в другом. Такая «гибкость» согласия служит своего рода водоразделом, препятствующим трансформации операций по поддержанию мира в операции по принуждению, в случае колебаний динамики конфликта в сторону его эскалации.

Вместе с тем, следует помнить, что при проведении операции согласие, как правило, бывает хрупким и весьма уязвимым. Это обусловлено множественностью причин породивших конфликт и иными обстоятельствами. Поэтому в случае обострения взрывоопасности обстановки, оно может быть и вовсе частичным.

И еще одна характеристика согласия, оно никогда не бывает абсолютным. Прежде всего, потому, что согласие это такой результат военно-политической договоренности, от которого миротворцы могут получить лишь определенную часть полномочий, от конфликтующих сторон, на вполне определенный характер деятельности и на определенное время. Следовательно, не правомерно сводить согласие к всеобщему одобрению всякого действия, предпринятого миротворческой миссией. Более правильно было бы приравнять согласие к общему «настроению» политического руководства конфликтующих сторон и общественности, которые терпимо относятся к присутствию миротворческих сил, и обеспечивают достаточную легитимность действиям в рамках мандата сотрудникам миссии. В самой упрощенной форме оно может сводиться к отсутствию систематических целенаправленных силовых или боевых действий против миссии. Если в зоне деятельности миссии такое согласие имеется, то вполне возможным представляется проведение миротворческих операций. Если же оно отсутствует, то любые действия контингента вряд ли будут совместимы с попытками развести конфликтующие стороны и устранить коренные причины конфликта. А без согласия сторон единственно реальным средством эффективного вмешательства извне остается силовое умиротворение.

Анализ операций по поддержанию мира и разнообразных ситуаций, в которых могут оказываться миротворцы, указывает на необходимость достижения еще одного условия, облегчающего реализацию задач контингентом, а именно: практические задачи операций по поддержанию мира в значительной мере требуют сотрудничества с местными властями и населением. При этом, в данном случае, сотрудничество выступает как бы формой реализации согласия и, разумеется, оно зависит от его наличия и достаточности. Миротворческие контингенты имеют большие шансы на успех своей миссии, если им удастся убедить участников конфликта в тесной взаимосвязи между соблюдением договоренностей по урегулированию конфликта и достижением взаимной выгоды сторон от этого. Поскольку, только из мирного процесса урегулирования конфликта могут извлечь пользу все заинтересованные стороны в его прекращении. Оценки гипотетических сценариев по поддержанию мира показывают, что миротворцам трудно добиться успеха своей миссии, если они сталкиваются с упорным повсеместным противодействием.

Подобная ситуация, когда при осуществлении миссии, отсутствуют эти важные условия, имела место в Югославии. Не случайно Генеральный Секретарь ООН по этому поводу заметил: «Миротворческий план ООН останется нежизнеспособным до тех пор, пока различные местные власти не проявят должного сотрудничества»[4].

Таким образом, избежание эскалации, беспристрастность, ведение пе-

реговоров, терпение, доверие, взаимопонимание, развитие отношений с населением, посредничество и выдержка представляют собой отнюдь не разрозненный перечень полезных качеств и принципов для достижения согласия. Все они служат развитию сотрудничества при согласии местного населения, предоставляющего свою защиту и поддержку миссии. Необходимость в таком согласии лежит в основе всех принципов и методов описанных в отчетах полевых командиров.

Коль необходимость в согласии и его «характер» определены как решающий водораздел между операциями по поддержанию мира и операциями по принуждению к миру, то его поддержание на всех этапах и уровнях операций требует особого внимания. Практика свидетельствует о необходимости приложения составом миссии постоянных усилий, направленных на взаимную «передачу согласия» между оперативным и тактическим уровнями при проведении операции. Например, если командующий зоной разделения заручился согласием лидера той или иной группировки на определенные действия, то он должен сделать все, что в его силах, чтобы это соглашение было доведено до тех членов группировки, которые противостоят его тактическим командирам на линии разграничения. Аналогичные действия может и должен предпринимать командир на тактическом уровне, добиваясь соглашения с противостоящим ему местным лидером, обеспечивая тем самым благоприятные условия для своих подчиненных выполняющих поставленные перед ними задачи.

Следовательно, когда воинские контингенты с согласия сторон вводятся в регион конфликта, все уровни военно-политического руководства операцией призваны прилагать максимальные усилия для сохранения его между сторонами при проведении операции. Это с одной стороны, способствует урегулированию конфликта, а, с другой, помогает сохранить грань между операциями по поддержанию мира и операциями по принуждению.

Проанализируем теперь военно-политические последствия, возникающие вслед за нарушением согласия. Прежде всего, попытки миротворческого контингента принять чью-либо сторону неизбежно вызывают враждебность местного населения, и сводят статус контингента к уровню одного из участников конфликта. Этими действиями они обрекают на провал свою способность контролировать события в зоне миссии, утрачивают все полномочия и доверие к себе, как к надежному арбитру, и в результате, ставят под угрозу собственную безопасность. В конечном счете, войска ООН вмешиваются в конфликт и сами превращаются в часть той проблемы, которую были призваны разрешить, а собственные ресурсы войск все больше направляются на самозащиту сил. Став, таким образом, частью конфликта, который они были призваны урегулировать, миротворческие силы оказываются втянутыми в конфликтные действия, совершенно чуж-

дые мандату и общим задачам операции. Подобная ситуация почти неизбежно приведет к утрате поддержки со стороны местного населения, военно-политического руководства сторон. И, как следствие, потеря контроля и неограниченная эскалация конфликта вплоть до полномасштабного насилия, рост политической напряженности и перекрытие всяких возможностей урегулирования конфликта.

Итак, в обобщенном виде основными действиями миротворцев, приводящими к нарушению барьера согласия, могут быть: принятие позиции одной из сторон; чрезмерное применение силы; утрата доверия к действиям контингента со стороны руководства конфликтующих сторон; полное неуважение к местному населению; взаимное непонимание. По этой причине применение силы - даже не санкционированное мандатом ООН - может оказаться действенным и согласованным всеми сторонами методом поддержания мира. И таким образом согласие может способствовать, а не воспрепятствовать применению силы. Но войска ООН, как правило, довольно слабы, не имеют мощного вооружения и достаточной политической поддержки, чтобы ввязываться в крупномасштабные операции. Поэтому неудивительно, что большинство миротворческих подразделений ООН тяготеют к применению апробированных принципов, предпринимая действия, идущие в разрез с мандатом, лишь с согласия сторон, участвующих в конфликте, недопустимость применения силы за исключением безотлагательной самообороны и сохранение беспристрастности по отношению к враждующим сторонам. Свидетельство такого подхода можно увидеть в документах британской армии, и в новом Полевом уставе по миротворческим операциям[5].

С другой стороны, цена военного бездействия в ходе проведения миротворческой операции может порой оказаться довольно высокой. И тогда с новой силой возникает вопрос о применении силы, как это случилось в бывшей Югославии, где войска ООН официально призванные осуществлять защиту, оказались не в состоянии защитить окруженные противником общины. В такой ситуации может даже сложиться мнение, что войска ООН больше озабочены собственной безопасностью, чем тем, кто прав и кто виноват в конфликте или эффективностью своих действий. Очень трудно добиться справедливого и сбалансированного применения силы внутри страны с множеством участников конфликта, не менее трудно достичь чего-то, хотя бы напоминающего справедливость и сбалансированность, определяя, в каких конфликтах применение силы оправдано. Здесь довольно трудно избежать обвинений в «двойном стандарте».

Одна из форм миротворческой деятельности с готовностью применить силу - это превентивное введение войск. Превентивное введение войск такого типа может иметь существенный потенциал как один из самых инте-

ресных вариантов использования миротворческих сил. Однако совершенно очевидно и то, что это куда более откровенно военная функция, чем операции по поддержанию мира в прошлом.

В то же время, сложности различного характера в ходе проведения миротворческих операций, обуславливающих склонность к применению силы возникли не столько в связи с превентивным введением войск, сколько в случаях продолжительных конфликтов, в которых требовались решительные действия.

Первая проблема заключается в том, что, хотя широкомасштабное применение силы самими миротворческими формированиями или от их имени и может помочь восстановить доверие к миротворцам, оно может также и увеличить риск для легковооруженных миротворческих войск на уязвимых позициях.

Вторая проблема связана с первой, заключается в том, что применение силы в запутанной обстановке гражданской войны часто сопряжено с потерями среди гражданского населения, а не только среди вооруженного противника. Чтобы свести опасность такого рода до минимума, необходимы знания обстановки, разведка высокого класса, квалифицированное принятие решений и эффективное выполнение поставленных задач. Отнюдь не весь офицерский состав и подразделения миротворческих сил ООН сильны во всех этих аспектах.

Третья проблема - в том, что в некоторых (хотя и не во всех) случаях применение силы сопряжено с риском подорвать веру в беспристрастность миротворческих сил, даже если эти действия оговорены в мандате. Миротворческие формирования, как и любые войсковые подразделения на чужой территории, нуждаются в местных союзниках и источниках снабжения, в особенности, если они вовлечены в военные действия. В таких обстоятельствах приходится эффективнее пользоваться имеющимся по статусу нейтралитетом. Некоторому риску может подвергаться сама идея беспристрастности миротворческих сил ООН, более того, даже самой ООН.

Четвертая проблема состоит в том, что, хотя система принятия решений в ООН далеко не оптимальна с точки зрения широкомасштабности применения силы, но и передавать право принятия решения другим, когда речь идет о жизни миротворческого контингента ООН, было бы, по меньшей мере, опрометчиво.

Не смотря на все перечисленные проблемы, потребность в различных средствах применения силы в поддержку миротворческих операций и достижения задач миссии сохраняется. Если такие средства найти не удастся, доверие к этим операциям будет неумолимо падать. И опыт 1993 года Сомали и Боснии подтверждает это. Значительные трудности, с которыми

столкнулись при осуществлении миротворческих операций войска ООН и западные державы в Боснии и Сомали, привели к снижению доверия в ряде других обстоятельств, в том числе на Гаити.

Таким образом, направленность и характер миротворческой деятельности должны учитывать следующие важные моменты: наличие согласия, является определяющим фактором, который отличает операции по поддержанию мира от операции по принуждению к миру. Стратегия подготовки и проведения каждой из таких операций требует совершенно отдельных и нередко взаимоисключающих действий. Методы поддержания мира и силового умиротворения ни в коем случае нельзя смешивать.

Мощная структура согласия при проведении миротворческих операций значительно ограничивает возможности конфликтующих сторон и делает возможным применение минимума необходимой силы против иных (третьих) сил, препятствующих урегулированию конфликта. Анализ разграничительной линии создаваемой согласием, дает подробное руководство для принятия решений относительно ее применения.

Для защиты, поддержания, развития и передачи согласия огромным потенциалом в процессе миротворчества обладают психологические методы воздействия, так как они обращены к умам и чувствам населения. Очевидно, и в этой сфере лежит ключ к успешному проведению будущих миротворческих операций. Благоприятное воздействие на позиции участников конфликта и население должно быть главным содержанием работы во всякой миротворческой кампании. Как составная часть широкого политического процесса, разработка миротворческой стратегии должна быть сосредоточена именно на этом аспекте.

Список литературы:

1. В этимологическом смысле «согласие» - это утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение, взаимная договоренность. См.: Словарь русского языка. М.: «Русский язык». 1988. т.IV.-С.178

2.. Издание “Армейская доктрина, раздел “Операции”// Цит.по Survival.m.36, Осень 1994, - С.127

3. Ремарчук В.Н. Современное миротворчество: политические и военные проблемы. М.; 1998. – С.81.

4. ЮНПРОФОР, Доклад об участии в операции командира подразделения август 1993 года // Survival.m.36, Осень 1994, - С.131.

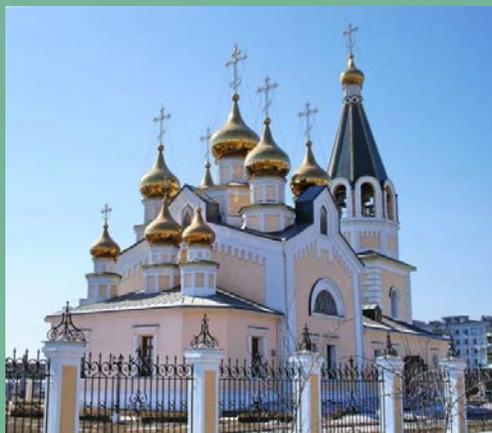
5. Army Field Manual, Wider Peacekeeping, 4th draft, [Headquarters Doctrine and Training, Wiltshire, 1994] гл.2 и 4. См. Также: Carles Dobbie, ‘A Consept for Post-Cold War Peacekeeping, Survival, vol. 6, no. 3, Autimm 1994, pp. 124-148/

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Махачкала

Якутск

Новгородская земля

Федорова Л.В.,

*соискатель кафедры национальных и федеративных отношений
РАНХиГС при Президенте РФ*

Проект «Земля Олонхо» как фактор формирования евразийской идентичности (Тезисы доклада для международной конференции)

Нагорные степи Урало-Сибири – исконная территория кузнечно-кочевых народов, основателей евразийской цивилизации. Экономические основы исторических евразийских союзов – металлургия, отгонное, табунное скотоводство и земледелие. Вся военно-походная история исторических евразийских союзов и империй освящена кузнечными горнами и церемониальными кострами.

В наши дни, на рубеже тысячелетий в свете глобальных вызовов, цивилизационных и религиозных противостояний наблюдается своеобразный «ренессанс» традиций тенгрианства тюрков и монголов и «язычества» славян. Традиционное изначальное сакральное, возрождаясь в недрах народных масс, мобилизуя глубинные их духовные резервы, вырабатывает механизмы сохранения своей изначальной национальной идентичности. Оно, переходя с бессознательного уровня в осознанное, функционируя в общественной и политической сфере, обуславливает формирование долгосрочной метаэтнической идеологии евразийства.

При этом открытость, универсальность и проективность сакральных концептов мировоззренческих систем древних славян и тюрко-монголов в синергетическом симбиозе дают импульс для реализации евразийского проекта на качественно новом – современном, технологичном уровне.

Доказательством тому являются предпринимаемые и осуществляемые интеграционные проекты в евразийском пространстве. В первую очередь, это был проект президента Казахстана Н. А. Назарбаева «Астана - новая столица Казахстана». Вся история переноса столицы с юга на север - из Алматы в Акмолинск, и строительство новой столицы Астаны вблизи Российской территории – это уникальный евразийский проект, наглядно демонстрирующий стремление интеграции Казахстана с Россией. Не случайно президентом Н. А. Назарбаевым выбран регион Урало-Сибири – место очагов евразийской цивилизации. Концепция этого проекта от стадии идеи, планирования, строительства и развития, демонстрирует откры-

тость, универсальность, высокотехнологичность и в то же время сохранение национальной идентичности Казахстана.

Во-вторых, это создание ЕврАзЭС. Руководители России, Казахстана и Белоруссии объявили о подписании к 1 января 2015 года Договора о создании Евразийского Экономического Союза и неуклонно идут к осуществлению этого проекта. Президент России В. В. Путин 24 декабря 2013 г. по итогам заседания Высшего Евразийского Союза сказал, что «Евразийский экономический союз, как мы и планировали, может уже начать работу в полномасштабном формате с 1 января 2015 года»¹.

В-третьих, это - реализация различных совместных интеграционных проектов в России, Казахстане, Белоруссии и других странах Содружества по созданию новых и модернизации действующих научных и промышленных центров, институтов. В евразийском пространстве таких проектов, нацеленных на синергетический симбиоз, интеграцию, сотрудничество на разных уровнях – национальном, региональном, местном, становится все больше. Одним из региональных является реализуемый в Республике Саха (Якутия) инновационный проект «Земля Олонхо». Концепция проекта предполагает создание отдельной территории опережающего социально-экономического развития в виде культурного и высокотехнологичного пространства в Якутске². Комплекс «Земля Олонхо» имеет важное идеологическое значение для сохранения национальной идентичности всех народов региона. Деятельность комплекса основана в симбиозе традиции и передовых технологий.

Положение международного конкурса на ландшафтно-архитектурную концепцию комплекса «Земля Олонхо» отмечает, что территория его должна отображать дух народа - дух героического эпоса Олонхо, вместе с тем и его стремление к глобальному инновационному технологичному³. Разработка концепции, конкурсных положений проекта производится при поддержке российских и казахских союзов архитекторов, планируется участие специалистов и компаний из Казахстана. Это положение полностью соответствует курсу на интеграцию со странами Содружества, что представляется символичным в свете сакральных концептов евразийской идеологии и указывает на то, что на стыке тысячелетий евразийская цивилизация находится на пороге качественно нового витка своего развития.

1. URL : kremlin.ru/transcripts/19918

2. URL: olonkholand.ru

3. URL: olonkholand.ru

Бембетов А.В.,

аспирант 3 курса отделения «факультет управления общественным сектором»

РАНХ иГС при Президенте РФ

Воздействие факторов на уровень развития региона и его конкурентоспособность

Общепринятым подходом к экономической конкуренции является исследование конкурентоспособности какой-либо отдельной фирмы, либо страны в целом на международном рынке. Именно поэтому, прежде всего, следует определить, почему уровень развития региона ставится в зависимость от его экономической конкурентоспособности. И вообще применимо ли к отдельному региону понятие «конкурентоспособность». С конституциональной точки зрения все российские регионы являются самостоятельными и равноправными субъектами, имеющими в своем распоряжении собственную территорию, собственные ресурсы и фонды.¹ В соответствии с тем, что любой из регионов России является субъектом управления, на его территории проходит хозяйственная деятельность, направленная на создание товаров и услуг, имеющих определенные конкурентные позиции. Статистические данные, фиксирующие показатели социально-экономической ситуации в регионе, хотя и отражают динамику процессов, идущих в экономике и обществе, но не дают представления о конкурентоспособности региона.

Современная эволюционно сложившаяся система хозяйствования сформировала правила конкуренции, действующие на свободном рынке. Степень эквивалентности обмена для акторов рынка, во многом, зависит от принадлежности их к числу развитых стран. Для аутсайдеров, по сути, предопределены темпы и направления их развития. Чтобы для конкретного актора рынок стал действительно справедливым и свободным, необходимо найти и занять свое место в конкурентной среде, которое может гарантировать благоприятное экономическое развитие на долгосрочную перспективу. Перед целыми странами, отставшим по различным причинам от стран развитых, или «выпавшим» из эволюционного развития экономики, подобно постсоветским государствам, необходимо предпринимать энергичные и продуманные шаги по освоению конкурентного пространства. То же самое относится и к отдельным регионам. Если отдельные регионы, а таких в новейшей истории России оказалось большинство,

1. Конституция РФ ст.5 п.1.

перестали производить товары или услуги, востребованные на рынке, то перспективы их развития весьма проблематичны: нет собственных сил и средств для создания конкурентных преимуществ.

В современном мире достойное место региона в конкурентной среде свободного рынка имеет огромное, даже определяющее, значение для развития его экономики. Чем выше конкурентные возможности существуют в том или ином регионе, тем привлекательнее он становится для инвестиций, а, следовательно, тем больший потенциал экономического развития у него возникает. Приток инвестиций способствует интенсификации использования факторов производства (земли, рабочей силы, природных ресурсов и капитала), имеющихся в регионе. Регион получает преимущества в тех отраслях, где возможно с наибольшей выгодой, использовать имеющиеся факторы производства.

Регионы России вступили в конкурентную среду с изначально разными стартовыми позициями: неравное количество ресурсов, неодинаковый уровень развития хозяйственного комплекса, различная демографическая ситуация и т.д. Этап реформирования внес еще большие структурные деформации в общенациональное экономическое пространство. Так, в различных регионах приватизация шла с разными темпами; в ряде регионов, ориентированных на оборонно-промышленный комплекс (ОПК), промышленность просто остановилась; в аграрном секторе ликвидация колхозов и совхозов привела к возвращению к натуральному укладу. Все это создало проблемы наполнения государственного бюджета, но особенно той его части, которую образуют региональные бюджеты.

В соответствии с Бюджетным кодексом бюджетная система РФ представляет собой совокупность федерального бюджета, консолидированных бюджетов субъектов РФ (региональных бюджетов) и государственных внебюджетных фондов.¹ Вся система в целом подчинена нормам права, регулируемым государством. В федеральном бюджете аккумулируются основные финансовые ресурсы страны, которые являются денежными средствами, предназначенными для обеспечения обороноспособности государства, содержания аппарата власти и управления и других целей, ориентированных на все, без исключения, регионы. Доходы бюджетов регионов значительно отличаются друг от друга, при этом региональные бюджеты предназначены для исполнения субъектами РФ своих функций и предоставления гражданам бюджетных услуг. Бюджетные услуги, как базовые (образование, здра-

1. Государственные внебюджетные фонды представляют собой фонды денежных средств, образуемые вне федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ и предназначенные для реализации конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение, социальное страхование, социальное страхование в случае безработицы, охрану здоровья и медицинскую помощь.

воохранение, транспорт, связь, ЖКХ и т.д.), так и услуги бюджетных организаций (торговля, бытовое обслуживание, общественное питание и т.д.) обеспечивают жизнедеятельность граждан, гарантируемые Конституцией Российской Федерации. С целью обеспечения равноправия россиян, вне зависимости от места их проживания, из федерального бюджета происходит перераспределение финансов в региональные бюджеты в виде трансфертов, предназначенных для выравнивания бюджетной обеспеченности.

В настоящее время для определения сумм трансфертов, поступающих из федерального бюджета в региональные бюджеты, действует исходный показатель бюджетной обеспеченности. Понятие «бюджетная обеспеченность» вошло в российскую практику еще в 1991 году, но до сих пор в законодательстве нет единого определения этого понятия.¹ Поэтому в качестве бюджетной обеспеченности граждан России следует принять критерии, разработанные Счетной палатой РФ. Согласно критериям, используемым Счетной палатой РФ, бюджетная обеспеченность рассматривается, как способность бюджета (любого уровня) финансировать закрепленные за ними расходные обязательства, связанных с предоставлением бюджетных услуг, надлежащего качества и объема. Бюджетная обеспеченность является показателем, который используется в качестве критерия для предоставления регионам финансовой помощи из федерального бюджета.² Данный подход соответствует принципу сбалансированности бюджета, одному из основополагающих принципов бюджетной системы РФ.³ Сбалансированность бюджета означает, что объем предусмотренных бюджетом расходов должен соответствовать суммарному объему доходов бюджета и поступлений из источников финансирования его дефицита. В настоящее время сбалансированность бюджета достигается, в основном, за счет нефтегазового трансферта.⁴ Нефтегазовый трансферт представляет собой часть средств федерального бюджета, используемых для финансирования дефицита федерального бюджета за счет нефтегазовых доходов федерального бюджета и средств Резервного фонда.⁵

Свыше восьмидесяти процентов российских регионов зависят от выравнивания бюджетной обеспеченности. Если суммировать территории

1. См. Постановление Верховного Совета РСФСР от 6 июля 1991 года № 1551-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР».

2. Уровень бюджетной обеспеченности граждан Российской Федерации в 2004-2006 годах// Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации № 7(115) 2007.

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Раздел I. Глава 5. Принципы бюджетной системы Российской Федерации. Ст. 28. Перечень принципов бюджетной системы Российской Федерации.

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Раздел IV Сбалансированность бюджетов. Глава 13 Дефицит бюджета и источники его финансирования.

5. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Раздел IV Глава 13.2. Сбалансированность бюджетов. Статья 96.8 Нефтегазовый трансферт.

регионов, нуждающихся в трансфертах, то она составит 87 % площади страны, на которой проживает свыше 74 % граждан.¹ Безусловно, финансовая помощь регионам вызвана необходимостью компенсировать дифференциацию уровней социально-экономического развития, вызванную различной обеспеченностью и ресурсами, и инфраструктурой, и географическими особенностями регионов. Теоретически предполагается, что выравнивание должно не просто компенсировать недостающие источники бюджетных доходов, но и создавать условия, позволяющие регионам наращивать собственный экономический потенциал. То есть, выравнивание бюджетной обеспеченности должно повышать совокупную способность отраслей регионального хозяйства производить товары и услуги.

Таблица 1

Структура доходов и расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2004-2011 гг., млрд руб.

		ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ		КОНСОЛИДИРОВАННЫЙ БЮДЖЕТ СУБЪЕКТОВ РФ	
		Всего		всего	из них безвозмездные перечисления
		3428,9		2403,2	215,8
2004	доходы				
	расходы	всего	профицит	всего	профицит
		2698,9	730,0	2373,0	39,2
2005	доходы	5127,2		2999,9	442,3
	расходы	3514,3	1612,9	2941,2	58,7
2006	доходы	6278,9		3797,3	603,1
	расходы	4284,8	1994,1	3657,7	159,6
2007	доходы	7781,1		4828,5	645,0
	расходы	5986,6	1794,6	4790,5	38,0
2008	доходы	9275,9		6198,8	1204,7
	расходы	7570,9	1705,1	6253,1	-54,4
2009	доходы	7337,8		5926,6	1618,8
	расходы	9660,1	- 2322,3	6255,7	-329,1
2010	доходы	8305,4		6537,3	1511,7
	расходы	10117,5	- 1812,0	6636,9	- 99,6

1. Результаты распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации// Официальный сайт Министерства финансов РФ <http://www.minfin.ru>.

2011	доходы	11367,7		7644,2	1768,8
	расходы	10925,6	442,0	7679,1	-43,9

Источник: Финансы России. 2012: Статистический сборник. - М. Росстат, 2012

Причем, конкурентоспособные товары и услуги, пользующиеся спросом, производство которых способно приносить доходы в бюджет. Следует рассмотреть, как обстоит дело в действительности, то есть насколько выравнивание бюджетной обеспеченности способствует наращиванию экономических потенциалов регионов. В табл. 1 представлены доходы федерального бюджета и консолидированных бюджетов РФ за период с 2004 г. о 2011 г. Этот период интересен тем, что в экономику страны стали поступать огромные дополнительные средства от продажи нефти, цена на которую резко возросла (табл. 2). В связи с резким притоком валюты от продажи энергоносителей было принято решение о формировании, начиная с 2004 г., фондов, аккумулирующих часть экспортных нефтяных доходов (Стабилизационного фонда, позже Резервного фонда, Фонда благосостояния). Кроме того, на рассматриваемый период пришелся очередной кризис мировой экономики. То есть, в этот период на формирование российских бюджетов воздействовали как благоприятные, так и неблагоприятные факторы.

Таблица 2

Изменения экспортных цен на нефть

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Цена нефти марки Юралс, долл./барр.	18,2	11,8	17,3	26,6	23,0	23,7	27,3	29,2

Источники: Бобылев Ю. О перспективной динамике мировых цен на нефть/ Институт экономики переходного периода/ <http://www.iет.ru>; Солнцев О., Белоусов Д., Сальников В. Риски политики сильного рубля/ Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогноза /<http://www.оpec.ru>.

В рассматриваемый период происходила все большая централизация бюджетной системы РФ: Федеральный бюджет увеличился в четыре раза, а Консолидированные бюджеты субъектов РФ только в три раза. Выравнивание бюджетной обеспеченности регионов с помощью трансфертов сопровождалось передачей на региональный уровень отдельных государственных полномочий РФ, умножавшее расходы Консолидированных

бюджетов РФ. Начиная с 2008г., Консолидированные бюджеты субъектов РФ стали устойчиво дефицитны. А общеизвестно, что дефицит бюджета негативно сказывается на возможности наращивания экономического потенциала регионов. Очевидно поэтому, в этот же период число дотационных регионов возросло, а уже ранее дотационные регионы ухудшили свои позиции.

Таблица 3

**Структура доходов бюджетов некоторых дотационных субъектов РФ
(в процентах от общего объема доходов)**

НАЗВАНИЕ РЕГИОНА	2008		2009		2010		2011	
	Налог на прибыль орган.	Безвозмездные поступления						
Ивановская область	8,0	40,8	5,9	49,0	7,9	41,5	9,0	42,9
Псковская область	10,9	36,2	9,8	42,5	9,7	40,1	9,2	44,4
Республика Калмыкия	5,7	66,9	4,9	65,6	3,8	62,3	5,0	59,1
Пензенская область	9,0	40,3	7,8	45,7	9,1	41,5	9,6	39,6
Курганская область	10,5	44,7	5,6	53,5	9,2	47,2	9,4	47,4
Республика Алтай	4,5	70,9	1,7	79,1	7,5	69,8	2,9	73,9
Камчатский край	4,3	57,9	3,0	63,9	4,4	63,6	4,1	67,2

Источник: Финансы России. 2012: Статистический сборник. - М. Росстат, 2012

В табл. 3 представлена структура доходов бюджетов некоторых дотационных регионов в период 2008-2011 гг. Эти регионы находятся в разных концах РФ, входят в различные федеральные округа, несхожи по природно-климатическим и экономическим параметрам. Общим у них является то, что, не обладая незаурядными сырьевыми ресурсами в новейшей истории России, они утратили собственный потенциал развития. И хотя их населяют равноправные граждане, предки которых сочли эти территории пригодными для жизни, собственных средств и сил, чтобы преодолеть депрессию в регионах, не хватает.

Как видно из табл. 3, все выделенные регионы отличаются высокой степенью дотационности – безвозмездные поступления составляют от 36,2% (Псковская область -2008 г.) до 73,9% (Республика Алтай – 2011 г.). В рас-

смаатриваемый период в двух из семи регионов несколько сократился процент безвозмездных поступлений в доходах региональных бюджетов. Вместе с тем, следует учесть, что в бюджетных доходах этих регионов возросли неналоговые доходы. В Республике Калмыкия они выросли с 7,2% в 2008г. до 9,5% в 2011 г., а в Республике Алтай с 6,7% в 2008 г. до 7,2% в 2011 г.¹ Рост неналоговых доходов связан с заимствованиями субъектов РФ и муниципальных образований из федерального бюджета. То есть, они не обрели собственные средства, и не перестали нуждаться во внешней помощи, а нашли альтернативные источники финансирования.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что в доходах консолидированных бюджетов полностью учитываются кредиты, полученные бюджетами различных уровней. В принципе, осуществление заимствований регионами и муниципальными образованиями предусмотрено Бюджетным кодексом РФ, в котором говорится, что «бюджетный кредит может быть предоставлен Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию ...».² Наряду с этим в последние годы объем бюджетных кредитов, а главное долгов по ним, сильно возрос. В 2008 г. долг Консолидированного бюджета субъектов РФ вырос на 31 %, в 2009 – на 70 %. «В 2010 году рост долга продолжился, хотя его темпы снизились до 23 процентов, но абсолютный объем достиг рекордного уровня – 1264, миллиарда рублей».³

Чтобы оценить, насколько трансферты и заимствования создают условия для развития экономики региона, следует рассмотреть изменения доходов региональных бюджетов от налога на прибыль организаций. Налог на прибыль является одним из самых значимых налогов, уплачиваемых предприятиями и организациями в региональный бюджет. По своим возможностям воздействия на хозяйственную деятельность, а также по степени влияния на инвестиционную активность, налог на прибыль является определяющим. Рост налоговых доходов от него непосредственно отражает развитие региональной экономики, но абсолютно точную динамику этого процесса отследить затруднительно. Это связано с многократными изменениями, как налоговой ставки, так и нормами его зачисления в бюджеты разных уровней. Самые последние существенные изменения произошли в 2008-2009 гг. С января 2005 г. по январь 2009 г. ставка налога на прибыль организаций составляла 24%, из которых 6,5% зачислялись в федеральный бюджет, а 17,5% - в бюджеты субъектов РФ.⁴ С января 2009 г.

1. Финансы России. 2012: Статистический сборник. - М. Росстат, 2012

2. Бюджетный кодекс РФ гл13 ст.93.2

3. О проблемах обеспечения сбалансированности консолидированных бюджетов субъектов РФ/ интервью с заместителем министра финансов РФ А.Г. Силуановым// Бюджет, 15.08.2011.

4. п.1 ст.284 НК РФ; пп. «а» п.3 ст.2 федерального закона от 29.07.2004 №95-ФЗ

до настоящего времени ставка налога на прибыль организаций составляет 20%, из которых 2% зачисляются в федеральный бюджет, а 18% (но не ниже 13,5%) - в бюджеты субъектов РФ (законом предусмотрено, что субъекты РФ могут снижать налоговую ставку на 4,5% для отдельных категорий налогоплательщиков)¹. Общее снижение налоговой ставки не компенсировалось увеличением процента зачисления в региональные бюджеты. Налоговые доходы от налога на прибыль предприятий в региональные бюджеты значительно сократились.

Особенно негативно снижение налоговых доходов затронуло бюджеты регионов, ориентированных на производство сельскохозяйственной продукции. Законом было предусмотрено, что с 01.01.2008 года по 31.12.2014 года для сельскохозяйственных товаропроизводителей, чья деятельность связана с реализацией и переработкой произведенной сельскохозяйственной продукции, будет действовать нулевая ставка налога на прибыль организаций.² С одной стороны, сокращение налога на прибыль должно было стимулировать предпринимательскую активность, увеличивая возможность хозяйствующих субъектов инвестировать в собственное развитие. С другой стороны, государственные программы развития сельского хозяйства предусматривают субсидирование программных мероприятий из федерального бюджета при условии обязательного софинансирования из региональных бюджетов. В результате сокращение налогов для сельскохозяйственных товаропроизводителей и развития их бизнеса обернулось для многих сокращением бюджетных субсидий. По сообщению Минсельхоза за десять месяцев 2012 г. от субсидий федерального бюджета на сумму в 4,8 млрд. руб. отказались десять регионов РФ: республики Мордовия и Якутия; Ставропольский, Забайкальский и Алтайский края; Волгоградская, Архангельская, Калужская, Ленинградская, Амурская области.³ Реальной причиной отказа от субсидий явилось отсутствие у регионов средств на софинансирование государственной программы. Кроме того, сокращение в консолидированных бюджетах налоговых доходов уменьшается количество финансовых ресурсов на нужды развития региональной экономики, то есть модернизацию инфраструктуры, софинансирование значимых

1. п.1 ст.284 НК РФ; пп. «а» п.23 ст.2 федерального закона от 26.11.2008 №224-ФЗ

2. Налоговый кодекс РФ пункт 2 статьи 346 Налогового кодекса Российской Федерации установлено, что сельскохозяйственными товаропроизводителями признаются, в частности, организации, производящие сельскохозяйственную продукцию, осуществляющие ее первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах) и реализующие эту продукцию, при условии, что в общем доходе от реализации товаров (работ, услуг) таких организаций доля дохода от реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции, включая продукцию ее первичной переработки, произведенную ими из сельскохозяйственного сырья собственного производства, составляет не менее 70 %.

3. Интернет-портал «БИОМЕДИА.РФ»//<http://биомедиа.рф/novosti/v-rossii>

региональных объектов. Например, в Калмыкии к числу таких объектов относится строительство отводов от магистральной ВОЛС (16-ти оптоволоконной линии связи, общей протяженностью 0,634 км.) в г. Лаганы; реконструкция Черноземельского магистрального канала в обводнительно-оросительной системе Ики-Бурульского района.

Снижение налога на прибыль коснулось 67 субъектов РФ. В 2009 году доходы от налога на прибыль составили 61% от объема поступлений данного налога за предыдущий год (в консолидированные бюджеты субъектов РФ поступило 1069,0 млрд. руб.)¹ По расчетам Министерства финансов РФ, в 2013 г. дефицит консолидированных бюджетов субъектов РФ может превысить 123 млрд. руб., что в 16 раз выше уровня 2012 г.² Бюджетный дефицит, компенсируемый трансфертами и кредитами из федерального бюджета, оборачивается отставанием в развитии региона. Следует иметь в виду, что за счет бюджетных средств образуется значительная часть инвестиций (свыше 20% общего объема инвестиций), а рост инвестиций напрямую воздействует на развитие экономики. То есть, с помощью одних трансфертов, хотя теоретически они и должны выравнять диспропорцию социально-экономического развития субъектов РФ, решить эту проблему не удастся. Особую остроту она приобретает в депрессивных регионах. Дело дошло до того, что в январе 2010 г., выступая на заседании Госдумы, тогдашний ее спикер Б. Грызлов, предложил объединять с другими финансово слабые субъекты РФ, чтобы на территории страны не осталось депрессивных регионов.

Понятие депрессивного региона довольно часто употребляется в СМИ, хотя оно до сих пор не закреплено законодательно. В проекте Федерального закона «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации» депрессивная территория определяется как административная единица, оказавшаяся в состоянии крайнего упадка.³ Подобное состояние целого ряда российских регионов длится уже несколько десятилетий. Они, по сути, утратили связь со свободным рынком, потеряв место в его конкурентной среде. Между тем именно конкурентоспособность указывает на нормальный ход воспроизводственного процесса в регионе, наличие и вовлеченность факторов производства в создание конкурентоспособной продукции. Чтобы понять особенности депрессивного состояния региона следует оценить уровень его конкурентоспособности.

1. Регионы России: 2009, итоги и перспективы. Доклад. - М., Некоммерческое партнерство «Институт регионов», 2009.

2. Санжиев Д. Отчисления Минфина в пользу местных бюджетов названы скромными// «Экономика и жизнь» № 44 (9460) за 2012 г.

3. Проект Федерального закона № 91010-3 «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации» (по состоянию на июль 2011 г.)

Библиографический список:

1. Конституция РФ ст.5 п.1.
2. См. Постановление Верховного Совета РСФСР от 6 июля 1991 года № 1551-1 «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР».
3. Уровень бюджетной обеспеченности граждан Российской Федерации в 2004-2006 годах // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации № 7(115) 2007.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Раздел I. Глава 5. Принципы бюджетной системы Российской Федерации. Ст. 28. Перечень принципов бюджетной системы Российской Федерации.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Раздел IV Сбалансированность бюджетов. Глава 13. Дефицит бюджета и источники его финансирования.
6. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Раздел IV Глава 13.2. Сбалансированность бюджетов. Статья 96.8 Нефтегазовый трансферт.
7. Результаты распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации// Официальный сайт Министерства финансов РФ <http://www.minfin.ru>.
8. Финансы России. 2012: Статистический сборник. - М. Росстат, 2012
9. Бюджетный кодекс РФ гл13 ст.93.2
10. О проблемах обеспечения сбалансированности консолидированных бюджетов субъектов РФ (интервью с заместителем министра финансов РФ А.Г. Силуановым) // Бюджет, 15.08.2011.
11. п.1 ст.284 НК РФ; пп. «а» п.3 ст.2 Федерального закона от 29.07.2004 №95-ФЗ
12. п.1 ст.284 НК РФ; пп. «а» п.23 ст.2 Федерального закона от 26.11.2008 №224-ФЗ
13. Налоговый кодекс РФ пункт 2 ст. 346
14. Интернет-портал «БИОМЕДИА РФ» // <http://биомедиа.рф/novosti/v-rossii>
15. Регионы России: 2009, итоги и перспективы. Доклад. - М., Некоммерческое партнерство «Институт регионов», 2009.
16. Санжиев Д. Отчисления Минфина в пользу местных бюджетов названы скромными // «Экономика и жизнь» № 44 (9460) за 2012 г.
17. Проект Федерального закона № 91010-3 «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий Российской Федерации» (по состоянию на июль 2011 г.)

Манкиева Э.Х.,

кандидат философских наук, докторант МГУ им. М.В. Ломоносова

Образ женщины-горянки в поэме М.Ю. Лермонтова «Аул Бастунджи»

Как и в предшествующей ей по времени создания «черкесской повести» «Каллы», фабульной основой поэмы Лермонтова «Аул Бастунджи» скорее всего стало кабардино-черкесское «предание о братьях Канбулате и Авто-нуке (или Антоноко), враждовавших из-за жены Канбулата». Позднее оно было использовано П. Шан-Гиреем в его сочинении «Князь Канбулат...», опубликованном в первом номере «Русского вестника» за 1844 год¹. При сходном сюжетном драматизме обоих произведений в поэме «Аул Бастунджи», однако, меняется источник этого драматизма и значительно возрастает трагическое начало.

Герой «Каллы» был отвержен людьми и даже им самим за бездумное исполнение жестокого (возможно, и клеветнического) наказа муллы. Он не попытался лично, своим умом и сердцем, разрешить сложную морально-нравственную ситуацию кровной мести, перед которой оказался. Селим, младший брат «отважного Акбулата», второго мужского «персонажа» поэмы «Аул Бастунджи», сначала похитивший, а затем убивший свою прекрасную невестку Зару, в итоге поэмы навлечет на себя в равной мере авторское и народное проклятие. Но, свершивший жестокое деяние, он вместе с тем – по меньшей мере в собственных глазах – и жертва как долголетней братской заботы о нем, так и воистину роковой страсти, вспыхнувшей у него к прекрасной жене брата. На место коллизии моральной в «Ауле Бастунджи», таким образом, встал острейший любовно-психологический конфликт, в котором женщина-горянка из лица почти служебного, каким она была в «Каллы», естественно преобразилась в главное.

Написанный в одном году с поэмой «Каллы», «Аул Бастунджи» вообще свидетельствует о значительном шаге, сделанном Лермонтовым на пути к его творческой самобытности, а также и к «поэзии действительности» (В. Белинский). Как верно отмечал еще В.Д. Спасович, и оставаясь поклонником Дж. Г. Байрона, будущий автор «Мцыри» и «Демона», воспроизводит уже не только свои переживания, но умеет заглянуть в «... чужие души, по крайней мере, в души любимых им кавказских горцев»². Свое же душевное родство с последними создатель «Аула Бастунджи» прямо декларирует в

1. Назарова Л.Н. «Аул Бастунджи» // Лермонтовская энциклопедия. С. 40.

2. Спасович В.Д. Байронизм у Лермонтова // Спасович В.Д. Сочинения. Т. 2. СПб., 1889. С. 390.

развернутом посвящении к поэме, где, опираясь на отроческие впечатления от Кавказа, заявляет: «От ранних лет кипит в моей крови / Твой жар и бурь твоих порыв мятежный; / На Севере в стране тебе чужой / Я сердцем твой, – всегда и всюду твой!..».

В обращении автора «Аула...» к психологическим перипетиям сложной любовной драмы сказался, думается, и ранний сердечный опыт самого Лермонтова, уже десяти лет от роду, по его собственному признанию, узнавшего (кстати сказать, – в кавказском Горячеводске) первую любовь к «девочке лет 9»¹.

Все это нашло отражение в стиле и даже жанровом характере его «Аула Бастунджи». Поэма, как годом ранее пушкинский «Домик в Коломне» (созд. в 1830, опубл. в 1833), написана пятистопным ямбом с несколькими перекрестными и одной смежной рифмой и разбита на октавы, что в совокупности придает ее стиху повествовательный склад и скорее изобразительность, чем лирическую выразительность. Не случаен и факт деления произведения не на «песни», как «Паломничество Чайльд Гарольда» Байрона, или отдельные фрагменты, как в «восточных повестях» того же поэта, а, подобно пушкинскому «роману в стихах», на главы. В известной степени «прозаична» и лексика произведения, как бы избегающая (исключение составляют лишь 3 строфы эмоционального «проклятия» Селиму в финальной части поэты: «Да упадет проклятие людей / На жизнь Селима. Пусть в степи палящей...», и т.д.) излишних тропов и авторской экспрессии. Вот пример из ее лексики экспозиции поэмы:

В ауле том без ближних и друзей
 Когда-то жили два родные брата,
 И в Пятигорье не было грозней
 И не было отважней Акбулата.
 Меньшой был слаб и нежен с юных дней,
 Как цвет весенний под лучом заката!
 Чуждался битв и крови он и зла,
 Но искра в нем таилась... и ждала – ... (Курсив наш. – Э.М.).

К сообщенному в этой строфе Лермонтов в следующих добавит, что Акбулат и Селим были сиротами («Отец их был убит в чужом краю, / А мать Селим убил своим рождением...») и, по причине, должно быть, своей гордости весьма одинокими среди земляков: «И не любил никто их... оттого ли, / Что никому они дела свои / Не поверяли, надменной воли / Склонить пред чуждой волей не могли?».

1. Лермонтовская энциклопедия. С.644.

Выделенные нами слова о «меньшом брате» вместе с тем предсказывают скорую завязку драмы, порожденной каким-то опасным для братьев свойством Селима. Это – страстная отзывчивость юноши на женскую красоту и такая же жажда женской любви. Живя с братом замкнуто и нелюдимо, он не мог, говорит повествователь, «Свой тонкий стан высокий и красивый / В бешмет шелковый праздничный одев, Привлечь одной улыбки гордых дев». Но вот однажды, после многочасового ожидания Акбулата, тот, со словами – «Люби ее! Она моя жена!», – предстал перед Селимом вместе со своей молодой избранницей:

И видит он: черкешенка младая
Стоит в дверях, мила как херувим,
И побледнел неволью мой Селим

И в нем, как будто пробудясь от сна,
Зашевелилось сладостное что-то... (Курсив наш. – Э.М.)

С этого момента относительно неспешное повествование поэмы сменяется, как в отношениях между пушкинскими Заремой и Марией («Бахчисарайский фонтан») или – Алеко и любившей юного цыгана Земфирой («Цыганы»), резкой драматургической остротой.

Преобразившись вплоть до последних строф (с XXVIII по XXXI) в напряженный диалог между тремя действующими лицами, произведение в итоге высвечивает внутренний потенциал каждого, ничем не смущенную читательскую симпатию вызывая, однако, только к его героине.

Сначала Селим, любивший Зару с первого взгляда («Селим смотрел. Высоко билось в нем / Встревоженное сердце чем-то новым. / Как сладко, страстно пламенным челом / Прилег бы он к грудям ее перловым!»), придя вооруженным к Акбулату («На поясе звеня висел кинжал / Рука дрожала по оправе медной...»), с возгласами «Я гибну! <...> я страдаю!..», «Я гибну, брат... Пойми, спаси меня!», просит: «Отдай мне Зару!.. уступи!..».

В некоторых работах лермонтоведов советского периода России эта просьба Селима объяснялась его «бунтарством» «против одного из адатов – права старшинства» и даже – «нерушимости брака, освященного обычаем»¹. Это, конечно, дань идеологии того времени. В действительности Селим мотивирует свою мольбу самой своей любовью к Заре, по его мнению, неизмеримо большей, чем чувство к ней Акбулата. «Обнявши Зару, – говорит он ему, – я видал не раз, / Как ты томился скукою приметной... / Я б отдал жизнь за поцелуй такой, / И... если б мог, не пожалел другой!..».

1. Назарова Л.Н. «Аул Бастунджи» // Лермонтовская энциклопедия. С. 40.

Значимый в его собственных глазах, аргумент этот, согласно Лермонтову, рожден лишь привычкой Селима, «слабого и нежного» в детстве, пользоваться многолетней сердечной заботой о нем старшего брата («Когда я был ребенком, – напоминает он Акбулату, – ты любил Ребенка... Помнишь это? Иль забыл?..»), словом, его душевным иждивенчеством. И, разумеется, названный аргумент не делает Селиму чести, как и его обещание Акбулату: «...Я буду / Твоим рабом...». Не прибавляет достоинства Селиму и его отказ от возникшего было желания «Упитья счастьем, презреть все святое», т.е. силой овладеть женой брата, а также готовность отдать за «минуту с ней» свою жизнь. Ведь за этой готовностью сразу же следует прямая угроза Селима старшему брату:

Я здесь, у ног твоих... решишь, иль знай:
Любовь хитрей, чем ревность или злоба,
Я вырву Зару из твоих когтей,
Она моя – и быть должна моей!» (Курсив наш. Э.М.)

В приведенном, пока лишь эмоционально-словесном поединке между братьями нравственно выигрывает брат старший, чувствующий, в отличие от не владеющего собой Селима, в очах которого «дрожали слезы испуга», сожаление к нему и не теряющий надежду на его благоразумие: «Пройдет, – сказал он, Селиму – время заблужденья! / Есть много звезд: одна другой светлей; / Красавиц много без жены моей!..». И – Акбулат отвечает на мольбы Селима решительным отказом:

«Что дал мне бог, того не уступлю;
А что сказал я, то исполню свято.
Пророк зрит мысль, и слышит речь мою!
Меня не тронут ни мольбы, ни злато!..
Прощай...»

Вместе с тем немалую долю вины за надвигающуюся трагедию несет и Акбулат. Не сомневаясь в верности к нему Зары, ради него «охотой» покинувшей «родной аул», и сам любя ее спокойным чувством, он не понял ни страсти Селима, ни чреватой ею опасности для своей супруги. А потом и намека муллы, как и в поэме «Каллы», действующего в «Ауле Бастунджи», но в своем совете Акбулату бросить жену («Жену бы кинул...») оказавшегося не столько злым фанатиком, сколько своеобразным оракулом неминуемой в противном случае беды. И после выслушанной угрозы Селима

Акбулат не видел, «что порою / Его жены доселе ясный взгляд / Туманится невольною слезою».

На фоне обезумевшего от неодолимой страсти Селима и менее или более смутных обликов Акбулата и муллы еще ярче засиял в лермонтовской поэме образ физически и душевно прекрасной молодой женщины.

Ее внешняя стать передана Лермонтовым уже в индивидуально неповторимом и лирически окрашенном портрете, который просто невозможно сократить:

И Зара улыбнулась, и уста
Хотели вымолвить слова привета,
Но замерли. – Вдоль по челу мечта
Промчалась тенью. По словам поэта,
Казалось, вся она была слита,
Как гурии, из сумрака и света;
Белей и чище ранних облаков
Являлась грудь, поднявшая покров;

Черны глаза у серны молодой,
Но у нее глаза чернее были;
Сквозь тень ресниц, исполнены душой.
Они блаженством сердцу говорили!

Высокий стан искусною рукой
Был стройно перетянут без усилий;
Сквозь черный шелк витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

Змеились косы на плечах младых,
Оплетены тесьмою золотою;
И мрамор плеч, белея из-под них,
Был разрисован жилкой голубою.
Она была прекрасна в этот миг,
Прекрасна вольной дикой простотою.
Как южный плод румяный золотою,
Обрызганный душистою росой. (Курсив наш. – Э.М.).

Нравственные качества Зары выявляются в неожиданной для нее встрече с Селимом, подстерегшим ее, почти нагую, у реки, где она купалась. Это

в свой черед поединок, но куда более опасный для героини, чем диалог двух братьев. Ведь ее собеседник тут еще меньше владеет собой, чем в своих мольбах к Акбулату. И, тем не менее, именно Зара, а не Селим одерживает в нем верх.

Для замужней горянки-мусульманки оказаться обнаженной перед посторонним мужчиной – значит уже нарушить одну из чтимых ее соплеменниками религиозных заповедей. «Селим, ты здесь? – злой дух тебя принес!», «О!.. я погибла!..», – в ужасе восклицает Зара (курсив наш. – Э.М.). И в ответ слышит слова Селима («Я знал, что ваш пророк – не мой пророк / Что люди мне – чужие, а не братья; / И странствовал в пустыне одинок / И сумрачен, как див, дитя проклятья») (курсив наш. – Э.М.), подтверждающие его неверие, следовательно, и аморализм.

И этот человек, «обнявши стан ее полунагой», требует от нее бежать с ним («Оставь свой бедный дом. / Я молод, свеж – твой муж: старик суровый!») в его дикое одинокое жилище «в расселинах скалы», где раньше убитые им «два барса дружно жили». Но «она молчала...».

Исчерпав первый довод в пользу своей страсти, Селим прибегает к клевете на брата: «Скажи: тебя не любит Акбулат? / Он зол, ревнив он пасмурен душою, / И речь его хладнее, чем булат»?...» (Курсив наш. – Э.М.). Но Зара вновь только качает молча головой.

Наконец, Селим надеется вызвать в добром сердце Зары чувство-участие к его мятежной доле: «И он закрыл лицо свое руками, / И видно было ей, как на траву / Упали две слезы двумя звездами». И Зара не осталась равнодушной: «Ей стало жаль;.. она сказала вдруг: / “Не плачь!.. ужасен вид твоей печали!».

Но заключила речь к своему искусителю неколебимым ему отказом, вылившимся в своеобразное исповедание ее духовной и нравственной позиции:

Отец мой был великий воин: – юг
И север и восток об нем слышали.
Он был свирепый враг, но верный друг,
И низкой лжи уста его не знали...
Я дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну – но не изменю!..

Вместе с собственным требованием «Оставь меня! Я счастлива с другим!» Зара в последнем обращении к Селиму демонстрирует и свойственное ей великодушие, призывая своего озлобленного деверя («Ты жесток») примириться с его старшим братом («Ужели вечно / Не примиритесь вы?»).

Увы, заявляя, что «такую душу» дал ему рок, Селим не собирается «злой скоротечной / Дразнить людей и небо!» и заканчивает встречу с Зарой обещанием: «Прощай! – <...> Бог рассудит нас! – / Но если я с тобой увижусь снова, / То это будет – знай – в последний раз!..».

Этот страшный обет Селим исполнил. Он убил Зару, к которой, очевидно, пришел сам, и вместе с ней, мстя Акбулату, зарезал его любимого коня.

Поэма завершается картиной пожара сакли некогда дружных братьев, а с нею и всего аула Бастунджи. Кто стал поджигателем – Акбулат, потерявший в жизни все самое дорогое ему, или исступленный страстью и злобой Селим, остается неясным.

Но глубочайшим восхищением провожает читатель поэмы созданный в нем образ горянки-супруги, совсем молодой возрастом, но достойной удивления ясностью, чистотой и стойкостью своего внешнего, физического, и внутреннего, морально-нравственного, существа. Как с замечательной психологической и этнографической убедительностью создал его Лермонтов, в ту пору сам всего лишь девятнадцатилетний человек.

Библиографический список

1. Андреев-Кривич С.А. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954.
2. Андроников И. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1968.
3. Висковатый П.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891.
4. Глухов А.И. Эпическая поэзия М.Ю. Лермонтова. Саратов, 1982.
5. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1948.
6. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
7. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964.
8. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., 1975.
9. Мануйлов В.А. Лермонтов. М.;Л., 1950.
10. Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954.
11. Рубанович А.Л. Проблема романтического характера в творчестве Лермонтова // Труды Иркутского ун-та. Сер. критики и литературоведения. Вып. 3. 1962. Т. 19. С. 12.
12. Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939.
13. Серман И.З. Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе. 1836-1841. М., 2003.
14. Спасович В.Д. Байронизм у Лермонтова // Спасович В.Д. Сочинения. Т. 2. СПб., 1889.
15. Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. Майкоп, 1992.

Шихалиева У.К.,

старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин (Философия, Политология). Ростовский государственный экономический университет (РГЭУ «РИНХ»), филиал г. Махачкала

Социально-экономические проблемы как причина роста религиозного экстремизма

Очевидно, что потеря адекватной этноконфессиональной, культурной и гражданской самоидентификации усиливается в период социально-экономических потрясений, кризисов. Как реакция культуры на изменения условий существования общества объясняет всплеск мифологем в современном обществе В. Хазов, истолковывая миф как «повествование о сверхзначимых для определенного сообщества событиях или явлениях, формирующее на основе сакрализации данной информации определенный образ себя и окружающего мира...» [10, с. 9]. С таким искаженным образом себя и мира сходна и манипуляция в религии, поскольку и религиозное сознание, хотя и является наиболее консервативной и устойчивой сферой культуры, но и оно чувствительно к социально-экономическим потрясениям и кризисам.

В манипулятивном эффекте религии заинтересованы апологеты религиозности современного общества, ведь духовным истоком манипуляционного сознания в религии, предстает извечная тяга верующих к иллюзорному сознанию. «Ключ к иллюзии, - пишет П. Рикёр, - лежит в жестокости жизни, которую человек, обладающий не только пониманием и чувством, но и в силу врожденного нарциссизма требующий утешения, едва может выносить». И тут на помощь человеку приходит культура в лице религии. Она не только содействует ограничению человеческих желаний, но и защищает человека от подавляющего превосходства природы. «Иллюзия – это метод, который использует культура, когда эффективная борьба против зла еще не началась, еще не получила успеха, когда она – предварительно или окончательно – была подавлена; тогда культура создает богов, чтобы унять страх, примириться с жестокостью судьбы и компенсировать страдание» [8, с. 203]. Но иллюзия предстает также и как конечный результат манипулятивной деятельности человеческого духа. Следовательно, по Рикёру религия изначально, генетически манипулятивна.

Та же традиционная задача религии - «унять страх, примириться с жестокостью судьбы и компенсировать страдание» в быстро меняющемся мире требует новых, уже нетрадиционных средств, способов, техноло-

гий. То, что мы называем модернизацией в религии, по существу уже есть манипуляция. Скрытно и тайно от прихожан новые адаптационные идеи отношения людей к образованию и науке, технике, к другим этносам и расам, выдаются за исконно библейские, коранические и т.п. - для достижения цели поддержания влияния церкви, что является частой причиной религиозных разногласий, распрей, противоречий в самой религиозной общине. Это основной вариант религиозной манипуляции.

Второй вариант религиозных манипуляций связан с политикой современных государств - с той же основной целью «унять страх многих простых людей, примириться с жестокостью судьбы и компенсировать страдание». Государство заинтересовано в такой политике и проводит ее, разобщая верующих, поощряя сектантство, религиозные культы и т.п. При этом оно ссылается на достижения демократии, на мировоззренческий и идеологический плюрализм, на свободу совести, права и свободы личности и т.п., умело сохраняя господство власть имущих над населением.

На сегодняшний день появляется множество новых субъектов манипуляции сознанием в рамках самой религии, так называемые, тоталитарные культы. Один из видных исследователей этого феномена, имевший непосредственный контакт с тоталитарными культурами, обращает внимание в своих работах на следующие их типы: религиозные или духовные группы; политические группы; группы массовой психотерапии; коммерческие (экономические) группы [11, с. 145].

Главный секрет культов в том, что «культ предлагает общность (во многих культах принято совместное проживание, создает структуру (налагает жесткие ограничения на поведение и требует беспрекословной дисциплины), а давая порядок, культ дает и смысл» [2, с. 61]. Как правило, условием единения верующих в тоталитарный культ становится некая доминантная идея, на которой данный культ акцентирует внимание людей, манипулируя ее исключительным значением для всего человеческого мира. Сам факт исключительности этой идеи уже предполагает манипулирование сознанием, поскольку культ обосновывает необосновываемое – ведь, таких идей в мире нет, а тут еще каждый культ имеет такую исключительную идею. Другой отличительной и эффективной особенностью тоталитарного религиозного культа является фактор группового влияния - один из главных факторов воздействия на человека. Эффект группового влияния снижается, или даже вовсе нейтрализуется, если при попытке его реализации человек увидит альтернативные ему модели поведения, а также в тех случаях, когда он был предупрежден о возможности подобного рода влияния. Есть еще один отличительный признак рассматриваемых культов - секты, стремясь вовлечь человека в свою среду, отрицают всякий индивидуализм, в

то время как коллективизм принимает нездоровые формы. Манипуляторы работают в диапазоне от «горячей любви к прихожанам, особой заботы об их душах» до откровенного принуждения под угрозой смерти.

В любом случае в культах реализуется общее для манипуляции насилие; аналогично обстоит и с религиозной манипуляцией в культах. Поскольку в процессе манипулирования приходится преодолевать активное сопротивление из-за различия целей управляющих и управляемых, то в таких случаях остается преодолевать сопротивление открыто, силой, беззащитно или замаскировать свои неблагоприятные действия по манипулятивному управлению. В обоих случаях основной задачей в религиозных тоталитарных культах оказывается задача изменения сознания. А это требует не только простой настойчивости и последовательности действий, но специальных методик.

Человеческое сознание никогда не было одинокой крепостью, способной выдержать насилие и давление общественного сознания. Ведь оно в противовес индивидуальному сознанию (яркому, красочному, но во многом со случайностями, временными единичностями, неустойчивому), обладает необходимыми и устойчивыми чертами. Манипулируемому групповому и коллективному сознанию индивиду (а если учесть, что он может быть в детском или юношеском возрасте, инвалидом, перенесшим психологическую травму и т.п.) весьма проблематично противостоять. Поэтому, как говорит известный отечественный специалист по сектам Александр Дворкин, «входя в церковь, снимай шляпу, но не голову» [3, с. 78]. Поскольку, вступающий в секту испытывает достаточно разветвленный и мощный арсенал средств давления на свое индивидуальное и во многом хрупкое сознание, от этого сознания потребуются недюжинные умения сопротивляться процессу манипулирования.

А этот процесс сегодня изощрен - здесь и непосредственные контакты опекающих, различного рода чтиво, красочные легко читающиеся журналы, аудио-визуальные средства, диски... Исследователи отмечают, что «бытие религиозной сферы в виртуальной среде на настоящий момент сосредоточено, в основном, в сети Интернет, а также встречаются компьютерные программы и видеоигры, посвященные религиозной тематике». Религиозные организации широко пользуются сайтами как

информационного и религиозно-ориентирующего характера, так сайтами, манипулирующими «религиозным сознанием» [7, с. 12].

Ныне широко используется технологами манипулятивного сознания в религиозных культах достаточно известная на Западе «теория когнитивного диссонанса». Согласно ей, человек редко мирится с несоответствием между своими убеждениями и действиями. Организаторы и управляющие

религиозным манипулятивным сознанием, учитывая данный факт науки, делают акцент на изменение внутренних установок и принципов человека, других элементов его духовности.

Во взаимосвязи культуры и религии, генезисе всей культуры, даже в современном мире, роль религии очень значима. Поэтому, нельзя сводить манипулятивное сознание в религии к следствиям деятельности одних лишь тоталитарных культов.

Как результат мы наблюдаем у значительного числа граждан нарушение равновесия и соответствия между намерениями, интересами, являющимися законными для всех членов социума, и приемлемыми способами для достижения этих целей. Эти обстоятельства повсеместны в России, но, пожалуй, особо они характерны Югу нашей страны, в силу его поликонфессиональности и полиэтничности потому в центре исследовательского внимания оказываются ситуации из общественно-политической жизни на Северном Кавказе и в Дагестане.

Не без попустительства, а то и не без прямого участия власти создалась очень сложная религиозная ситуация в Дагестане. Кроме внутренних религиозных причин, существует множество социально-политических и экономических факторов и обстоятельств, обуславливающих современные перипетии в религиозной жизни дагестанцев.

Так, в Дагестане есть силы, которые посредством религии (в лице того же духовного управления) преследуют прагматические цели, интересы. Они пользуются возросшей религиозностью населения, связанного с социальной неустроенностью, безработицей и другими факторами. Согласно опросам, более 80% студентов дагестанских вузов относят себя к верующим, исповедующим ислам [9, с. 138], а по словам ведущего российского исламоведа А. Малашенко, влияние ислама на формирование сознания, также осознания своей культурно-исторической связи с исламом у дагестанцев значительно возросло и «если обратиться к статистике, число тех, кто считает себя верующими в республике колебалось в постсоветский период от 81% до 95%.» [6, с. 58]. При этом, большинство считающих себя верующими, на самом деле, не имеют достаточного представления о самом исламе, его постулатах и ритуалах, в распоряжении субъектов манипуляции сознанием в религиозной сфере предоставлен довольно значительный человеческий материал. В Дагестане основным объектом манипулирования и вовлечения в экстремистские религиозные группировки становится молодежь, так как именно это возрастная прослойка наиболее остро реагирует на социальные и политические изменения.

В этой связи, как пишет Э. Шарафутдинова в своей статье «Мусульманская молодежь Чечни и неправительственные религиозно-политические

организации (НРПО)», «особую опасность представляют попытки экстремистов расширить свою социальную базу поддержки, именно за счет привлечения в свои ряды молодежи. С этой целью зарубежные эмиссары стремятся к формированию в России своего кадрового резерва, организуют направление молодых российских граждан на обучение в зарубежные исламские центры. Большинство из них, пройдя подготовку в духе радикализма, после возвращения служат его проводниками» [12]. По этому поводу можно также привести утверждение отечественного востоковеда И.П. Добаева, который в своей книге «Новый терроризм в мире и на Юге России» пишет о том, что «к настоящему времени сложилась тенденция к вытеснению лояльного и законопослушного духовенства более молодыми выпускниками, подготовленными в зарубежных учебных центрах» [4, с. 279]. Это не только усложняет отношения между исламскими организациями, но и создает угрозу интересам национальной безопасности страны. Правительство Дагестана часто выступает против учебы дагестанской молодежи в исламских центрах, считая, что именно выходцы этих учебных заведений, впоследствии дестабилизируют культурную, религиозную, политическую жизнь дагестанского общества, становясь идеологами экстремизма. В связи с этим не исключались как значительное ограничение, так и запрет на выезд молодёжи на учёбу в Сирию, Египет и т. д. [5].

Таким образом, экономический кризис, массовая безработица, противоречия в развитии культуры – эти и другие причины привели верующих и неверующих к глубокому разочарованию властью, заставили обратить взоры на исламский мир, заговорить о шариатском государстве и т.п. «Возрождение ислама в контексте модернизационных процессов современного российского общества... служит важным обстоятельством в борьбе политических элит (традиционной и новой, которая использует идеологию салафизма), в повышении социальной мобильности (миграционные процессы между мусульманскими регионами, исламское образование как «социальный лифт» и т.п.). Важно отметить, что традиционный ислам выступает, в силу своего значительного адаптационного потенциала, своего рода амортизатором наиболее острых проявлений модернизации» [1, с. 19].

Ныне правительство Дагестана пропагандирует идеи сохранения традиций, этнического самосознания, при этом, не отрицая некоторой органичной интеграции глобализационных процессов с ментальностью дагестанцев в целом. Однако, в Дагестане существует некий негласный раскол между светским и религиозным населением. Религиозные радикально настроенные экстремисты стремятся свергнуть светские устои. Пропаганда происходит посредством известных республиканских изданий, публикаций видных деятелей культуры, журналистов, которые призывают

установить шариат в Дагестане, большинство же населения Дагестана высказывается за то, чтобы жить в светском государстве. Таким образом, можно заключить следующее: Так называемая, политическая религия становится особой формой религии, синтезом религии и идеологии. Религиозный фактор продолжает играть важную роль в развитии современного общества. Разумеется, он может иметь определяющее значение в противоборстве стран и народов или в налаживании глобальных межцивилизационных взаимодействий. Результатом этих процессов должны стать формирование новой гуманистической этики, противостоящей этике насилия, расового и национального превосходства, стремление к диалогу культур, цивилизаций, религий. Стереотипизация сознания, связанная с манипулятивными технологиями дает искаженное представление о той или иной религии. Это ведет к межнациональным и межрелигиозным конфликтам. Для предотвращения такого рода конфликтов необходимо изучение особенностей культур, религий и традиций различных народов. Необходимый сегодня подлинный межрелигиозный диалог – это, прежде всего, диалог разных форм духовности в оценке мироустройства, нравственных категорий, истины.

Список литературы:

1. Бутгаева А.М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты. Автореферат дис. д-ра философ наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 19.
2. Виноградова И.В. Межкультурная коммуникация и культурный фундаментализм//Запад-Восток-Россия: философия в компаративистской перспективе: Материалы конференции. СПб., 2005. С. 61.
3. Дворкин А. Сектоведение. Киев, Изд.: Христианская библиотека, 2007. С. 78.
4. Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов-на Дону, 2005. С. 279.
5. Магомедов У. Тьма Египетская. // Черновик. Без купюр. № 23. 2009.
6. Малашенко А. – Исламские ориентиры Северного Кавказа /Исламская идентификация, М.: Гендальф., 2001. С. 58.
7. Муртазина М.Ш. Виртуальная культура как феномен глобализации: философско-культурологическое осмысление. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Чита, 2012. С. 12.
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Московский философский фонд. «Akademia-Центр» «МЕДИУМ».М.,1995. С. 203.
9. Садыкова З.С. Место религиозных ценностей в сознании современной молодежи Дагестана. // Этническое многообразие и социально-политическое единство народов Дагестана. Материалы региональной научно-практической конференции. Махачкала, 2007. С. 138.
10. Хазов В.К. Мифологемы российской культуры постсоветского периода (1990-е годы): философский анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Астрахань, 2009. С. 9.
11. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. Деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи. СПб., 2002. С. 145.
12. Шарафутдинова Э. Ф. Мусульманская молодежь Чечни и неправительственные религиозно-политические организации // Институт религии и политики. 2008.

Джамалова Б.Б.,

*кандидат юридических наук, директор правового колледжа при СКФ
правовой академии Минюста России*

Этнокультурная ориентация как специфическое направление культурологического подхода к образованию

Анализ культурологического подхода к образованию позволяет увидеть сложность и многоаспектность этого явления. В самом широком понимании культурологический подход имеет следующие аспекты применения к педагогическим процессам: способ фиксации и сохранения ценностей культуры; ориентир целесообразной деятельности человека при вхождении в культуру; способ сохранения связи поколений; позиция, в которой человек признается субъектом культуры; способ раскрытия индивидуальных смыслов, которыми наделен человек от природы, социального родства. А также он выражает сферу проявления креативности человека; нормативный императив поведения и деятельности человека; способ сохранения уникального менталитета каждого народа; способ регулирования разнообразия социума, требующий поиска путей толерантного взаимодействия разных культур; рассмотрение культуры как неисчерпаемого источника и средства развития человека; возможность выражения социальной и природной сущности человека.

Учитывая интегрирование каждого из аспектов культурологического подхода к образованию, в своем исследовании мы акцентируем внимание на способе сохранения и развития ментальности и этнической культуры каждого, в том числе и самого малочисленного народа в рамках общего образовательного пространства.

Этнокультурный подход позволяет учитывать характер этнокультурных ценностей, ментальные особенности познания мира отдельными народами, расширять диапазон методологических исследований специфическими методиками и средствами познания в этнической культуре. Различными аспектами такого подхода выступают: выявление и учет нравственных и ценностных отношений отдельных этносов, выявление специфичных ценностных принципов, принятых в научном сообществе и менталитете народов; определение социальных и личностных основ и перспектив жизни отдельных этносов; поиск нового образа этнокультурной школы.

При этом надо иметь в виду, что в этнопедагогическом исследовании

проявляется позиции самого исследователя, стиль его мышления, традиционные способы понимания мира и образа жизни его народа, которые накладывают разный отпечаток на постановку целей, их реализацию и оценку результатов. Использование методологического аппарата в исследованиях педагогических явлений в разных этнокультурных условиях могут дать совершенно разные результаты. Например, основатель российской педагогики К.Д.Ушинский такую школу понимал как народную, в которой родной язык разных народов использовался как средство фиксации, сохранения и распространения культуры народа [1]. Если педагогическое исследование ведется с таких позиций, то специфичность этноса теряется, так как в понятие «народ» входят разные дефиниции: население страны, нация, этнос, народность, простые граждане государства. Тогда под народной школой можно понимать школу любой страны, общеобразовательную школу России, дагестанскую многонациональную школу, русскую школу, аварскую национальную школу. Но каждая из этих типов школ имеет свою специфику и ориентацию. Кроме того, такой подход ограничен также и словесным воспитанием и оставляет без внимания невербальные ценности культуры, также используемые в образовании и воспитании, которые успешно предлагались в учебниках самого великого педагога.

Культурологический подход в политике царской России определялась правилами « О мерах к образованию населяющих Россию народов», основной целью которых было обрусение всех народов. Согласно этим правилам, школы для всех народов России должны были быть одинаковыми и с обучением на русском языке [2]. Одним из вариантов такого подхода можно определить позицию Н.И.Ильминского, предлагавшего «обучать на чистом разговорном языке с учетом логической постановки мыслей, по возможности приближенной к простонародному складу» [3, с.163], что сегодня мы называем национальным сознанием и спецификой познания мира отдельными этносами.

Последователи П.К.Услара (А.Амирханов, К.Зульфугаров, А.Магометов, А.Омаров, С.М.Омаров, М.Хандиев, Т.Шалбузов и др.), разрабатывали письменные языки народов Дагестана для создания национальных школ. На основе этих исследований известный дагестанский педагог и организатор народного образования А.А.Тахо-Годи провозгласил «принцип родного языка» как основу создания национальной школы [5]. Но во всех этих идеях фигурирует письменный грамматический язык как основание любого типа школы. А что значит обучать на родном языке, когда многие народы России не имели и до сих пор не имеют

письменность? В Республике Дагестан сегодня более двадцати коренных малочисленных народов и сегодня не имеют письменность и лишены возможности приобщать молодежь к своей уникальной культуре. В связи с этим остается актуальной проблема исследования этнокультурного образования, которая до сих пор остается не решенной, и даже не поставленной в принципе.

Оригинальный подход к решению этой проблемы предлагал Л.Н.Толстой, который основой народной школы использовал культуру и традиционный образ жизни народа. Обучение в его школе шло в открытом устном общении, позволяющем стимулировать собственные мысли, идеи, предложения и проекты учащихся [5].

Мы считаем, что не письменный язык, а все ценности культуры народа должны стать отличительным признаком национальной школы. При таком подходе, многие бесписьменные народы приобрели бы этнокультурные школы, аналогичные «школам жизни» с устным разговорным языком обучения и использование ценностей материальной культуры.

В дальнейшем в решении этой проблемы столкнулись два подхода – государственный и научный. В образовательной политике государства в советский период наблюдалась тенденция постепенного снижения объема родного языка в национальных школах. Так, к 1960-м годам в Дагестане прекратили изучение родных языков во всех городских и поселковых школах с многонациональным составом учащихся. Как образно сказал тогдашний министр просвещения Дагестана Х.Г.Магидов, «если и дальше будет продолжаться такая политика, то дагестанцы будут космополитами на своей земле» [6]. О вредности такого подхода предупреждал еще К.Д.Ушинский. Он считал, что нельзя одному народу жить по образцу другого народа, как бы ни был привлекателен и заманчив этот образец, соответственно у каждого народа должна быть своя национальная особенная система воспитания [1, с. 43].

В научном подходе исследователи до сих пор ориентируются на оптимальную дозу родного языка в национальной школе. Чтобы облегчить проблемы национальной школы и учебники родных языков разрабатывают аналогично учебникам русского языка. Такая тенденция сохраняется в практике работы национальной школы и в настоящее время. Только в дагестанских школах введены три учебных плана: с русским языком обучения в многонациональных классах, с русским языком обучения для народов, не имеющих свою письменность, и с родным языком обучения в начальных классах для народов, имеющих письменность. Изучение культуры народов ограничивается изучением учебного предмета «Культура

и традиции народов Дагестана» на русском языке с отражением схожих традиций всех народов республики.

В последние годы, когда государственная идеология выражается через образовательные стандарты, доктрины образования, научные педагогические концепции и результаты исследований вообще игнорируются. Даже при незаметном исчезновении из официальных государственных документов об образовании понятия «национальная школа», в стандартах первого поколения еще был выделен национально-региональный компонент образования. Соответственно была актуальна проблема для исследователей.

В новых стандартах общего образования такая надобность не предусмотрена, поскольку выделены учебная и внеурочная деятельность учащихся. В таких условиях учащиеся разных национальностей в национальных регионах становятся интегрирующими в себе изначальный этнокультурный потенциал и предстают перед исследователем в неопределенных формах культурного универсума. Перед учеными в связи с этим встает дилемма: продолжать укреплять и развивать изначальную этническую культуру и формировать национальный характер и идентичность детей или искать пути трансформации этого потенциала в глобальную культуру и развивать культурный универсализм в человеке. Это разные современные этнокультурные подходы к развитию национального образования. За каждым из них стоит свой образ национальной школы, хотя мы такого понятия уже не используем.

Реализация первого подхода требует создания этнокультурной школы, целью которой является формирование национального характера и этнической идентичности. Содержанием образования в такой школе должна быть культура народа. Обучение должно быть организовано на родном языке или через невербальные средства культуры. Этнокультурная школа по своей идеологической основе направлена на развитие таких качеств характера молодежи. Только такая школа является одним из целесообразных вариантов для народов, этносов, этнических групп, компактно проживающих на одной территории. Исследование, проведенное нами по ее организации для народов, создающих свой письменный язык, показало, что в такой школе лучше воспитывается народный патриотизм, национальный характер и этническая идентичность детей в начальной школе. При таком подходе в педагогических исследованиях можно раскрывать энергетический потенциал этносов, включенный в культуру и традиционные способы жизни. Этот потенциал возникает и развивается как генетическое ядро,

зародыш, исходное атомарное строение мышления народа, который можно использовать в образовании как действенный мотив и основание для показа значимости учащимся уникальности своей культуры и необходимости ее сохранения и развития.

Но мы развиваем и другой аспект этнокультурного подхода в педагогических исследованиях, в котором выявляются возможности этнической культуры в национально ориентированном образовании. Поскольку этнокультурная школа имеет перспективы только в анклавах компактного проживания этносов, а таковых становится все меньше и меньше, возникает проблема оптимального использования потенциала этнокультуры в школах со смешанным составом учащихся разных национальностей. В таких условиях приоритетным становится оптимальное соотношение этнокультурного и общекультурного компонентов образования. В связи с этим национально ориентированным мы называем часть общего образования, позволяющая наряду с общими задачами школы формировать национальный характер и этнокультурную идентичность, воспитывать у учащихся способность сохранять, распространять и развивать культуру своего народа и умения межкультурной коммуникации.

В этой позиции этничность определяется степенью адаптации человека к межкультурной среде и его способностью презентовать и защищать культуру, традиции, нормы самобытной жизни своего народа и, одновременно, признавать и уважать культуру и традиционные нормы жизни других народов. Только культура, выражающая всю совокупность созданных народом духовных и материальных ценностей, определяется в границах этноса, как главный признак, отличающий один народ от другого. Культура кроме языка отражается и во многих других невербальных и материальных средствах жизни и творчества народа: искусстве, музыке, танцах, ремеслах, архитектуре, жилищной утвари и интерьере. Средства труда, ритуалы, стили одежды, кулинарные рецепты, народные праздники, этикет также являются компонентами культуры. К ним можно приобщать детей и без письменного языка, визуально через наблюдения и через подражание. Так обычно происходит в «школе жизни» в условиях естественной социализации. Притом известно, что знание родного языка еще не гарантирует владение человеком этими невербальными средствами и ценностями культуры, с которой он хочет идентифицировать себя. С невербальными ценностями культуры можно знакомить детей и молодежь и на другом языке, которым владеет в данное время ребенок.

Проведенный анализ разных позиций относительно определения

основы национально ориентированного образования, позволяет нам отдавать предпочтение этнической культуре, а не языку – только одному из компонентов культуры. Подтверждением такой позиции являются наблюдения и анализ опыта работы национальных школ в Республике Дагестан. Большая часть молодежи и детей в городах не владеет родным языком, но в ходе социокультурной жизни знакомится с атрибутами, стереотипами жизни своего этноса и в обосновании своей национальной принадлежности опираются на них в ходе дискуссий о национальном происхождении или идентификации. Но при этом необходимо учитывать и то, что спонтанное или подражательное знакомство или даже соблюдение этнокультурной атрибутики могут не иметь ожидаемого влияния социализации на этнокультурное сознание молодежи. В естественной социализации человек не старается выяснять причину, содержание и связи наблюдаемых культурных атрибутов с какими-то жизненными ориентирами, целями, условиями жизни народа. Он не пытается создавать собственные смыслы наблюдаемых явлений, оценивать их, войти в состояние людей, создавших культурные ценности, испытать переживания, присущие или испытывавшие его народ в тех или иных социальных или природных условиях жизни. Без возникновения или специального создания таких условий причастности современной молодежи к культурным событиям из жизни своего народа нельзя формировать этническое сознание и культурную идентичность. Значит, естественная социализация как составная часть национально ориентированного образования должна сопровождаться инкультурацией – организованным приобщением молодежи к культурным ценностям своего этноса, что является одной из основных задач национально ориентированного образования [7].

В связи с возрождением национального сознания в ходе демократических реформ в стране, в последние годы утверждается также и психологический подход к решению проблем национальной школы. Исследователи считают, что в национальной школе необходимо прорабатывать возможности учета особенностей национального сознания, стереотипов, ритуалов, самобытные условия социокультурной и семейной жизни детей. Они отмечают, что изменения в сознании ребенка, производимые в организованном педагогическом процессе, связанные с повышением его способности воспринимать, описывать, объяснять соблюдать этнические нормы жизни и особенности восприятия мира, являются одним из эффективных путей формирования этнической идентификации [8, с. 66]. Без учета этих факторов невозможна и эффективная организация обучения и воспитания детей в национальных

школах. Однако такая проблема только поставлена, а аспект раскрытия возможностей этнического сознания в этнокультурном подходе к педагогическим исследованиям только начинает проявлять себя. Этот аспект ориентации школы на специфику национального сознания и этнической культуры также находит свое место в нашем этнокультурном подходе к исследованию проблем национально ориентированного образования.

Анализ динамики становления и развития культурологического подхода к педагогическим процессам показывает, что национально ориентированное образование является более целесообразной, продуктивной и перспективной формой организации и развития национальной школы. В ней можно более объективно раскрывать закономерные возможности национальной школы в развитии национального характера, этнокультурной идентичности и готовности учащихся выйти на диалог с культурой других народов.

Литература

1. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX века. - М.: Педагогика, 1990. - с.41-44
2. Доклад министра народного просвещения Д.А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.) // www.detskiysad.ru/raznlit/istped/012.htm
3. Ильминский Н.И. Об образовании инородцев // Антология педагогической мысли России во второй половине XIX начале XXв. – М.; Педагогика, 1990. - с.162-163
4. Толстой Л.Н. О народном образовании // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX века. – М.: Педагогика, 1990. - с. 89-97
5. Тахо - Годи А.А. О языке преподавания в Дагестане // Партийный архив Дагестанского Обкома КПСС. Ф.1. Оп.8. Д.60. Л.64
6. Джамалова Б.Б., Нюдюрмагомедов А.Н. Предпосылки становления и развития национально ориентированного образования в Дагестане. – М.: РПА Минюста России, 2011. - 101с.
7. Магидов Х.Г. Очерки краткой истории развития образования в Дагестане. – Махачкала: Юпитер, 1998. – 272с.
8. Мукаилова Л.А. Ритуалы как средство формирования этнического самосознания подростков в многокультурной среде. // Известия ДГПУ, 2010, №2. - с. 65-70

Бурьяк М.К.,

кандидат педагогических наук, докторант Московского педагогического государственного университета (кафедра методологии и теории музыки), директор МАУДОД «Новгородская детская музыкальная школа русского фольклора»

Регистрово-фонационные модели пения этнофоров Новгородской земли

В настоящем исследовании предпринят комплексный вокально-стилевой подход по выявлению особенностей регистровой фонации женских голосов этнофоров¹ Новгородской земли.

Исследование опирается на фундаментальные теории регистровой фонации детского/взрослого голоса вокальной академической/народной школы пения и фониатрии с учётом лабораторных исследований голоса певца² – в трудах И.И. Левидова, В.П. Морозова, М.С. Грачевой, В.Л. Чаплина, Л.Б. Дмитриева, Г.П. Стуловой, Н.В. Шаминой и др.

Основу авторской теории составляют выявленные регистрово-фонационные модели в пении новгородских этнофоров в соответствии с силой голоса, плотностью подсвязочного давления, уровнем смыкания голосовых связок, а также с учётом:

- соответствующих технологий народно-певческого звукообразования (Z)³ – открытого (Z_o), прикрытого (Z_p) или смешанного (Z_s);
- соответствующих технологий народно-певческого голосоведения (G) – «обрядового» (G_{obr}), «повествовательного» ($G_{пов}$) или «плясового» ($G_{пл}$).

При этом «обрядовому» типу голосоведения соответствует кантиленность звукового потока с элементами «гейканья», «глиссандирования», «скандирования» при динамике f/ff , «смешанный» вид атаки на основе сочетания «придыхательной» и «твёрдой», «глубокий» тип фонационного дыхания («во весь дух»); «повествовательному» типу голосоведения соответствует кантиленность звукового потока при динамике mf , мягкая атака

1. Этнофор – сформированный этноисполнитель, владеющий всей совокупностью этнокультурных знаний и певческо-стилевых технологий, готовый к передаче опыта новым поколениям.

2. Метода ларингоскопии (наблюдение за способами смыкания голосовых складок, процессами фонации при различных певческих нагрузках с помощью ларингоскопа); метода стробоскопии (наблюдение за движениями голосовых складок в процессе фонации с помощью электронного стробоскопа); метода глоттографии (наблюдение за частотой и амплитудой колебания складок; методику глоттографии в изучении процессов голосообразования детского голоса академического типа фонации впервые применила Г.П. Стулова), а также за формой голосовой щели с помощью аппарата Ф. Фабра и шлейфового осциллографа и др.

3. Все сокращения структурных элементов пения зашифрованы латинскими буквами.

звука, «спокойный» тип фонационного дыхания; «плясовому» типу голосоведения соответствует кантиленность звукового потока с элементами «гейкания», «глиссандирования», «скандирования» при динамике mf/f , «смешанный» вид атаки на основе сочетания «придыхательной» и «твёрдой», «активный» (частый) тип фонационного дыхания [1, с. 135-139].

Все регистрово-фонационные модели представлены в формулах (впервые вводятся в научный оборот) с отражением звуковысотной шкалы регистра голоса¹ и в соотношении конкретных типов звукообразования/голосоведения конкретным видам фонационной динамики/силы голоса (p , mp , mf , f , или ff) и плотного (ps) или краевого (ks) смыкания/колебания голосовых связок. $Zo+Gobr$

1). $ER_{vf-1}(c^1-a^1) = f/ff+ps$ – «народный естественно-регистровый»-1 вид фонации на основе открытого типа звукообразования и «обрядового» типа голосоведения в среднем регистре диапазона женского голоса при динамике фонационного потока f/ff и полном смыкании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность звукового потока с элементами «глиссандирования», «markato»/«скандирования», «смешанный» вид атаки на основе сочетания «придыхательной» и «твёрдой», «глубокий» тип фонационного дыхания; максимально плотное подсвязочное давление; смешанный тип звукорезонирования при ярком вибрато и максимально насыщенном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации применяется:

- в условиях новгородской «древнеславянской» народно-певческой среды² является преимущественным в пении песенно-повествовательного, календарно-обрядового фольклора, и внехрамовых богослужебных песнопений в том числе;

- в условиях «древнерусской» народно-песенной среды применяется в пении календарно-обрядового фольклора (не применяется в условиях «партесной» и «смешанной» народно-певческой среды).

- в современном образовательном процессе³ с детьми всех возрастных периодов (от 1 года до 14-лет и далее) в пении календарного песенного фольклора. $Zo+Gpov$

2). $ER_{vf-2}(c^1-a^1) = mp/mf+ps$ – «народный естественно-регистровый»-2

1. Первое четкое определение регистров представил вокальный педагог Мануэль Гарсиа (1859), который ввел в практику ларингеальное зеркальце. «Под регистром подразумевается ряд следующих друг за другом тонов, которые продуцируются по одному и тому же механическому принципу. Все тоны, принадлежащие к одному регистру, обладают одной природой независимо от того, каким изменениям они могут подвергаться по отношению к звучанию или силе» [2, с. 118].

2. На территории Новгородской области выявлено 4 народно-певческих стиля – «древнеславянский», «древнерусский», «партесный», «смешанный» (терминология – М.Б.) [3].

3. Регистрово-фонационная методика реализуется в Новгородской детской музыкальной школе русского фольклора с детьми 1-6-летнего возраста (дошкольное отделение); с учащимися 7-14-летнего возраста (школьное отделение); с учащимися 15-16-летнего возраста (допрофессиональное отделение); далее – в фольклорном коллективе преподавателей и выпускников школы.

вид фонации в среднем регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосоведения при динамике фонационного потока mp/mf и полном смыкании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность фонационного потока, мягкая атака звука, «спокойный» тип фонационного дыхания; насыщенная плотность подсвязочного давления; смешанный тип звукорезонирования при мягком вибрато и насыщенно-тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации является преимущественным:

- в условиях «древнерусской» народно-певческой среды в пении песенно-повествовательного фольклора, и внехрамовых богослужбных песнопений в том числе (не применяется в условиях «древнеславянской» и «партезной» народно-певческой среды);

- в современном образовательном процессе с детьми 1-6-летнего возраста.

$Zo+Gpl$

3). $ER_{vf-3} (c^1-a^1) = mf/f+ps$ – «народный естественно-регистровый»-3 вид фонации в среднем регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «плясового» типа голосоведения при динамике фонационного потока mf/f , полном смыкании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность звукового потока с элементами «глиссандирования», «смешанный» вид атаки звука (сочетание «придыхательной» и «твердой»), «активный» (частый) тип фонационного дыхания цепного вида; плотное подсвязочное давление; смешанный тип звукорезонирования при ярком вибрато и насыщенном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации имеет идентичные технологии в пении этнофоров «древнеславянской», «древнерусской» и «смешанной» (на уровне отдельных ансамблевых голосов этнофоров или монодийной ансамблевой фактуры пения) народно-певческой среды в пении плясовых песен, музыкальных игр/хороводов с узким амбитусом напевов, а также является преимущественным в работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста в современном $Zo+Gobr$ образовательном процессе.

4). $VR_{vf} (h^1-g^2) = f/ff+ps$ – «народный высоко-регистровый» вид фонации в высоком регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «обрядового» типа голосоведения при динамике фонационного потока f/ff , полном смыкании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность звукового потока с элементами «глиссандирования», «markato»/«скандирования», «смешанный» вид атаки (сочетание «придыхательной» и «твердой»), «глубокий» тип фонационного дыхания; максимально плотное подсвязочное давление; смешанный тип звукорезонирования при ярком вибрато и максимально насыщенном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации применяется:

- в условиях «древнеславянской» и «древнерусской» народно-певческой среды в пении вокализированных ауканий и сольных плачей с узким амбитусом напевов (не применяется в пении этнофоров «партесной» и «смешанной» народно-певческой среды);
- в современном образовательном процессе с формирующимися взрослыми голосами (с 14-1 $\frac{Zp+Gpov}{}$ возраста певцов).

5). $Kfals_{vf}-1(h^1-g^2) = p/mp+ks$ – «народный классически-фальцетный»-1 вид фонации в высоком регистре диапазона голоса на основе прикрытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосоведения при динамике фонационного потока p/mp , краевом смыкании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность фонационного потока, мягкая атака звука, «спокойный» тип фонационного дыхания; минимальная плотность подсвязочного давления при головном типе звукорезонирования, отсутствии вибрато, бедном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации применяется:

- в пении сольных жанров с узким амбитусом напевов (плачи, аукания) этнофорами любой народно-певческой среды;
- в ансамблевом пении этнофоров «партесной» и «смешанной» народно-певческой среды;
- в современном образовательном процессе с 7-летнего возраста детей.

6) $Kfals_{vf}-2(e_m-h_m) = p/mp+ks$ – «народный классически-фальцетный»-2 вид фонации в низком регистре диапазона голоса на основе прикрытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосоведения при динамике фонационного потока p/mp , краевом смыкании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность фонационного потока, мягкая атака звука, «спокойный» тип фонационного дыхания; минимальная плотность подсвязочного давления при головном типе звукорезонирования, отсутствии вибрато, бедном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации применяется:

- в ансамблевом пении этнофоров «партесной» народно-певческой среды (не применяется в ансамблевом пении этнофоров «древнеславянской», «древнерусской», «смешанной» народно-певческой среды);
- в современном образовательном процессе с формирующимися взрослыми голосами (с 15-1 $\frac{Zp+Gpov}{}$ возраста певцов).

7) $Kfals_{vf}-3(c^1-a^1) = p/mp+ks$ – «народный классически-фальцетный»-3 вид фонации в среднем регистре диапазона голоса на основе прикрытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосоведения при динамике фонационного потока p/mp , краевом смыкании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность фонационного потока, мягкая атака звука, «спокойный» тип фонационного дыхания; минимальная плот-

ность подсвязочного давления при головном типе звукорезонирования, отсутствии вибрата, бедном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации применяется:

- в ансамблевом пении этнофоров «партесной» народно-певческой среды (не применяется в ансамблевом пении этнофоров «древнеславянской», «древнерусской», «смешанной» народно-певческой среды);

- в современном образовательном процессе с мутирующими голосами подростков.

Zo+Gpov

8). $Efals_{vf}-1 (g_m + c^1 - a^1) = p/mp + ks$ – «народный естественно-фальцетный»-1 вид фонации в среднем регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосоведения при динамике фонационного потока p/mp , краевом колебании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность фонационного потока, мягкая атака звука, «спокойный» тип фонационного дыхания; средняя плотность подсвязочного давления при минимально насыщенном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации применяется в пении младенческого фольклора этнофорами любой народно-певческой среды, а также в сольном/ансамблевом пении детей старшего школьного возраста в современном образовательном процессе.

Zo+Gpov

9). $Efals_{vf}-2 (e_m - h_m) = p/mp + ks$ – «народный естественно-фальцетный»-2 вид фонации в низком регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосоведения при динамике фонационного потока p/mp , краевом колебании голосовых связок.

Пению соответствует кантиленность фонационного потока, мягкая атака звука, «спокойный» тип фонационного дыхания; средняя плотность подсвязочного давления при минимально насыщенном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации применяется:

- в ансамблевом/сольном пении этнофоров «древнерусской» и «смешанной» народно-певческой среды в низком регистре голоса (не применяется в ансамблевом пении этнофоров «древнеславянской» и «партесной» народно-певческой среды);

- в современном образовательном процессе с формирующимися взрослыми голосами (с 15-16-летн Zo+Gobr аста певцов). Zo+Gobr

10). $MR-1_{vf} = ER_{vf}-1(c^1 - a^1) f/ff + ps + VR_{vf} (h^1 - g^2) f/ff + ps$ – «народный микстово-регистровый»-1 вид фонации – сочетание «народного естественно-регистрового»-1 и «народного высоко-регистрового» при переходе голоса из среднего регистра в высокий и обратно, на основе открытого типа звукообразования и «обрядового» типа голосоведения при динамике

фонационного потока f/ff , полном смыкании голосовых связок (при стабильном положении гортани).

Пению соответствует кантиленность звукового потока с элементами «глиссандирования», «смешанный» вид атаки – «придыхательной» и «твердой», «глубокий» тип фонационного дыхания; максимально плотное подвязочное давление; смешанный тип звукорезонирования при ярком или форсированном вибрато и максимально насыщенном тембральном спектре голоса.

Данный вид фонации применяется:

- в ансамблевом/сольном пении этнофоров «древнеславянской» и «древнерусской» народно-песенной среды в пении локальных видов частушки с широким амбитусом напевов (не применяется в условиях «смешанной» и «партесной» народной певческо-стилевой среды);

- в современном образовательном процессе с формирующимися взрослыми голосами (с 15-16-летнего возраста певцов) на основе дифференцированного подхода к голосам девушек и юношей в освоении технологий соединения регистров. $Zo+Gpov$ $Zp+Gpov$

11). $MR-2_{vf} = ER_{vf}-2 (c^1-a^1) mp/mf + ps + Kfals_{vf}-1 (h^1-g^2) p/mp + ks$ – «народный микстово-регистровый»-2 вид фонации при переходе голоса из среднего регистра в высокий и обратно (при стабильном положении гортани) в пении произведений песенного фольклора с широким амбитусом напевов на основе сочетания:

- «народного естественно-регистрового»-2 вида фонации в среднем регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосоведения при динамике фонационного потока mp/mf , полном смыкании голосовых связок;

- «народного классически-фальцетного»-1 вида фонации в высоком регистре диапазона голоса на основе прикрытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосоведения при динамике фонационного потока p/mp и краевом смыкании голосовых связок.

Данный вид фонации применяется:

- в многоголосном пении отдельных этнофоров «смешанной» народно-певческой среды в сочетании с другими видами фонации составляющих ансамблевых голосов, а также в условиях «древнерусской» народно-певческой среды в пении песенной лирики, романсов и пр. с широким амбитусом напевов;

- в современном образовательном процессе с 7-летнего возраста певцов, включая мутационный период; образовательный процесс предусматривает сочетание в пении различных видов фонации с исключением переходных зон.

Данная методика до XIII в. применялась в европейской вокальной педа-

гоике, в которой певцы ограничивались естественным регистром, а затем использовали фальцет [4, с. 112]. Подобное пение в работе по формированию и развитию детского голоса до 14-16-летнего возраста не создаст физиологических неудобств.

12). $MR-3_{vf} = Efals_{vf}-2 (e_m - h_m) \frac{Zp+Gpov}{p/mp+ks} + ER_{vf}-2 (c^1-a^1) \frac{Zo+Gpov}{mp/mf+ps}$ – «народный микстово-регистровый»-3 вид фонации при переходе голоса из среднего регистра в низкий и обратно (при стабильном положении гортани) в пении произведений песенного фольклора с широким амбитусом напевов при динамике фонационного потока mp/mf на основе сочетания:

- «народного естественно-фальцетного»-2 вида фонации в низком регистре диапазона голоса на основе прикрытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосообразования при динамике фонационного потока p/mp , краевом смыкании голосовых связок;
- «народного естественно-регистрового»-2 вида фонации в среднем регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосообразования при динамике фонационного потока mp/mf , полном смыкании голосовых связок.

Данный вид фонации применяется:

- в многоголосном пении отдельных этнофоров «смешанной» народно-певческой среды в сочетании с другими видами фонации составляющих ансамблевых голосов;
- в современном образовательном процессе с формирующимися взрослыми голосами (с 15-16-летнего $\frac{Zo+Gpov}{a}$ певцов).

13). $M \frac{Zp+Gpov}{als_{vf}-2 (e_m - h_m) \frac{p/mp+ks}{ER_{vf}-2 (c^1-a^1) \frac{mp/mf+ps}{Kfals_{vf}-1 (h^1-g^2) \frac{p/mp+ks}}{mp/mf}}$ – «народный микстово-регистрового»-4 вид фонации при переходе голоса из среднего регистра в высокий/низкий и обратно при динамике mp/mf (при стабильном положении гортани) на основе сочетания:

- «народного естественно-фальцетного»-2 вида фонации в низком регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосообразования при динамике p/mp , краевого смыкания голосовых связок;
- «народного естественно-регистрового»-2 вида фонации в среднем регистре диапазона голоса на основе открытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосообразования при динамике mp/mf , полного смыкания голосовых связок;
- «народного классически-фальцетного»-1 вида фонации в высоком регистре диапазона голоса на основе прикрытого типа звукообразования и «повествовательного» типа голосообразования при динамике mp/mf , краевого смыкания голосовых связок.

Данный вид фонации применяется:

- в многоголосном пении отдельных этнофоров «смешанной» народно-певческой среды в сочетании с другими видами фонации составляющих ансамблевых голосов;
- в пении этнофоров «древнерусской» певческо-стилевой среды в произведениях с широким амбитусом напевов;
- в современном образовательном процессе с формирующимися взрослыми голосами (с 15-16 лет) ($Zo/Zp+Go/Gpov/Gobr/Gpl$).

14). $MER_{vf}(e_m - g^2) = p, mp, mf, f, ff + ps$ – «народный микстовый едино-регистровый» вид фонации на основе открытого/прикрытого типов звукообразования, различных типов голосоведения на всей звуковысотной шкале вокального голоса (безрегистровые голоса) в соответствии с динамикой звукового потока при полном/краевом смыкании голосовых связок.

Представленные регистрово-фонационные модели позволяют определить особенности каждого ансамблевого голоса этнофора и фактуру ансамблевого пения в целом, народно-певческий стиль каждой конкретной народно-песенной традиции («точечной» или локальной), дифференцировать/классифицировать народно-певческие стили относительно их специфики (потенциал моделей), а также составить певческо-стилевой словарь, и певческий ареально-стилевой ландшафт региона в том числе.

Таким образом, результаты данного исследования открывают новые пути программного обеспечения современных этнопедагогических процессов освоения детьми регистрово-фонационных навыков и локально-региональных технологий. При этом суть народной вокальной педагогики заключается в определении потенциальных возможностей голоса каждого исполнителя в качестве ключевых в его дальнейшем развитии и совершенствовании.

Литература

1. Бурьяк М.К. Технологии народно-певческого звукообразования и голосоведения // Научный и общественно-политический международный журнал «Этносоциум и межнациональная культура» (ВАК). № 11 (65). М., 2013. С. 132–145.
2. Максимов И. Фониатрия. М. : Медицина, 1987. 283 с.
3. Бурьяк М.К. Певческие традиции региона как фактор оптимизации художественного развития личности : на примере этнокультурных традиций Новгородской земли : дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.05. Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербург, 1999. 190 с.
4. Шамина Л.В. Основы народно-певческой педагогики. М. : ООО Графика, 2010. 200 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Иран

РГГУ

Германия

Алиев З.Т.,

кандидат политических наук, доцент, ФГБОУ ВПО
«Российский государственный гуманитарный университет»

Международное политико-правовое регулирование интеграции государств

После Второй мировой войны экономическое сотрудничество государств стало приобретать более тесный характер, позволяющий говорить о развитии процесса международной экономической интеграции. В заключаемых универсальных и региональных договорах получают закрепление положения, формулирующие принципы экономической интеграции.

30 октября 1947 г. двадцать три государства заключили Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947), которое явилось первым в истории многосторонним универсальным договором в области торгово-экономических отношений. В преамбуле ГАТТ 1947 декларируется, что взаимоотношения в области торговли и экономической деятельности должны быть направлены на повышение жизненного уровня, обеспечение полной занятости и непрерывного увеличения реального дохода и эффективного спроса. Оно ставит целью добиваться полного использования мировых ресурсов и расширения производства и обмена товаров путем взаимных и обоюдовыгодных соглашений, направленных на существенное снижение тарифов и других препятствий в торговле и на устранение дискриминационного режима в международной торговле. Тем самым государства призываются развивать экономическую интеграцию, прежде всего на основе принципов экономического сотрудничества, взаимной выгоды и недопустимости дискриминации.

Современное международное право охватывает не только отношения между государствами - адресами субъектов, но также от правил ведения войны и правами человека до семейных отношений. Международное право является не только прерогативой правительств, международных организаций и других негосударственных субъектов. Оно охватывает весь спектр отношений, как и национальные законодательства. В качестве причины для широкой сферы применения современного международного права можно привести глобализацию, военные конфликты, технологические изменения, региональные интеграционные тенденции, демократизацию, акцент на защиту прав личности и рост общего числа международных организаций. В этот момент всё - от миграционной политики государства до

защиты частной жизни человека - становится вопросами международного регулирования. Растет число субъектов, которые подчиняются международному праву.

В XXI-м веке взаимодействуют не только государства, но и негосударственные субъекты, НПО и корпорации. Хотя границы влияния международного права и расширились, но остаются и ограничения. К примеру, не хватает инструментов (институтов) для обеспечения беспрекословного исполнения, одного органа, отвечающего за создание глобального правила для всех, или одного суда с «автоматической» юрисдикцией в отношении разрешения споров. Вместо этого, оно опирается на сложную систему взаимных действий в целях соблюдения общих правил. Стоит отметить, что государства все чаще приходят к пониманию, что они должны соблюдать правила международного права, чтобы выжить в современном мире. Они признали наличие разрыва между областью прав человека, с одной стороны, и относительно жесткими и эффективными механизмами, которые существуют для обеспечения торгового права в рамках ВТО, с другой. Тем не менее, на сегодняшний день существует около 20 международных судов по всему миру и поэтому даже государствам-изгоям трудно игнорировать нормы международного права. Роль международного права в ближайшие десятилетия будет только расти. Мы увидим еще большее делегирование международных организаций, чтобы было меньше интерпретации, а решения выносились по закону. Суверенитет не умер, но его смысл радикально пересмотрен. Это не означает быстрого признания новых государств или правительств. Международная экономическая интеграция как специфическое явление в мировой экономике возникло во второй половине XX века и было вызвано усиливающимся международным разделением труда и стремлением государств к взаимному обеспечению лучших условий торговли и ее расширению.

В настоящее время международная экономическая интеграция является одним из важнейших и определяющих факторов развития национальных экономик и характеризует такие процессы, протекающие в современных международных отношениях, как усиление торговых, производственно-технологических, финансовых связей, глобализация и интернационализация экономики, активное образование межгосударственных объединений с передачей им некоторых функций государств-участников, унификация национальных законодательств в сфере регулирования экономических отношений.

Усилению интеграционных процессов способствует: во-первых, достигнутый уровень и степень международной специализации и разделения

груда; во-вторых, географическое месторасположение государств, участвующих в интеграционном объединении, наличие между ними общих границ и исторически сложившихся экономических связей; в-третьих, общность экономических и политических проблем, стоящих перед странами; в-четвертых, достаточно близкие по уровню социально-экономические условия; в-пятых, сходство национальных законодательств, регулирующих вопросы экономических отношений.

Интеграционные объединения, включающие в себя национальные хозяйства государств-участников, отличаются более развитым взаимным разделением труда, образованием единых механизмов регулирования экономики, более тесным сотрудничеством не только в экономической сфере, но и в других областях общественной жизни, проведением согласованной межгосударственной экономической и социальной политики и т.д. Образование интеграционных объединений особенно активно протекает в последние годы. В настоящее время в мире действует более 85 региональных торговых экономических соглашений и договоренностей, в рамках которых осуществляется более 60% мировой торговли.

Термин «интеграция» (от лат. *integratio* - восстановление, воссоединение; *integer* - целый, цельный, неповрежденный, полный) означает объединение в целое отдельных элементов и частей, а также процесс сближения, взаимодействия. Исходя из этого под международной экономической интеграцией понимается, с одной стороны, процесс унификации и объединения, протекающий в сфере межгосударственных связей, с другой - результат этого процесса - политическая предсказуемость.

Будучи процессом сближения национальных экономик, международная интеграция носит целенаправленный характер. Этот процесс обеспечивается международно - правовыми средствами и направлен на постепенное образование межгосударственного экономически и политически единого, целостного пространства, основанного на общем рынке обращения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.[1]

Экономическая интеграция организуется и осуществляется государствами, заинтересованными в более тесном экономическом сотрудничестве. Она приводит к созданию, во-первых, определенного правового пространства, в пределах которого действуют единые юридические нормы, регулирующие экономическую деятельность стран-участников интеграционного объединения, а также регулирующие отношения граждан и юридических лиц в рамках этого объединения, во-вторых, экономическая интеграция приводит к созданию институциональной системы, призванной управлять процессом сближения национальных экономик.[2]

В результате интеграционных процессов экономики государств объединяются настолько тесно, что возникшие между ними постоянные структурные связи начинают преобразовываться в целостный комплекс, создается единый, обособленный «экономический организм» [3], который становится самостоятельным субъектом международных экономических отношений. Это позволяет странам-участникам интеграционного объединения повысить эффективность национальных хозяйств, оптимизировать использование национальных ресурсов, ускорить темпы развития.

Таким образом, как справедливо замечает Ю.В. Мишальченко, «интеграция представляет собой высшую форму международного сотрудничества на основе особой системы международного (регионального) политического, экономического и правового объединения на согласованных принципах международной и национальных экономико-правовых систем» [4]. Международная экономическая интеграция - это достаточно высокая, эффективная и перспективная ступень развития мировой экономики, качественно новый и более сложный этап интернационализации хозяйственных связей. На этой ступени происходит не только сближение национальных экономик, но и обеспечивается совместное решение экономических задач. При этом экономическая интеграция, в частности, выражается в виде:

- сотрудничества между национальными хозяйствами разных стран и полной или частичной их унификации;
- ликвидации барьеров в движении товаров, услуг, капитала, рабочей силы между этими странами;
- сближения рынков каждой из отдельных стран с целью образования одного единого (общего) рынка;
- санации различий между экономическими субъектами, относящимися к разным государствам;
- отсутствия той или иной формы дискриминации иностранных партнеров в каждой из национальных экономик и т.п. [5]

Международная экономическая интеграция развилась на базе экономического сотрудничества государств, которое первоначально затрагивало сферу обращения и осуществлялось в форме международной торговли. Международное экономическое сотрудничество вело к развитию устойчивых хозяйственных связей между странами и народами, выходу производственного процесса за рамки национальных границ. В результате международной кооперации производства, развития международного разделения труда, внешней торговли и международных экономических отношений в целом происходило усиление взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик.

Но экономическая интеграция перерастает рамки международного экономического сотрудничества. Различия между ними заключаются в следующем:[6]

- в рамках интеграции происходит взаимопроникновение, слияние государственных интересов, а не только их координация и взаимодополняемость. В результате складывается баланс между государственными интересами отдельных стран и групповыми, наднациональными интересами интеграционного объединения в целом;

- государства-участники интеграционного объединения передают интеграционному объединению больший по сравнению с традиционными международными экономическими организациями объем компетенции;

- в рамках интеграционного объединения создается специфический «внутриинтеграционный» правовой режим для движения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы;

- международные организации, являющиеся инструментами интеграции, имеют специфическую внутреннюю структуру; в их структуре имеются как органы, обеспечивающие государственные интересы, так и органы, обеспечивающие наднациональные интересы.

Наличие органов с наднациональными функциями и компетенцией субординационного характера - характерная черта организаций, являющихся институциональной основой международной интеграции в рамках интеграционных объединений появляются элементы «права интеграции», обладающего определенной автономией по отношению к национальному праву и входящего в систему международного права. «Право интеграции» ограничивает возможность независимого и автономного использования государством-участником интеграционного объединения в качестве инструмента национальной экономической политики.

В XXI-м веке процессам глобализации уделяют значительное внимание политологи, социологи, что связано с определенными изменениями, происходящими в мире, да и в каждом конкретном государстве. В наименьшей степени подверглись изучению происходящие изменения под влиянием глобальных процессов на само государство, на право. Можно привести мнение И.И.Лукашука о том, что «интернационализация государства в основном определяется глобализацией экономики и других сфер жизни общества». Применяя это бесспорное утверждение к экономической интеграции государств, следует подчеркнуть, что появившееся вместе с глобализацией понятие «надгосударственности»[7] как следствие этих процессов, уместно использовать лишь в контексте безопасности государства, но придавать статус надгосударственных образований интеграционным

объединениям - не целесообразно с точки зрения экономической безопасности государств-членов.

Региональный уровень интернационализации хозяйства проявляется в формировании региональных интеграционных объединений, охватывающих страны отдельного региона на основе глубоких устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами этих стран и взаимодействия их производственных структур.

Глобальная экономическая интеграция способствует, прежде всего, вхождению государства в мировое экономическое сообщество. Однако усиление интеграционных тенденций в области международных экономических отношений не может не затрагивать и иные сферы международной и внутригосударственной жизни. Интеграция способствует развитию практики межгосударственных соглашений, формированию координирующих институтов и механизмов, созданию особых структур и органов, выработке согласованной международной системы регулирования экономических отношений, применению унифицированных экономических рычагов и инструментов. Тем самым экономическая интеграция способствует развитию международного права в целом. Но она также активно влияет на национальные правовые системы, на политику государств в социальной сфере, в области культуры. Можно сказать, что экономическая интеграция способствует интеграции политической, правовой, социальной, культурной и т.п.

Процессы, проходящие в области экономической интеграции, как в региональном, так и в общемировом масштабе, показывают необходимость дальнейшего развития их международно-правового регулирования. Формирование единого рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, единого валютно-финансового и экономического пространства не может осуществляться без создания единого правового пространства, т.е. без образования единой системы правового регулирования экономических и финансовых отношений между государствами-участниками интеграционного объединения.

Международные договоры, заключаемые в этой сфере, призваны закрепить качественно новый уровень внешнеэкономических связей договаривающихся государств, обеспечить их активное воздействие на национальные экономики.

Сложный, комплексный характер международной экономической интеграции делает практически невозможным ее международно-правовое регулирование путем разработки и подписания одного, отдельного договора или соглашения. Так, например, Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор), помимо основных статей, содержит ряд протоколов

(об Уставе Европейской системы центральных банков Европейского центрального банка; об Уставе европейского валютного института; о процедуре, касающейся чрезмерного дефицита; об экономическом и социальном сплочении и др.), деклараций (о гражданстве государства - члена; о валютном сотрудничестве со странами, не входящими в сообщество; о роли национальных парламентов в Европейском Союзе; о конференции парламентов и др.), Соглашение о социальной политике, заключенное между государствами - членами европейского сообщества, за исключением Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также Заключительный акт.

Будучи учредительным договором, Маастрихтский договор включает в себя нормы, закрепляющие: принципы общего рынка; основы политики ЕС в области экономической, социальной и политической интеграции; и институциональную структуру ЕС. Однако, несмотря на большой объем и сложную структуру, Маастрихтский договор оказался «недостаточно перспективным для того, чтобы получить ответы на новые вопросы, возникающие в ходе развития интеграции».[8]

Система правового регулирования экономической интеграции посредством договоров между государствами как самостоятельными субъектами международного права, дополняется системой, так называемого вторичного или производного права, под которым понимается совокупность правовых актов, принимаемых институтами и другими органами сообществ в соответствии и в рамках своих правотворческих полномочий.[9]

Согласно Договору о ЕС, для выполнения своих задач Европейский парламент, действуя совместно с Советом, Совет и Комиссия принимают регламенты, директивы и решения, дают рекомендации и заключения. Помимо рекомендаций и заключений, остальные акты являются обязательными для государств-членов ЕС. Обязательными во всех своих частях для тех, кому оно адресовано. Обязательность указанных актов для государств-членов ЕС как принято считать означает преимущественную силу права ЕС над национальным правом.

Вторичное право ЕС включает широкий круг норм, применяемых в регулировании экономических отношений, например, при регулировании вопросов создания и функционирования производственно-коммерческих компаний, при регламентации финансовой, банковской, страховой деятельности, деятельности торговых агентов, при регулировании вопросов права промышленной собственности, противодействия недобросовестной конкуренции.

Несколько иной механизм правового регулирования экономической

интеграции применяется в рамках СНГ. Соглашение о создании СНГ [10] состоит из 14 статей и небольшого по объему Протокола к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, гласящего о том, что «на основе Соглашения о создании Содружества Независимых Государств и с учетом оговорок, сделанных при его ратификации, будут выработаны документы, регламентирующие сотрудничество в рамках Содружества». В дальнейшем принимаются межгосударственные договоры и соглашения, регулирующие отдельные направления экономической интеграции стран-членов СНГ, межправительственные и межведомственные соглашения (в том числе - на двусторонней основе).

Так, Договор о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 г. [11] был нацелен на:

- формирование условий стабильного развития экономик Договаривающихся Сторон в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- поэтапное создание общего экономического пространства на базе рыночных отношений;
- создание равных возможностей и гарантий для всех хозяйствующих субъектов;
- совместное осуществление экономических проектов, представляющих общий интерес;
- решение совместными усилиями экологических проблем, а также ликвидация последствий стихийных бедствий и катастроф.

Договором предполагалось ввести свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; согласованную денежно-кредитную, бюджетную, налоговую, ценовую, внешнеэкономическую, таможенную и валютную политику; гармонизированное хозяйственное законодательство Договаривающихся Сторон; наличие общей статистической базы.

Отдельным соглашением между странами СНГ была введена зона свободной торговли. [12] Ее создание рассматривалось как решение таких задач первого этапа создания Экономического союза, как постепенная отмена таможенных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие, и количественных ограничений во взаимной торговле; устранение других препятствий для свободного движения товаров и услуг; создание и развитие эффективной системы взаимных расчетов и платежей по торговым и другим операциям; координацию торговой политики в отношении стран, являющихся участниками настоящего Соглашения; координацию экономической политики в той мере, в какой это необходимо для достижения целей Соглашения (в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, финансов, инвестиций, социальной сферы, развития

добросовестной конкуренции и т.д.); содействие межотраслевой и внутриотраслевой кооперации и научно-техническому сотрудничеству; гармонизацию и (или) унификацию законодательства Договаривающихся Сторон в той мере, в какой это необходимо для надлежащего и эффективного функционирования зоны свободной торговли.

Для решения частных вопросов экономической интеграции практикуется заключение многосторонних и двусторонних межведомственных соглашений¹. Помимо межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров и соглашений правовое регулирование процессов экономической интеграции стран СНГ осуществляется посредством актов институциональных органов Содружества - решения Совета глав государств и Совета глав правительств, акты Межпарламентской Ассамблеи.

Однако, в отличие от ЕС, акты институциональных органов СНГ не имеют примата над национальными законами государств-членов Содружества. Согласно Временному соглашению о Совете глав государств и Совете глав правительств Содружества Независимых Государств от 30.12.1991 г.[13], указанные органы обсуждают и при необходимости принимают решения по наиболее важным внутренним и внешним вопросам. При этом статус их решений не определен.

На практике решения Совета глав государств СНГ сводятся к поручениям в адрес исполнительных органов СНГ, одобрением проектов каких-либо актов[14] либо решениям по организационным вопросам. В решениях Совета глав правительств СНГ обычно указывается, что оно вступает в силу с момента подписания, а для государств, законодательства которых требуют выполнения внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу, - со дня сдачи на хранение депозитарию уведомления о выполнении упомянутых процедур. Этим подчеркивается примат национального законодательства над нормативными актами СНГ.

В соответствии с Соглашением о Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств от 27.03.1992 г.[15], Межпарламентская Ассамблея имеет право:

- обсуждать политические и социально-экономические вопросы, требующие согласования Сторонами;
- рассматривать вопросы парламентского сотрудничества;
- разрабатывать и направлять предложения Верховным Советам (парламентам), являющимся Сторонами настоящего Соглашения, Совету глав

1. Так, например, 30 сентября 1998 года в г. Минске было подписано Соглашение о взаимном сотрудничестве между Государственным налоговым комитетом Республики Беларусь, Налоговым комитетом Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной налоговой инспекцией при Министерстве финансов Кыргызской Республики, Государственной налоговой службой Российской Федерации, Налоговым комитетом при Правительстве Республики Таджикистан.

государств, Совету глав правительств государств - участников Содружества Независимых Государств.

Для предотвращения возникновения угроз безопасности России представляется целесообразным предусмотреть обязательное проведение правовой экспертизы проектов международных интеграционных договоров, в разработке которых принимает наша страна, а также правовой экспертизы действующих интеграционных договоров, участницей которых собирается стать Российская Федерация.

Список литературы

1. Шумилов В.М. Международное экономическое право. М., 2003, С. 197.
2. Рыжов В.Б. Международно – правовые модели региональной экономической интеграции (Европейский союз, МЕРКОСУР, ЕврАзЭС), Международное публичное и частное право. 2006. № 4. С.27.
3. Интеграция в мировой экономике. Ч. II, под ред. Дм. Пумпянского. М., 2004. С. 18
4. Мишальченко Ю.В. Теория и практика международной экономической интеграции государств. Спб., 2000. С.18
5. Владимирова И.Г., Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия. Менеджмент в России и за рубежом. 2001. №3
6. Шумилов В.М. Международное экономическое право. Ростов-на-Дону. 2003. С. 200-201
7. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутри- государственного права., Журнал российского права. 2002. №3. С. 118
8. Мухаев Н.Р. Право Европейского союза. М., 2006. С.60
9. Мухаев Н.Р. Право Европейского союза. М., 2006. С. 75.
10. Содружество. Информационный вестник Советов глав государств и правительств СНГ. 1992. Выпуск первый.
11. Бюллетень международных договоров. 1995. №1. С. 3-11.
12. Соглашение о создании зоны свободной торговли от 15.04.1994 г. Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1994 №1(14). С. 113-124
13. Содружество. Информационный вестник Советов глав государств и правительств СНГ. 1992. Выпуск первый. С. 22-24.
14. Решение Совета глав правительств СНГ «О проекте Концепции экономического интеграционного развития СНГ» от 27.03.1997г., Информационный Вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1997. №2
15. Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1993. №2. С. 121 – 123.

Кожухов А.В.,

соискатель Факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Российская политика в Афганистане: национальные интересы и их реализация

Некоторые политологи называют Афганистан «кладбищем империй». Уже на протяжении нескольких десятилетий эта страна ассоциируется с такими терминами, как «гражданский хаос», «военно-политическая и социальная нестабильность». Большинство экспертов склонны приводить более жесткие ассоциации: Афганистан – главный источник террористической и наркотической угроз. Несмотря на это, на протяжении уже двух веков эта страна является точкой пересечения интересов сразу нескольких мировых держав. Изменения, произошедшие в мироустройстве в последние два десятилетия, требуют от российского руководства в настоящее время кардинально пересмотреть внешнеполитический курс, проводимый в Афганистане.

Каковы же российские приоритеты и национальные интересы в Афганистане? На сегодняшний день основными документами внешней политики Российской Федерации являются Указ Президента Российской Федерации о реализации внешнеполитического курса¹, Концепция внешней политики Российской Федерации², Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года³, Государственная антинаркотическая политика до 2020 года⁴ и профильные выступления руководства страны.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года текущая ситуация в Афганистане рассматривается как один из факторов, негативно воздействующих на региональную безопасность. В

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15256>

2. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г., // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации – URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f>

3. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

4. Указ Президента Российской Федерации № 690 от 9 июня 2010 года Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Государственного антинаркотического комитета – URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/gak/4605/4604/strategy/index.shtml>

Концепции внешней политики Российской Федерации продолжающийся кризис в Афганистане определен как угроза национальной безопасности Российской Федерации, а незаконный оборот наркотиков является вызовом, призывающим наращивать международные усилия под эгидой ООН. В Государственной антинаркотической политике до 2020 года обращается внимание на то, что ключевым фактором негативного развития наркоситуации в Российской Федерации является масштабное производство опиатов на территории Афганистана и их последующий транснациональный трафик на территорию России.

В основополагающих документах излагаются только самые общие подходы к развитию российско-афганских отношений. Более детально о состоянии современных российско-афганских отношений можно судить по интервью высокопоставленного российского дипломата З.Н. Кабулова.¹ Характеризуя их, он отметил, что российско-афганский политический диалог находится сейчас на подъеме, а вот экономическое сотрудничество отстает от политического. Примерами экономического взаимодействия являются реконструкция и модернизация ГЭС «Наглу» под Кабулом, Кабульского домостроительного комбината. Развивается военно-техническое сотрудничество, в частности, в части укрепления антинаркотических структур Афганистана. Россия также способствует укреплению вооруженных сил Афганистана, в том числе их военно-воздушных сил.

З.Н. Кабулов отметил важность сотрудничества России, ОДКБ и НАТО в антинаркотической борьбе. По его мнению, соединение возможностей НАТО внутри Афганистана и ОДКБ на границах стран Центральной Азии могло бы дать положительные результаты, но пока мало используется. Касаясь приоритетов в развитии Афганистана, российский дипломат подчеркнул, что оно находится вдали от гражданской войны, афганцам надо искать пути национального примирения. В этом могла бы помочь новая международная миссия в Афганистане, если таковая будет образована на основе мандата Совета Безопасности ООН.

В российско-афганском взаимодействии имеется довольно много достижений. Однако мы попытаемся заострить внимание на факторах, негативно воздействующих на обстановку в регионе и создающих угрозу российским национальным интересам. Очевидно, что не только для Афганистана, но и для всех стран центрально-азиатского региона таковыми являются слабое государственное управление и правоохранительная система (зачастую пораженная коррупцией), сокращение иностранных инвестиций, недостаточность развития частного сектора экономики, неспособность в

1. Интервью спецпредставителя Президента Российской Федерации по Афганистану, директора Второго департамента Азии МИД России З.Н. Кабулова агентству ИТАР-ТАСС, 20 февраля 2014 года // Официальный сайт МИД России www.mid.ru

перспективе «остаться один на один» в решении проблем терроризма и наркотрафика.

Основной тенденцией, характеризующей наркоситуацию в Афганистане в 2013 году, стало увеличение на 36 % общей площади незаконных посевов опийного мака (в 2012 г. – 154 000 га, в 2013 г. – 209 000 га) и производства опиума на 49% (2012 г. – 3700 т, в 2013 г. – 5500 т)¹. Одним из главных рынков сбыта для афганских наркотиков с распадом СССР и образованием новых независимых государств стала Россия. Указанные тенденции объясняются тем, что США и западные страны не нашли замены этому виду доходов миллионов афганских крестьян. Если они не будут получать доходы хотя бы таким образом, то они уйдут в горы в ряды антиправительственных элементов. Очевидно, что стоит насущная задача поиска альтернативной стратегии развития Афганистана.

Наркотики являются серьезной угрозой безопасности нашей страны. Согласно докладу директора ФСКН России В.П. Иванова, в России насчитывается до 8 млн. лиц, с разной степенью регулярности употребляющих наркотики (около 5,5 % населения страны), из которых около 1,5 млн – потребители наркотиков опийной группы, большей частью героина исключительно афганского происхождения.² Ежегодно в результате употребления наркотиков в России погибает порядка 100 тыс. человек³, из которых преобладающее большинство – это молодежь. Афганский героин стал реальной угрозой для жизни и здоровья населения России, серьезным фактором ухудшения демографической ситуации и ударом по генофонду нации.

Наркотрафик является самостоятельной угрозой нашей безопасности. К тому же, незаконный оборот наркотиков остается одной из самых характерных форм транснациональной организованной преступности и наиболее прибыльным видом криминальной деятельности. Неспособность центрально-азиатских государств в одиночку справляться с наркотрафиком привела к тому, что преступные сети простираются за границы Афганистана на территорию самих же республик Центральной Азии и, как следствие, принимают транснациональную форму.

Более того, некоторые эксперты отмечают сращивание транснациональных преступных группировок, контролирующих поставки наркотиков, с террористическими и экстремистскими сетями, существующими в

1. Доклад Управления ООН по наркотикам и преступности Afghanistan Opium Survey 2013 на англ. языке // http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_report_Summary_Findings_2013.pdf

2. Выступление директора ФСКН России В.П. Иванова на «правительственном часе» на заседании Совета Федерации по теме «О приоритетных направлениях государственной политики в сфере борьбы с наркоманией», 19 февраля 2014 г., Москва – URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2014/0219/112229018/detail.shtml

3. Там же.

Центральной Азии. Объясняется это тем, что первые заинтересованы в использовании мощной сетевой инфраструктуры и деятельности экстремистов по обеспечению гарантированного транзита наркотиков, а вторые – в получении доходов для финансирования своей преступной деятельности.¹

В связи с этим можно утверждать, что Россия видит курс своей внешней политики в Афганистане, в первую очередь, как недопущение и прекращение исходящих оттуда угроз. Для решения этой задачи необходимо предпринять усилия по развитию целого ряда направлений российско-афганских отношений. Роль и интересы России в Афганистане, на наш взгляд, очень точно определил Президент России В.В. Путин: «Вижу роль России в том, чтобы при активном участии стран-соседей помочь афганскому народу создать устойчивую экономику, повысить способность национальных вооруженных сил противостоять угрозам терроризма и наркопреступности...»².

Учитывая, что в 2014 году Международные силы содействия безопасности покидают Афганистан и ответственность за поддержание стабильности переходит к Афганским национальным силам безопасности³, трудно прогнозировать, как дальше будет развиваться обстановка в регионе. Из истории Афганистана известно, что иностранное военное присутствие не приносило в эту страну стабильности. Очевидно, только сами афганцы в состоянии решить собственные внутренние разногласия, и Россия, опираясь на свой опыт, может в этом помочь.

Сегодня в Афганистане довольно непростая ситуация: страна готовится к избранию нового президента. Процесс президентских выборов в Афганистане, несомненно, привлекает внимание всего международного сообщества, так как их результат отразится на политической ситуации во всем регионе. Предположительно, выборный процесс в Афганистане по времени будет продолжаться с апреля по сентябрь текущего года, учитывая время подсчета голосов и возможный второй тур голосования.

Анализ открытых биографических данных кандидатов в президенты показывает, что в своем большинстве это либо бывшие функционеры правительства действующего президента Хамида Карзая, либо политики с прозападной ориентацией. Кроме того, все из вышеуказанных кандидатов в своих предвыборных заявлениях упомянули тот факт, что в случае их избрания на президентский пост непременно первым действием новой

1. Комиссина И.: Северный маршрут смерти. // Источник - Национальная оборона – URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0114/12269923/print.shtml>

2. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. // <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

3. В общепринятое в Афганистане понятие АНСБ входит Афганская национальная полиция, Афганская национальная армия и Главное Управление национальной безопасности (примечание автора).

администрации станет подписание соглашения о безопасности с США¹, являющегося тематическим дополнением к заключенному в 2012 году Соглашению о стратегическом партнерстве².

В России в некоторых экспертных группах бытует устойчивая точка зрения, что дальнейшее присутствие западных войск в Афганистане и Центральной Азии опасно для реализации стратегических интересов Москвы, так как может привести к понижению уровня сотрудничества центрально-азиатских государств с Россией. Противоречия между Москвой и Вашингтоном относительно влияния в центрально-азиатских государствах носят геополитический характер. Если их удастся преодолеть, Россия сможет в рамках сотрудничества с Западом внести определенный вклад в стабилизацию ситуации в Афганистане и вокруг него, что определит в дальнейшем:

- сохранение северного транспортного маршрута, оказание помощи законному афганскому правительству и Афганским национальным силам безопасности;
- усиление военной и экономической помощи центрально-азиатским странам в контексте обеспечения «поясов безопасности» на границах Афганистана;
- объединение усилий Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества с Европейским союзом и НАТО в соответствующих сферах безопасности.

Другое направление российской политики может состоять в объединении усилий мирового сообщества на афганском направлении. Учитывая масштабность проблемы, прокладывание намеченного курса необходимо осуществлять в более тесном сотрудничестве с другими странами при руководящей и организующей роли ООН. Для восстановления страны потребуются колоссальные затраты, экономический потенциал и людские ресурсы. Нестабильность и отсутствие условий для нормального существования в Афганистане продолжают уже более двух десятилетий. Несколько поколений афганцев только и умеют, что воевать. Война не оставила в их жизни места ни для достойной работы, ни для учебы. Для их вхождения в цивилизованный образ жизни необходимы рабочие места, для создания которых потребуется экономическая помощь и участие всех стран мира под эгидой ООН.

Следующим направлением афганской политики России могло бы стать

1. Security and Defense Cooperation Agreement between the United States of America and the Islamic Republic of Afghanistan, Официальный сайт Министерства иностранных дел Исламской Республики Афганистан – URL: <http://mfa.gov.af/Content/files/2013-11-18%20BSA%20TEXT.pdf>

2. Enduring Strategic Partnership Agreement between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America. Официальный сайт администрации президента США – URL: <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/2012.06.01u.s.-afghanistanspassignedtext.pdf>

дальнейшее укрепление сотрудничества по афганской линии Совета Россия - НАТО. Такому взаимодействию уже есть наглядные положительные примеры: Северная распределительная сеть, Трастовый фонд по ремонту вертолетной техники, подготовка антинаркотических кадров в рамках проекта Совет Россия-НАТО во Всероссийском институте повышения квалификации МВД России и учебных заведениях ФСКН России. Данное сотрудничество необходимо развивать, отбрасывать возможности НАТО нецелесообразно.

Практика политического противоборства в условиях Афганистана показывает, что при становлении одной власти альтернативная сторона оказывается вне закона. Поэтому вне зависимости от развития обстановки в Афганистане и вокруг него после 2014 года России во внутриафганской политике следует всемерно избегать какой-либо односторонней силовой вовлеченности. В экономическом плане от взаимовыгодного российско-афганского сотрудничества в восстановлении построенных еще Советским Союзом промышленных объектов не откажется ни одно афганское правительство. А это достаточно масштабные проекты, например реконструкция и модернизация тоннеля «Саланг», стратегического для Афганистана проекта. Кстати, и для НАТО тоже, потому что логистика НАТО идет по северному маршруту и без «Саланга» ее очень сложно обеспечить.¹

Представляется, что в политическом плане российские предложения о «нейтрализации» Афганистана под гарантии соседей и мировых держав, то есть о возвращении страны к нейтральному статусу, будут благоприятно восприняты любым будущим правительством Афганистана, даже самым одиозным.

Одним из наиболее серьезных внутривнутриполитических вызовов Афганистану остается проблема межнациональных и межэтнических противоречий. Северные народы Афганистана (таджики, туркмены, узбеки, хазарейцы и др.) на протяжении нескольких десятилетий подвергались дискриминации со стороны преобладающего пуштунского населения. В последнее время эти противоречия резко обострились. Опираясь на свой опыт, Россия могла бы оказать экспертное содействие решению данной проблемы в афганском обществе. В России в конце 2012 года была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.² В ней имеется целый ряд идей, которые могли бы, на наш взгляд, быть использованы в Афганистане.³ Имеются и другие поли-

1. Кабулов З.Н., Россию ждут в Афганистане // Интервью независимому российскому информационному агентству INTERFAX, <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=183185>

2. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

3. Дербенёв Ю.С. Предложения по реализации «Стратегии государственной национальной полити-

тологические наработки, которые можно было бы использовать в российской политике на афганском направлении.

Центральной проблемой Афганистана, на наш взгляд, является обеспечение успеха политики национального примирения. Президент России В.В. Путин высказал следующую мысль в отношении талибов: «...Мы не против того, чтобы к процессу национального примирения присоединились участники вооруженной оппозиции, включая талибов — при условии, что они откажутся от насилия, признают конституцию страны, разорвут связи с «Аль Каидой» и другими террористическими группировками...»¹. Возможности для решения проблемы национального примирения в Афганистане существуют, но для их реализации необходимо тщательно изучить и знать внутренние силы. На сегодняшний день такой самостоятельной силы, как талибы, которая якобы берет ответственность за теракты в Афганистане, в реальности не существует. Талибы по своей организационной массе разнородны и не представляют единого «тела», как это было в 1990-х годах. Сейчас это скорее «ширма», под которой действуют самые разнонаправленные силы, включая обычный криминал. Поэтому называть талибов террористами, по меньшей мере, неправильно, тем более что террористов как отдельной политической силы в Афганистане не существует.

Таким образом, у России есть важные национальные интересы в Афганистане, первостепенными из которых являются прекращение исходящих оттуда угроз безопасности, прежде всего, наркотрафика. Но для их реализации необходимо более тесное сотрудничество с ООН, НАТО. Целесообразно более активно подключить к решению афганской проблематики ОДКБ и ШОС. На двусторонней основе России следует больше внимания уделить возможностям участия в развитии крупных афганских инфраструктурных и экономических проектов. Москва может играть более заметную роль в национальном и этническом примирении. В целом антинаркотическая политика может быть успешна, если Россия сможет предложить Афганистану альтернативные пути развития, не связанные с производством сырья для наркотиков.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»
Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15256>

2. Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена
ки Российской Федерации // Этносоциум. 2013. №6 (60).

1. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. // <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

ная Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г., // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации – URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f>

3. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” // Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

4. Указ Президента Российской Федерации № 690 от 9 июня 2010 года Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Государственного антинаркотического комитета – URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/gak/4605/4604/strategy/index.shtml>

5. Интервью спецпредставителя Президента Российской Федерации по Афганистану, директора Второго департамента Азии МИД России З.Н. Кабулова агентству ИТАР-ТАСС, 20 февраля 2014 года // Официальный сайт МИД России www.mid.ru

6. Доклад Управления ООН по наркотикам и преступности Afghanistan Opium Survey 2013 на англ. языке // http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_report_Summary_Findings_2013.pdf

7. Выступление директора ФСКН России В.П. Иванова на «правительственном часе» на заседании Совета Федерации по теме «О приоритетных направлениях государственной политики в сфере борьбы с наркоманией», 19 февраля 2014 г., Москва – URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2014/0219/112229018/detail.shtml

8. Комиссина И.: Северный маршрут смерти. // Источник - Национальная оборона – URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0114/12269923/print.shtml>

9. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля. // <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

10. Кабулов З.Н., Россию ждут в Афганистане // Интервью независимому российскому информационному агентству INTERFAX, <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=183185>

11. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

12. Дербенёв Ю.С. Предложения по реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Этносоциум. 2013. №6 (60)

Махдиян Мохаммад Хасан

кандидат исторических наук, доцент, Университет Шариф (Тегеран, Иран)

Гибель А.С. Грибоедова в Иране

Положения Туркманчайского русско-иранского мирного договора (заключен 10 февраля 1828 года) резко усугубили трудную ситуацию, в которой оказалась Каджарская династия. Согласно этому договору, Иран в дополнение к ранее потерянным своим владениям, лишился Ереванского, Нахичеванского ханств и крепости Ордубад. Кроме того, он должен был уплатить России огромную контрибуцию в размере 20 млн. рублей (10 куруров туманов), вернуть в Россию всех военнопленных, не преследовать жителей Иранского Азербайджана, оказавших помощь русским войскам, и выполнить много других весьма жестких требований России, которая взамен признала Аббаса-Мирзу наследником иранского престола, причем не сразу, а только после долгих изнурительных торгов.

Туркманчайский договор имел еще одно новое беспрецедентное положение. Согласно ему, русские подданные получили право экстерриториальности – неподсудности иранским судам. Таким образом, он положил начало капитуляционному режиму в Иране. По результатам ирано-русских войн Ирану были навязаны настолько тяжелые условия, что их негативные последствия сохранились в течение веков в сознании каждого иранца (и порой оказывают отрицательное воздействие на отношения двух народов до сих пор).

Иранские историки Носратолла Фалсафи и Али Асгар Шамим отмечают, что в «Туркманчайском договоре были соблюдены интересы России неизмеримо больше, чем обычно соблюдались интересы любой европейской державы в отношениях с любой побеждённой страной»[1]. Отметим, что даже после заключения Туркманчайского договора генерал И.Ф. Паскевич неоднократно угрожал Аббасу-Мирзе, заявляя: «Все ваше политическое существование в наших руках. Вся надежда ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может вас поддержать»[2].

В 1829 г. правительство царской России поставило иранские власти в крайне тяжелые условия. Оно угрожало, что в случае невыплаты военной контрибуции в установленный срок русские войска уничтожат династию Каджаров. «В начале апреля Николай I приказал Паскевичу сосредоточить в Астрахани 30-тысячную армию, после чего действия Паскевича стали более решительными. Уже 10 апреля он отправил в Тавриз своего адъютанта

танта князя Кудашева с письмами для Аббаса-Мирзы, в которых угрожал перейти с войсками в Кафланкух и меньше чем за год уничтожить династию Каджаров»[3]. Судьба Ирана была лучше решена в Гюлистане, так как Туркманчайский договор «был злосчастнее и вреднее Гюлистанского, потому что Иран полностью капитулировал, а Каджары стали политическим орудием России»[4]. Потрясения, вызванные Туркманчайским договором, а также выплата Фатх-Али-шахом контрибуции еще многие годы отражались на ирано-российских отношениях.

Первым шагом со стороны царской России стало направление в Иран ко двору Фатх-Али-шаха А.С. Грибоедова в качестве полномочного русского посла, принимавшего активное участие в выработке условий Туркманчайского договора, однако в его работе были недостатки. По мнению иранских историков, Грибоедов¹ не проявлял нужной гибкости, в вопросе выплаты контрибуции не принял заверенного шахом гарантийного письма².

Осенью 1828 года А. Грибоедов прибыл в Иран для ратификации Туркманчайского договора. Он испытывал чувство тревоги за исход дела и говорил А.С. Пушкину: «Вы не знаете этих людей: вы увидите, дело дойдет до ножей...» (фр.). «Он полагал, - пишет Пушкин, - что причиной кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова А. Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства»)[5].

Слабая сторона А. Грибоедова-дипломата заключалась в том, что при всех его литературных талантах он не только не знал менталитета, тонкостей мышления, обычаев, традиций и культуры Ирана, но даже и не имел склонности к изучению великого поэтического наследия Востока. В Иране русского посланника встретили с уважением, однако его поведение отличалось от действий других послов, в том числе посла Англии и Турции. А. Грибоедов обладал чрезмерной гордыней, и не хотел соблюдать принятый при шахском дворе церемониал. На первой же встрече с шахом он не захотел в соответствии с обычным сложившимся правилом, немного подождать начала визита подобно другим послам и поднял шум. Кроме того, он не стал разуваться, чем нарушил дипломатический этикет.

Во время визита А. Грибоедов сидел больше, чем следовало и поставил в

1. А. С. Грибоедов был человеком подневольным. Царь велел ему собрать контрибуцию, и он ее собирал без учета возможностей иранской стороны.

2. «Взимаю контрибуцию довольно успешно. Друзей не имею никого и не хочу; все должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и я уверяю вас, что в этом поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь и меня прозвали сахтгир (жестокое сердце)». (Из письма А.С. Грибоедова В.С. Миклошевич, ноябрь-декабрь 1828 г.). Информационно-просветительский портал Ханты-Мансийского автономного округа- югры. (Хронограф. Календарь истории России).

тяжелое положение шаха, который был в официальной одежде и с тяжелой короной на голове. А.Грибоедов не придавал значения этим вопросам, и довел дело до того, что на следующей встрече шах, увидев, что полномочный российский министр снова ведет себя, как и в первый раз, нарушая этикет, разозлившись сказал: «Можете идти!».

А. Грибоедов расценил это как оскорбление и направил жесткую ноту министру иностранных дел Ирана. При этом в ноте при упоминании имени шаха не были употреблены соответствующие титулы.

Кроме того, А. Грибоедов стремился привлечь к сотрудничеству с Российским посольством в Иране слуг видных людей. Так, он говорил, что адъютант Аббас Мирзы Хаджи Масуд Ага во времена П. Цицианова служил в русской армии, а генерал А. Ермолов разрешил ему вернуться в Иран. Кроме того, он получал различные сведения об иранской армии и ситуации при шахском дворе от людей, служивших при дворе, а также от других лиц, нанятых на службу в Российское посольство.

«Такое поведение А.Грибоедова было не случайным. Он все продумал заранее в достаточной степени, и отнюдь не собирался пересматривать свое поведение. После прибытия в Иран он хотел заставить иранцев в чрезмерной степени оказывать знаки почтения и уважения к величию российского царского флага, и поэтому пограл дипломатический этикет. Он стремился как можно меньше выказывать знаки уважения иранскому монарху, а также старался привлечь как можно большее количество недовольных в иранском обществе под свое покровительство, и в этом деле переусердствовал... » [6].

Дипломатические успехи А. Грибоедова были невелики. Туркманчайский договор был ратифицирован правительствами Ирана и России. А. Грибоедов не имел полномочий вносить какие-либо изменения в его текст. Однако он оказывал давление на иранский двор в отношении выплаты контрибуции. Шах называл ему тысячу и одну причину того, что контрибуция не может быть выплачена сразу целиком. Однако А.Грибоедов вновь настаивал.

В конце концов, Фатх-Али-Шаху надоело невежливое поведение А.Грибоедова, и он расценил дальнейшее пребывание Грибоедова в Тегеране как бесполезное. В этой связи он отправил послу прощальные подарки и ордена, что само по себе означало окончание его миссии в Тегеране.

На последней встрече с шахом А. Грибоедов опять сидел дольше принятого, но на этот раз обе стороны уже не злились друг на друга как прежде, потому что Фатх-Али-Шах знал, что наконец-то освобождается от злосчастия неучтивого и претенциозного посла. А. Грибоедов, предвкушая

встречу в Табризе с молодой женой, также был счастлив. Однако судьба распорядилась так, что А. Грибоедов не смог живым и здоровым выехать к своей жене. Вечером после последней встречи А. Грибоедова с иранским монархом казначей шахского андеруна Мирза Якуб Маркарян пришел в русское посольство и заявил, что в соответствии с Туркманчайским договором он хочет вернуться на землю своих предков в Армению, и просит защиты у российского посла. А. Грибоедов принял его, выслушал и сказал ему, чтобы тот возвращался, поскольку только воры по ночам ищут убежища, а он является российским послом и может даровать помощь и защиту только в дневное время.

После подписания Гюлистанского и Туркманчайского договоров в отношениях между двумя странами остались многочисленные трудности, которые вызвали массу споров в дальнейшем, заключавшихся в решении проблем пленных и подданных двух стран. Проблема заключалась в том, что еще до начала первой серии русско - иранских войн, то есть в 1802 году, а также в ходе этих войн иранскими войсками были взяты в плен российские солдаты. Кроме того, часть людей добровольно получила убежище в Иране. Этот вопрос был отражен в Гюлистанском договоре, и на его основе А.Грибоедов смог вернуть в Россию часть пленных. Однако не было выполнено обещание относительно их свободы и безопасности в России.

В числе пленных был и армянин Мирза Якуб. Этот человек благодаря своим способностям и знаниям оказался в числе приближенных ко двору, и стал казначеем шахского андеруна. Кроме того, русские солдаты и офицеры создали в составе иранской армии отдельную часть под командованием Самсон-Хана. Она использовалась для подавления восстаний и беспорядков внутри страны. А. Грибоедов настаивал на том, чтобы эти люди должны быть отправлены в Россию.

Статьи 11, 13, 14 и 15 Туркманчайского договора были посвящены вопросу возврата подданных обеих стран, а в статье 15 косвенно намекалось на то, что иранские ханы и другие подданные, помогавшие русской армии, не должны подвергаться преследованиям со стороны иранских властей, а напротив, им должна быть предоставлена свобода выбора места будущего проживания и право беспрепятственного переезда вместе со своим имуществом и без взимания налогов или пошлин.

На следующий день Мирза Якуб снова пришел в посольство и попросил покровительства у А. Грибоедова, обратившись с просьбой, отправить его на родину. А.Грибоедов очень долго разговаривал с Мирзой Якубом, так как хотел выяснить причину, по которой этот человек, получивший массу привилегий при шахском дворе, хочет поехать туда, где у него никогда не

будет таких возможностей. Мирза Якуб настойчиво требовал дать ему возможность воспользоваться правом и обязательно уехать из Ирана.

Между тем, Мирза Якуб рассказал иностранцам все тайны шахского андеруна, не задумываясь о том, какой в городе поднялся шум. А. Грибоедов выведал у Мирзы Якуба все придворные тайны и размер казны иранского правительства, и таким образом готовился к будущей торговле по вопросу скорейшей выплаты иранским правительством контрибуции.

При последнем обращении придворных в Российское посольство было заявлено, что Мирза Якуб задолжал двору 50 тысяч туманов, и поэтому хочет бежать. Однако А. Грибоедов и этому заявлению не придавал значения, хотя до отъезда посла из Тегерана оставалось всего шесть дней. Посольские люди готовили лошадей и повозки.

А. Грибоедов попросил у шаха аудиенции, и такая встреча состоялась, однако результата она не дала, поскольку российский посол не отказался от помощи Мирзе Якубу. Шах пригрозил, что направит в Санкт-Петербург наследного принца, чтобы пожаловаться царю Николаю I. В конце-концов состоялась еще одна встреча для проверки требования двора с участием старейшин и духовенства. На этой встрече судье были предъявлены расписки Мирзы Якуба в получении 50 тысяч туманов. Однако советник посольства Мальцев, который выступал со стороны Мирзы Якуба, увидев расписки, заявил, что не может признать их как официальное подтверждение задолженности Мирзы Якуба, который находится под защитой российского посольства.

Представители правительства Ирана поняли, что законным путем они не смогут помешать выезду Мирзы Якуба из страны. С другой стороны, распространился слух о том, что Мирза Якуб выдал А. Грибоедову все тайны двора, а также дал ему адреса и подробные данные грузинских и армянских женщин, живущих в семьях некоторых придворных лиц.

Некоторые члены посольства во главе с Ростамбегом уговорили А. Грибоедова предпринять шаги для освобождения этих женщин. А. Грибоедов поручил это дело Ростамбегу, который вместе с другими членами миссии, которые прибыли из Тифлиса и имели с собой заранее приготовленные сведения об упомянутых женщинах, в сопровождении группы иранских полицейских отправился на розыски домов указанных придворных.

Эта группа в составе сотрудников Российского посольства и иранских полицейских после осмотра нескольких домов, при посещении дома видного царедворца Аллахийяр-Хана увидели молодую женщину и девочку-подростка тринадцати лет. Ростамбег спросил их, хотят ли они вернуться в Грузию. Те сказали, что не хотят. Однако Ростамбег закри-

чал: «Как бы там ни было, они пойдут со мной!». Аллахйяр-Хан вместе с группой местных старейшин отправился к А. Грибоедову и пожаловался ему на поведение Ростамбега. Однако на следующий день Ростамбег, несмотря на жалобу Аллахйяр-Хана, имея на руках письменное требование А. Грибоедова о необходимости передачи двух женщин в посольство для личной уверенности посла, явился в дом Аллахйяр-Хана и увез в посольство тех двух женщин вместе с женихом молодой девушки и несколькими слугами Аллахйяр-Хана.

Жениха девушки и слуг не впустили в посольство, а женщин, хотя они и говорили с самого начала, что хотят остаться в Иране, под нажимом Ростамбега оставили в посольстве и передали их Мирзе Якубу. За два дня до выезда посольства в Табриз этих двух женщин отвезли в баню. Это серьезно усилило напряженность вокруг ситуации. Народ был возмущен наглостью русского посла и безразличием двора. Разгневанная толпа направилась к Российскому посольству.

К сожалению, дело закончилось тем, что разгневанный народ убил А. Грибоедова и еще многих членов Российского посольства. Тело А. Грибоедова сначала было перевезено в Табриз, а оттуда переправлено в Тифлис, где и было погребено¹.

Фатх-Али-шах был крайне обеспокоен случившимся и опасался, что между двумя странами начнется третья война, к чему он был абсолютно не готов. Поэтому без промедления он послал к Николаю I своего внука (сына Аббаса-Мирзы) Хосрова-Мирзу, который был молодым человеком приятной наружности. В качестве подарка для Николая I и извинения за убийство А.С. Грибоедова и других российских подданных он передал с ним большой алмаз «Шах»², который был привезен из Индии Надир-шахом. Николай I приветливо встретил Хосрова-Мирзу и простил Ирану часть военной контрибуции.

Российская историография традиционно не склонна к принятию версий иранских историков, даже тех, кто лично был в курсе гибели А.С. Грибоедова. Речь идет о версии третьего сына Аббаса-Мирзы, принца Джахангира – мирзы³, рукописи которого были впервые опубликованы в 1948 г. в Тегеране под названием «Новая история» [7].

1. - В 2007 году группа грузинских политиков выступила с предложением о переносе останков А. Грибоедова из Тифлиса и перезахоронении в России, однако это дело не получило продолжения (Примечание автора).

2. Этот алмаз, известный под именем «алмаз Шах», хранится в Музее сокровищ Московского кремля (Примечание автора).

3. Джахангир – Мирза находился в составе искупительной миссии своего брата Хосрова – Мирзы. После возвращения из Петербурга оба они были ослеплены по приказу Мо-хаммад шаха, отстранившего таким путем своих братьев от борьбы за престол. «Новую историю» Джахангир-Мирза написал слепым. Его рукописи были обнаружены проф. А. Эгбалем.

Два тяжелейших договора – Гюлистанский и Туркманчайский, а также убийство А.С. Грибоедова в Тегеране, оставили обидную память у иранцев и у русских. В течение многих лет целый ряд иранских и иностранных историков занимался исследованием этого вопроса, и каждый из них высказывал по нему свою точку зрения, хотя принципиальные оценки случившегося в основном совпадают.

В целом у А.С. Грибоедова был резкий характер. Даже гениальный русский поэт А.С. Пушкин в своем произведении «Путешествие в Арзрум» писал: «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, - все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго он был опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления, талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставались некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось говорить о нем, как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе...»[8].

Убийство Грибоедова в Иране никогда не забывалось руководителями и народом России. Оно было неприятно и для иранцев. Никакой народ не будет радоваться, если на его земле будет убит иностранный дипломат или даже просто иностранец. Такое событие заставит сокрушаться кого угодно.

Список литературы

1. Фалсафи Н. Шамим А. А. Тарих-е мофассал-е кешвар-е Иран ва тарих-е омуми (Полная история Ирана и общая история). Тегеран, 1319 (1940). С. 185.
2. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 407, л. 2-3, а также д. 408, л. 1-2
3. Балаян Б.П. Международные отношения Ирана в 1813-1828 гг. С. 270.
4. Моджтахеди Мехди. Иран ва Энглис (Иран и Англия). Тегеран, 1324 (1945). С. 70.
5. Лебедев А.С. Тайна Грибоедова, <http://www.clubarion.com/?q=node/view/44>
6. Фомичев С.А. Личность Грибоедова. <http://griboedov.lit-info.ru/griboedov/about/vospominaniya/fomichev.htm>.
7. Джахангир-Мирза Тарих –е ноу. (Новая история). Тегеран, 1327 (1948). С. 122.
8. Жуков Д. « Грибоедов в Персии». <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=lib&id=208>

Морозов А.Ю.,

кандидат философских наук, докторант кафедры этики, эстетики и культурологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко

Метафизические и пост-метафизические аспекты рассмотрения добра

Известно, что предметным полем этики выступает этос, т.е. разумный моральный порядок, включающий определенную иерархию ценностей, принятых в культуре, и совокупность практик, направленных на их воплощение. Соответственно одной из фундаментальных этических проблем является природа ценности. Что такое ценность и почему какая-то вещь, явление, способ поведения объявляются ценными и нормальными? Неокантианец Г. Риккерт отождествлял ценность со значимостью, часто употребляя словосочетания «ценностная значимость» или «значимая ценность», но при этом, избегая вопроса об её онтологическом статусе: «сущностью ценности есть значимость, а не фактичность... Про ценности нельзя сказать, существуют они или нет, но только: значат или не имеют значимости [1, с. 55-56]. Но какова природа ценности, и каким образом она открывается нам? Основной наш тезис заключается в том, что ценность - особенная реальность, которая не дана в обычном повседневном (нефеноменологическом) опыте. Что это за «ценностная реальность», и в каком именно опыте схватывается – предлагаем исследовать в данной статье, сконцентрировавшись на тех аспектах, где этика так или иначе сопряжена с метафизикой.

Прежде всего, стоит прислушаться к позиции представителей логического позитивизма, которые отказывают ценностям в статусе «фактичности» и таким образом выводят нас на метафизическую проблематику. Вначале «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейн отмечает, что мир – это совокупность фактов, а не вещей. Факт – это система высказываний, которые в свою очередь систематизируют единичные эмпирические высказывания (так называемые «протокольные предложения»). Наука строится на фактах, и, следовательно, должна отбрасывать всё то, что не есть таковым. Но далее Витгенштейн допускает, что в нашем знании кроме сферы научной присутствует важный сегмент неизреченного, невыразимого. И вот именно сюда, в сферу не-фактичности философ относит круг морально-экзистенциальных вопросов, в том числе касающихся смысла и ценности. Целесообразно привести несколько цитат из Трактата: «6.41. Смысл мира должен лежать вне него. В мире все есть, как оно есть, и все происходит так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности. Если есть ценность,

имеющая ценность, то она должна лежать вне всего происходящего и вне Такого (So - Sein). Ибо все происходящее и Такое - случайно. То, что делает это не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным. Оно должно находиться вне мира. 6.42. Поэтому не может быть никаких предложений этики. Предложения не могут выражать ничего высшего. 6.421. Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна. (Этика и эстетика едины)» [2, с. 70]. В последнем пункте мыслитель призывает тех, кто по настоящему хочет познать мир, преодолеть предложения, отбросив их как лестницу, и прийти к молчанию: «7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [2, с. 73]. Можно продолжить мысль Витгенштейна следующим образом: все ценностные высказывания содержат метафизический элемент, выходящий за пределы фактов. С этой точки зрения этические понятия в своём статусе ничем не отличаются от метафизических. «Добро» и «красота» такие же бессмысленные для позитивиста понятия, как и «душа», «сущность», «бог», «субстанция», «принцип». Остаётся добавить, что если в постижении ценностей разум оказывается тщетным, следовательно, нам остается обратиться за помощью к сверх-рассудочным способностям человеческого ума, например, к метафизической интуиции.

Рудольф Карнап в трактате «Преодоление метафизики логическим анализом языка развивает всё то, о чем писал Л. Витгенштейн. Он демонстрирует, что между научным фактом и ценностью пролегал пропасть. Метафизики, по мнению Р. Карнапа, занимаются псевдо-теоретизированием. Но вместе с тем выясняется, что сам неопозитивизм, который претендует на звание строгой науки, не может обойтись исключительно логикой и экспериментом. В работе «Логическая структура мира» Карнап справедливо отмечает, что появление новых идей в науке и вообще творческий процесс требует выхода за пределы позитивистской методологии: «Не существует логического метода получения новых идей или логического воспроизведения этого процесса... Любое открытие содержит «иррациональный момент» или «творческую интуицию» в бергсоновском смысле» [3, р. 203]. Остановимся на этом тезисе. Р. Карнап отрицает метафизику, но одновременно признает иррациональную интуицию в бергсоновском смысле этого слова. Но не противоречит ли это тому, что сам Бергсон говорил про метафизику? Не является ли скрытым *contradictio in adjecto* признавать интуицию и в то же время отрицать метафизику как науку? Тут сразу нужно исходить из того, что гуманитарные «науки про дух» (*moral science*) не втискиваются в «прокрустово ложе» сугубо позитивистского понимания науки, и тем более метафизика как самая главнейшая философская наука. Следует смотреть на науку более широко. Вспомним древних греков, которые признавали умное (интеллектуальное) созерцание («ноезис») высшим по отношению к рассудочному дискурсивно-

му познанию («дианоя»). Из более современных философов вспомним Анри Бергсона, который в своей работе «Творческая эволюция» различает два вида познания: чистое (истинное) и научное (гипотетическое). Чистое познание носит абсолютный характер и основывается на интуиции, а научное является относительным и опирается на формальный анализ (лучи разума превращают живую полноту жизни в «мертвые понятия»). Но опять-таки, что понимать под наукой? В своей работе «Введение в метафизику» А. Бергсон утверждает, что метафизика является особенной наукой, которая претендует на то, чтобы обходиться без символов [4, с. 17]. Согласимся философом в этом пункте: чтобы достичь абсолютного знания мы должны отказаться от понятий и рационального мышления обычной науки и обратиться к науке метафизике, которая пользуется непосредственным интуитивным проникновением в реальность через созерцание, вчувствование, интеллектуальную симпатию.

Если развивать дальше тему интуитивного познания моральных ценностей, то нельзя не вспомнить про «этический интуитивизм» - влиятельное направление в этике на рубеже XIX-XX вв. С точки зрения интуитивистов, ценности являются элементами некоей объективной моральной реальности. Будучи сверх-естественными, контр-фактивными, они не даны в опыте, но постигаются путем непосредственного интуитивного узрения. В своей работе «Принципы этики» Дж. Мур, один из основателей интуитивизма, отмечает, что добро – это метафизически простое и не сводимое ни к чему другому качество или свойство. Добро нельзя определить через что-то другое, но только через него самого. В этой связи весьма характерна т. наз. «натуралистическая ошибка», где осуществляется попытка дать дефиницию добру путем редукции. Например, добро есть то, что приносит счастье, удовольствие, пользу, спасение, способствует выживанию, эволюции, прогрессу, etc. Любая этика, где происходит отождествление добра с иным свойством или стремлением человеческой природы, впадает в эту логическую ошибку. Естественно, что стремление к счастью, преследование собственной выгоды, отбор сильнейших в конкурентной борьбе и т.д. может называться в какой-то степени добром. Но всё вышперечисленное не имеет отношения к «добру-самому-по-себе». Поскольку добро метафизически простая сущность, оно не раскладывается на части, атрибуты. По мнению Дж. Мура, только с помощью интуиции человек получает знание о моральных ценностях, однако все попытки вербализировать это знание приводят к ошибке. «На вопрос «что такое добро» я скажу, что добро – это добро, и это весь мой ответ. На вопрос «как следует определять добро?» я отвечаю, что это понятие не может быть определено, и это всё, что я могу сказать про него. Добро такое же простое понятие, как и понятие «жел-

тое», что как невозможно кому-нибудь, кто ещё не знает, что такое «желтое», объяснить, что это такое, так невозможно в аналогичной ситуации объяснить, что такое «добро». «Желтое» и «добро», говорим мы, не суть комплексы: они – простые понятия, на которых построены дефиниции и на которых заканчивается дальнейший процесс дефиниции» [5, с. 62-63].

Идеи Дж. Мура развивает основатель «деонтологического интуитивизма» Уильям Давид Росс (William David Ross). В работе «Справедливость и добро» («The right and the good») Росс пишет о том, что долг (обязанность), а следовательно и ценность, реализации которой служит выполнение долга, не зависит от прагматических целей. Существуют ситуации, когда человек действует вопреки своему интересу и даже вопреки инстинкту выживания, спасая другого человека и при этом рискуя жизнью. Дальше Росс утверждает, что «как в этике, так и в математике у нас есть кристально чистые интуиции, на которых мы выстраиваем всё, что мы можем знать про природу чисел и про природу долга... Мы постигаем моральное знание таким образом, каким постигаем математические аксиомы» [6, р. 19]. Точно также как и Дж. Мур, У. Росс убежден, что словам «добро», «правильно», «следует» невозможно дать определения и обозначить их через другие понятия. Существует система объективных моральных истин, но они открываются не с помощью простого наблюдения и не выводятся логически из каких-то утверждений, но открываются «интуитивным актом человеческого разума». «Существует два класса предикатов – первые могут быть исследованы с помощью опыта, а вторые – с помощью прозрения (insight), и давайте согласимся, что справедливость и добро принадлежат ко второму классу» [6, р. 24].

Вышесказанное демонстрирует, что наше знание моральных первопринципов основывается не на правильных логических обоснованиях и разумных объяснениях, а на интуитивном видении (усмотрении) объективной моральной реальности должного, которая отделена от сущего. Сама ценность, как мы уже видели, не есть эмпирическим фактом, не фиксируется в дефиниции и находится по ту сторону обычного повседневного (нефеноменологического) опыта. Это наталкивает нас на понимание метафизической природы ценности и осознание глубинной связи между этикой и метафизикой, истиной и добром. Говоря о подобных параллелях, следует опереться на позицию Ф. Ницше, который подчеркивал, что основные категории метафизики (истина, единство, цель) суть «верховные ценности». Воля к власти, с точки зрения философа, наделяет всё сущее единством, приписывает ему смысл, цель, истину. Не находя смысл и истину в эмпирической действительности, человек подсознательно размещает их в созданном воображаемом мире. «Доброму человеку» хотелось бы, чтобы высший

смысл и истина существовали как безусловные идеалы, перед которыми можно склонить голову и получить четкую цель (программу) жизни. М. Хайдеггер, реконструируя ход мысли Ф. Ницше в работе «Европейский нигилизм», акцентирует на том, что истина выступает моральной категорией, а воля, которая спроектировала истину в идеальный сверхчувственный мир, является моральной волей: «Если истина, то есть истинное и действительное, выводится в некий самосуший мир, то это истинное сущее выступает как нечто такое, чему должна покориться человеческая жизнь. Истинное есть само по себе должное и желаемое» [7, с. 105].

Теперь, отталкиваясь от метафизического подхода, в рамках которого ценносная сфера *par excellence* приравнивается к метафизической (сверхчувственной, сущностной, ноуменальной реальности), предлагаем рассмотреть понятие добра через дихотомию «добра-для-нас» (конкретной культурно-исторической традиции понимания добра и соответствующих этому пониманию практик) и добра-самого-по-себе – «трансцендентального означаемого» (Ж. Деррида) по ту сторону любого дискурса. Если добро понимать как ценность саму по себе, (а не как конкретное жизненное благо), то оно предстанет перед нами в качестве трансцендентальной сущностной смысловой структуры, данной и заданной вневременной потенции, устоявшегося ценностного значения, которое может быть расшифровано в пространстве и времени данной культуры. «Добро-само-по-себе» является онтологичным гарантом потенциальной универсальности ценности и лежит в основе любого диалога и взаимопонимания как вне-дискурсивное начало. Двойственный характер «добра-самого-по-себе» заключается в том, что оно является одновременно трансцендентным (находится по ту сторону обыденного опыта возможного, рамки которого установлены здравым смыслом) и трансцендентальным (ценностное значение не производится *ex nihilo*, а открывается как уже существующее, предваряющее любой опыт). В акте «аксиологической интенциональности» (Э. Левинас) личность созерцает то, что априори лежит в основе этой аксиологической интенциональности. Таким образом, ценность «добра-самого-по-себе» есть «куда-и-откуда аксиологической интенциональности». На наш взгляд, ценностный дискурс вообще не мог бы иметь место, если бы не существовало связи между ценностным «бытием-в-себе» и «бытием-для-нас». Это означает, что в онтологическом смысле ценностные смыслы нашей культуры становятся значимыми через причастность (сопричастие) к универсальным «смыслам-в-себе». Ничто не будет провозглашено в обществе нормальным и ценным (значимым), если пусть и нетематически, не будет сопоставлено с универсальными ценностями самими по себе. Это скрытое неразвернутое сопоставление, с нашей точки зрения, по сути, и легитимирует ценно-

сти любой культуры.

Теперь продолжим наши размышления про природу ценности в свете пост-метафизического подхода. Выше говорилось о том, что если ценность вообще лежит по ту сторону дискурса и не является фактом, то это означает, что она принадлежит к «сущностным структурам реальности» (П. Тиллих), к ноуменальной сфере. Но если мы отрицаем метафизику, область сверхчувственного и ноуменального, тогда на месте верховных ценностей и «добра-самого-по-себе» остается пустота, не-ценность, Ничто. Вообще сегодня, в «пост-метафизическую эпоху» (Ю. Хабермас) любое вопрошание о ценности автоматически порождает проблему Ничто. Но как именно нам следует понимать Ничто?

Вариант первый нам предлагает Ф. Ницше и атеистический экзистенциализм. Тут можно говорить про Ничто как «дыру на месте Бога» (Ж.П. Сартр), пустоту, оставшуюся на месте бывшего смысла, сущности, ценности, цели, гарантом которых выступала идея Бога. Ничто в данном случае выступает как абсурд, отсутствие смысла (смысловой хаос), ситуация обесценивания. Согласимся с Ф. Ницше в том, что этика связана с метафизикой (т.к. истина всего сущего как предмет метафизики выступает моральным идеалом). Соответственно, демонтаж концепта «истина» путём провозглашения «смерти бога», смерти всего сверхчувственного приводит к уничтожению универсальных моральных идеалов, обесцениванию ценностей. На наш, взгляд, подобный нигилизм, отрицание метафизики сверхчувственного и «верховных ценностей», весьма разрушителен для этики и морали. Вспомним Ф. М. Достоевского, который предостерегал о катастрофических последствиях нигилизма, как для личности, так и для общественной жизни в романе «Братья Карамазовы» (В скобках заметим, что на самом деле «смерть бога» может означать лишь смерть «идеи бога» в культуре, конец наших прежних представлений о боге как об абстрактном первопринципе, но не смерть самого Бога. Как мы увидим дальше, Бог возвращается в европейскую культуру через понятие «ничто»).

Второй (более продуктивный) вариант трактовки Ничто предлагает М. Хайдеггер. Для него Ничто - это не-сущее, бытие, пустота, благодаря которой сущее становится сущим. Это свет, который делает всё сущее видимым, непотаённым, несокрытым, истинным («алетейя»). В трактатах «Что такое метафизика?», «Поворот», «Вещь» философ утверждает, что в определенных обстоятельствах (например, в пограничной ситуации ужаса) человеку открывается Ничто как абсолютно иное по отношению к сущему, как то, благодаря чему сущее есть сущим. М. Хайдеггер пишет, что «чистое бытие и чистое ничто – это одно и то же» [8, с. 27]. В опыте Ничто мы получаем опыт сущего как такового. На основе Ничто человек как присут-

ствие, как бытие-в-мире может вникнуть в сущее. Моральный аспект этого учения заключается в том, что «без трансценденции, без открытости Ничто нет никакой самости и никакой свободы» [8, с. 18]. Итак, ничто – это условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия. Ничто есть высшей ценностью, ибо мы способны вступать в отношения с сущим, быть экзистенцией лишь благодаря опыту Ничто. Далее, настоящее знание Ничто имеет не дискурсивную, а интуитивную природу. Поэтому неслучайно, размышляя над бытием-ничто, Хайдеггер использует метафору озарения. Момент озарения светом намного важнее, чем схватывание мыслью отдельных предметов. Но это озарение нам не подвластно, мы не можем его обеспечить, привести в наличие. Из этого следует, что трансценденция никогда не бывает чистой самотрансценденцией. Мы способны лишь правильно настроиться, подготовиться к бытию как к тишине, молчанию, пространству, которое впускает в себя вещи. Но когда произойдет это событие (со-бытие), когда бытие озарит нас своей мгновенной вспышкой, мы не знаем. Хайдеггер пишет о Ничто как о ближайшем к нам и простейшем. В тоже время уловить его трудно из-за «постава», неверной экзистенциальной установки, которая буквально «загромождает» проход к этому ближайшему. Отказ от «постава» связанный с определенной моральной добродетелью – пониманием того, что человек не владелец земли, управляющий и распоряжающийся природными богатствами, корыстно относящийся ко всему сущему, но «пастух бытия». Это и будет правильной настроенностью/расположенностью, верным пониманием. Согласно Хайдеггеру, кто не имел интуитивного опыта бытия и не был изумлен бытием, утрачивает свою человечность. Моральным заданием человека становиться подготовиться к встрече с бытием, к мгновенному событию, в котором бытие сбывается в своей истине. Ведь именно человек – это место, где бытие может состояться, сбываться, осветить все сущее и показать каждому его настоящую сущность. «Бытие (Sein) существует не для человека, но человек существует, в лучшем случае, для бытия ... в том смысле, что таким образом он отвоёвывает для себя свою собственную сущность» [9, с. 111].

В свою очередь возможны различные трактовки хайдеггеровского Ничто. Во-первых, Ничто совпадает с представлениями о Дао, пустоте как основе вселенной. Подобный взгляд на Ничто (как на трансцендентную основу мира, а не как на небытие Парменида) близок дальневосточной философской традиции – даосизму, дзен-буддизму. Во-вторых, существует и другая трактовка, высказанная в своё время греческим философом и богословом Христосом Янарасом, согласно которой Ничто у Хайдеггера сближается с Ничто у Дионисия Ареопагита. В традиции апофатического богословия Ничто, лежащее по ту сторону сущего – это сфера трансцендентно-

го Бога. Современный украинский исследователь А.В. Александрова справедливо отмечает, что «Хайдеггер словно воскрешает исихазм, утверждая, что ничто является основой для трансценденции сущего» [10, с. 80].

Завершая нашу статью, хотелось бы отметить, что тематизация Ничто как ценности и ценности как Ничто, если понимать последнее как невыразимую божественную реальность или как «царство бытия» (Дж. Сантаяна), демонстрирует невозможность деконструкции метафизики. Вопрос о Ничто как высшей ценности, мы тем самым превращаем его в «что», делаем предметом рефлексии то, что в своей глубинной сути стоит «за спиной» рефлексии. Конечно, нам может приоткрыться Ничто (то, как оно есть на самом деле), в сверхъестественном сверх-дискурсивном озарении. Но если оставаться в рамках академической философии, мы не можем рационально помыслить Ничто (бытие), не определив его в понятии, т.е. не свести чистое бытие к бытию сущего. Представляется, что намеченная М. Хайдеггером и продолженная постмодернистами пост-метафизическая онтология, в которой должен быть преодолен сущностный (субстанциальный) подход, неизбежно разворачивает философский дискурс обратно к метафизике сущности и метанаративам (истине, логосу, телосу, единству).

Список литературы

1. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / [Пер. под ред. С. И. Гессена]. – М.: Республика, 1992. – 128 с.
2. Витгенштейн Л. Tractatus Logico-Philosophicus. – СПб: АСТ, 2009. – 114 с.
3. Carnap R. The logical structure of the world. Berely and Los Angelos, 1967. – 216 p.
4. Бергсон А. Введение в метафизику // Анри Бергсон. Творческая эволюция. Материя и пам'ять ; [Пер. с франц. В. Флеровой и И. Гольденберг]. – Мн.: Харвест, 1999. – 370 с.
5. Мур Дж. Принципы этики / [Пер. с англ. Коноваловой Л.В. Общ. ред. Нарского И.С]. – М.: Прогресс, – 1984. – 155 с.
6. Ross W. D. The right and the good. – N. Y., 1984. – 170 p.
7. Хайдеггер М. Европейский нигилизм / [пер. с нем. В. В. Бибихина] // Время и бытие. Статьи и выступления. – СПб: Наука, 2007. – С. 87-244.
8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / [пер. с нем. В. В. Бибихина] // Время и бытие. Статьи и выступления. – СПб: Наука, 2007. – С. 23-38.
9. Дугин А. Мартин Хайдеггер: философия другого начала. – М.: Академический проект, 2013.- 400 с.
10. Александрова А. В. Отчуждение как форма развития культуры. – К.: Самбатас, 1997. – 282 с.

Федорова Л. В.,

*соискатель кафедры национальных и федеративных отношений
РАНХиГС при Президенте РФ*

Урало-Сибирь как «месторазвитие» евразийской цивилизации (Тезисы работы)

Как известно, на территории Урало-Сибири уже в III-II тыс. до н. э. автохтонные племена смешиваются с пришлыми носителями афанасьевской культуры, появляются поселения. Далее следуют культуры окуневская, андроновская, пазырыкская, карасукская, тагарская, таштыкская.

В этом месте проходит линия стыковки «лесной» восточно-европейской плиты с азиатской «нагорно-степной» сибирской платформой. Очаги цивилизаций – поселения и города, возникают и развиваются вокруг сакральных объектов, которые возводятся в местах тектонических изломов, геомагнитных аномалий, где периодически происходят необычные природные явления. Вблизи них появлялись захоронения, некрополи, поселения и городища.

Во всех вновь прибывающих культурах, начиная с афанасьевской, присутствует антропологически европеоидный и культурно-иранский компоненты. Европеоидный компонент объясняется прибытием в это место динлинов. Л. Н. Гумилев в своей работе «Динлинская проблема. Пересмотр гипотезы Г. Е. Грумм-Гржимайло в свете новых исторических и археологических материалов» говорит, о том, что «Наследники динлинов - енисейские кыргызы во II тысячелетии до н. э. были поглощены монголами с юга и уграми с севера»¹. Предками динлинов могли быть племена, населявшие еще в III тыс. до н. э. предгорные долины Тибето-Куньлуня, южные стороны пустынь Гоби и Такла-Макан. Они «спустились» туда в еще более раннее время с горных долин гималайского Каракорума.

Прибывая в район Урало-Сибири, протоарии осваивались вдоль линии стыковки восточно-европейской плиты с азиатской сибирской платформой, богатой железной рудой, создавая радиальные кузнечные города-храмы аналогичные на южной прародине. Нужно отметить, что при обосновании «арийскости» культур прибывших, исследователи нередко приводят доводы из Авесты, Ригведы, Махабхараты, Рамаяны и т. д. Но есть, возможно, более древний и обширный материал эпико-мифологической традиции самих народов Урало-Сибири – тюрков, монголов, финно-угров, к которым не так часто апеллируют исследователи. В эпосах урало-сибирских народов России ярко описываются места пребывания первопредков на южной родине. Автор предполагает, что они пребывали в месте «налезания» горностепной евразийской на лесную индийскую, в районе гималайского Каракорума. Это район - месторазвитие протоарийской цивилизации, откуда процесс исхода начался еще в неолите, в VIII-VI тыс. до н.э., с времени начала разложения первобытнообщинного строя в этом регионе.

1. Известия Всесоюзного Географического общества СССР. 1959. № 1. С. 17, 26.

Наличие генетических маркеров сибирских народов и викингов в людях Таримского бассейна, живших 4 тыс. лет назад, выводы генетиков о смешении европеоидов и монголоидов более 4 тыс. лет назад до того как они оказались в этом месте, междисциплинарный анализ и систематизация материалов, указывают на высокогорные долины и плато Каракорума-Гималаев как изначальное место пребывания кочевников-протоариев, а прилегающие нижние долины как место их смешения с протокитайскими и протоиндийскими племенами.

Это положение подтверждается последними выводами как генетиков, так и лингвистов. С. Ли в своей статье «Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age» пишет, что митохондриальный анализ ДНК показал, что люди Xiaohu из захоронений в Таримской впадине несли как восточноевразийскую гаплогруппу (С), так и западные евразийские гаплогруппы (Н и К), тогда как анализ ДНК Y-хромосомы показал только западную евразийскую гаплогруппу R1a1a в мумиях людей мужского пола¹. А. Ш. Султанов, ссылаясь на работы генетиков, в т. ч. Питера Андерхилла, утверждающих, что восточно-европейский субклад R1a1a7 в Индии отсутствует, и что он возник в Восточной Европе после периода появления ариев в Индии, полагает, что никаких древних миграций из Восточной Европы в Индию не было, речь может идти лишь о древней миграции R1a1a из Азии в Европу².

А. В. Маловичко, Ю. Д. Арепьев в статье «Где могла быть родина ностратиков?» отмечают, что именно с районов Тибета-Каракорума, древние представители ностратической семьи языков - прапредки многих современных евразийских народов двинулись в разные стороны света³.

Обзор соответствующих археологических памятников на территории Урала и Сибири, разворачивает перед нами картину появления протогородов, очагов евразийской цивилизации. Радиальность, округлость протогородов Сибири описывает Л. Р. Кызласов в работе «Первогорода древней Сибири»⁴.

В прилегающей к южной Сибири северной полосе степей Казахстана обнаружены «протогорода», большие поселения эпохи бронзы - Кент, Бугул, Мыржик, Кент. В то же время в Центральном Казахстане существовали другие крупные металлургические и гончарные поселения - Атасу I, Мыржик, Шортанды-Булак. В наиболее ранних городах железного века в Зауралье, относящихся к VII-V вв. до н. э., исследованы останки производственных сооружений, свидетельствующих об интенсивно развивающемся ремесле и базовом металлургическом производстве.

Таким образом, Урало-Сибирь, современные сопредельные территории России и Казахстана, с тех незапамятных времен в результате прибытия южных кузнечно-скотоводческих протоарийских племен и возведения ими металлургических храмов-протогородов, стали месторазвитием евразийской цивилизации.

1. URL: www.biomedcentral.com/1741-7007/8/15

2. Султанов А. Ш. Фактор идеологии в формировании и развитии новой государственности Республики Таджикистан. М., 2013.

3. URL: www.lah.ru/text/arepjev/nostr.htm

4. Кызласов Л. Р. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1999. № 3. - С. 96-129.

Терновая Л.О.,

*доктор исторических наук, профессор МАДИ
(Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет)*

Решающие минуты в международной жизни

Минута: минушая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж -
Что завтра б - вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось...

Марина Цветаева

Слово «минута» - латинского происхождения. Оно имеет такой же корень, что и слово «минимум», т.е. малый, наименьший. Это объясняет, почему во многих языках, значение минуты соответствует мгновенью, малости, мигу. Разделения часа на такую малость позволяло людям четко фиксировать состояние каждого мгновения, выделяя те, которые можно было считать поворотными в истории, определяющими как позитивный, так и трагический ход дальнейших событий. В стихотворении «Цицерон» (1836) Федор Иванович Тютчев называет такие минуты роковыми.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

О чем это стихотворение? О том, что эпоху перемен жить непросто, однако, именно в такое время человек может полностью реализоваться, уви-

дев и поняв ход исторических событий, столкнувшись с необходимостью вершить не только свою судьбу, но и судьбы мира. Отсюда понятна важность фиксации минуты, проявления точности, пунктуальности в определении того мгновения, когда требуется начать какое-либо ответственное дело. Ощущение того, что оно входит из стадии проекта в стадию воплощения минута в минуту, позволяет ожидать реализации намеченного. Но вот когда говорится, что событие должно начаться с минуты на минуту, уже ничего нельзя предсказать, каким будет ход развития.

Ценность минуты можно считать ценностью, пришедшей с опытом человеческой жизни, порой горьким, приобретаемым не в труде или отдыхе, а на войне. В военном деле есть не только потребность в быстроте действий в первую очередь на поле боя, но и в обеспечении возможности совершения таких действий. Во время Войны за независимость США (англ. Revolutionary War) ополченцы из числа североамериканских колонистов по первому сообщению о нападении быстро («в одну минуту») собирались, что дало им их название - минитмены (англ. minutemen). Численность минитменов доходила до 13 тысяч бойцов, являвшихся в основном молодыми фермерами. Они участвовали в борьбе и с английскими королевскими войсками, и с индейцами. Из отрядов минитменов была создана Континентальная армия¹. В США установлен памятник Джону Паркеру, герою этой войны, командиру отряда патриотов в первой битве с англичанами при Лексингтоне (1775). В XX в. в США так было названо семейство твердотопливных межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования, а также была создана негосударственная организация с аналогичным названием.

То, что в войне есть не только решающие дни, но и минуты, общеизвестно, но что войны вообще могут протекать за считанные минуты, представить трудно. Однако самая короткая война в истории длилась всего 38 минут, за что сведения о ней занесли не в школьные учебники, а в Книгу рекордов Гиннеса. Эти скоротечные военные действия развернулись в Занзибаре в конце XIX в., который в то время находился во власти Великобритании. Началась война с того, что в 1896 г. занзибарский султан Халид ибн Баргаш захотел дать своей стране независимость и выйти из-под британского контроля. Султан собрал крохотную армию, насчитывающую всего из 2,5 тысяч человек. Кроме старой пушки XVI в., не было иного вооружения. В ответ на милитаристские действия Халид ибн Баргаша британцы выдвинули ультиматум, согласно которому все воины Занзибара должны

1. Wills G. A Necessary Evil: A History of American Distrust of Government. N.Y., 1999. P. 33.

были капитулировать не позднее 9 утра 27 августа 1896 г. Отвергнув ультиматум, занзибарские войска погрузили свое единственное оружие на единственный имеющийся корабль – яхту «Глазго», и вышли в море, где у берегов архипелага их уже ждали пять английских фрегатов. Ровно в 9 утра 27 августа британцы начали обстрел берегов. Спустя несколько минут с яхты «Глазго» раздалась ответные залпы. Но перекрестный огонь с британских кораблей в один миг затопил занзибарский корабль. Тем не менее, пока яхта шла под воду, с нее продолжали стрелять. Через половину часа «Глазго» полностью ушла под воду, а все сооружения на береговой линии Занзибара были уничтожены. Флаг же архипелага продолжал гордо развиваться над дворцом. Еще 15 минут понадобилось британским воинам на то, чтобы полностью выжечь берег. Обстрел продолжался до тех пор, пока выстрелы противника перестали раздаваться. Когда британцы разрушили флагшток, и флаг был больше не виден, Халид ибн Баргаш понял, что получил поражение, ретировался с поля бои и попросил убежища в германском консульстве. В итоге бой длился всего 38 минут (по другим данным 45 минут). Погибло 570 занзибарцев. Героическая попытка султана Занзибара дать независимость архипелагу стала называться самой короткой войной в мире за всю историю. После этой короткой войны султан до 1916 г. жил в Дар-эс-Саламе, где его и схватили англичане, а умер в 1927 г. в Момбасе.

Во время войны ценными бывают как минуты, от решимости бойцов в которые зависит исход битвы, так и минуты затишья. О них пишутся стихи, слагаются песни, которые говорят о войне и через долгие годы после боевых действий не меньше, чем сводки с фронтов. Минуты затишья становятся временем для размышлений о причинах войны, ее возможных последствиях. Например, Валерий Брюсов собрание своих поэтических и прозаических откликов на современные ему политические события и размышления о мировой политике связывал с такими минутами истории¹.

Войны заканчиваются. Стороны подсчитывают жертвы. Но память о погибших не уходит, ее важно передать следующим поколениям. Поэтому возникновение символического ритуала «Минута молчания», когда участвующие в нем, стоя и не произнося речей, не разговаривая друг с другом, чтят память, было значимым явлением в закреплении памяти о каком-либо трагическом событии и погибших в нем людях. Идею пятиминутного поминального молчания в День перемирия память погибших в Первую мировую войну в мае 1919 г. изложил в письме в газету «The Times» австралийский журналист Эдвард Джордж Хани. Но пятиминутный ин-

1. Брюсов В.Я. В эту минуту истории. Политические комментарии 1902-1924. М., 2013.

тервал посчитали слишком долгим периодом, в то время как одна минута показалась слишком короткой. Поэтому были приняты две минуты молчания. Сейчас в дни памяти погибших на фронтах Минута молчания, как правило, длится менее одной минуты.

В СССР ритуал «Минута молчания» появился через двадцать лет после Второй мировой войны - 9 мая 1965 г. Люди, участвовавшие в его создании, прекрасно понимали, что говорить они будут от имени живущих и в память о погибших товарищах и родных. Многие из них, прошедшие и пережившие войну, не могли себе позволить ни грамма фальши, понимая «Минуту молчания», как долг перед собственной памятью. Такой долг отдается воспоминаниями о близких, вглядыванием в старые фотографии, чтением фронтовых писем, рассказами о прошлом или просто молчанием. Именно так и задумывалась в 1965 г. традиция «Минуты молчания» в День Победы 9 мая. С тех пор изначально 17-минутная передача-ритуал много раз изменялась, переписывалась, сокращалась. В наши дни перед семью часами вечера мы видим и слышим лишь 5-минутный ее вариант. Ритуал «Минута молчания» есть во многих странах. Он всегда и везде служит мощным инструментом объединения нации.

Есть и традиция международной минуты молчания, своеобразной глобальной молитве о мире. «Минута молчания Биг Бена» (англ. Big Ben Silent Minute) ведет историю от молитвы о мире, которую придумал Уэлсли Тудор Поул, майор британской армии и основатель благотворительного общества Chalice Well Trust («Колодца Чаши Грааля») в Гластонбери в Англии, который считал, что «нет на свете большей силы, чем объединение на духовном уровне всех людей доброй воли. И поэтому принятие и распространение Минуты молчания является жизненной необходимостью в интересах благополучия рода человеческого»¹. Во время Второй мировой войны, перед вечерними новостями, когда Биг Бен бил 21.00, тысячи людей в Великобритании и странах-союзниках объединялись для совместной молитвы о мире. В тяжелые военные дни «Минута молчания» превратилась в огромную сеть света и надежды, связывающую воедино сердца всех людей, мечтающих о мире. Эту инициативу поддерживали король Георг VI, Уинстон Черчилль и британский парламент. Также она была одобрена президентом США Франклином Д. Рузвельтом. «Минуту молчания» можно было наблюдать на суше и на море, на полях сражений, в убежищах и госпиталях. При поддержке Черчилля английское отделение ВВС начало радиотрансляцию звона Биг Бена, возвещая тем самым начало «Минуты молчания».

1. <http://www.thesilentminute.org.uk/brochures/russian.pdf>.

В 1994 г. Дороти Фостер возродила «Минуту молчания» и зарегистрировала ее как благотворительную организацию «The Big Ben Silent Minute Charity». С помощью соратников она добилась того, что миллионы людей стали молиться вместе, находясь при этом в разных уголках планеты, генерируя мощную совместную мысль о мире на всей земле. Цель «Минуты молчания» в приглашении всех людей, где бы они ни находились, независимо от возраста, вероисповедания, национальности, замолкать хотя бы раз в день, желательно в 9 вечера или в любое другое удобное для них время. Для этого не нужны какие-то особые слова или специальная молитва. Но они могут быть и такими: «Источник моего бытия, помоги мне жить в мире и спаси мой дом – планету Земля».

Столько же, сколько значима память о погибших в войнах и вооруженных конфликтах, важно не допустить развязывания новой войны. Отсюда следует необходимость тщательного анализа случаев, когда мир стоял в минуте от катастрофы - глобальной ядерной войны - из-за ложного срабатывания систем предупреждения о ракетном нападении. Помимо хорошо описанного в научной и популярной литературе Карибского кризиса (1962), известны четыре таких случая. Два из них связаны с работой советской Системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН). И также два - с американской системой раннего предупреждения¹. Каждый из этих инцидентов длился не более десяти минут. В течение них высшему политическому и военному руководству СССР/России и США приходилось принимать сложнейшие решения, ибо в случае реальности угрозы необходимо было немедленно инициировать ответно-встречный удар до того, как ракеты противника успели бы уничтожить большую часть ядерного потенциала страны. В трех случаях решение об отмене тревоги было принято благодаря данным, полученным со спутников раннего предупреждения, причиной четвертого случая - наоборот, стал ложный сигнал с такого спутника.

Первый случай. Около 9:00 9 ноября 1979 г. компьютеры Национального центра управления Объединенного командования аэрокосмической обороны Северной Америки (NORAD), расположенного в бункере в недрах горы Шайенн, Национального командного центра в Пентагоне и Запасного национального командного центра в Форт-Ричи выдали сообщение о том, что СССР начал нанесение массивного ядерного удара с целью уничтожения системы управления и ядерных сил США. Немедленно на всех трех командных пунктах было начато совещание с участием высокопоставленных

1. Валагин А. Пять историй о том, как военные спасли мир // Российская газета. 2013. 26 сентября.

военных чиновников. На пусковые установки МБР «Минитмэн» поступила команда подготовки к запуску. Была объявлена тревога по всей системе ПРО, как минимум десять перехватчиков были немедленно подняты в воздух. Также был поднят в воздух самолет президентского воздушного командного пункта – «Самолет Судного дня», правда, без самого президента на борту. В течение нескольких минут после поступления сигнала о нападении военными были проверены исходные данные, поступившие со спутников раннего предупреждения и радаров, окружающих территорию США. Ни одна из систем не обнаруживала признаков ракетного нападения, поэтому тревога была отменена. Позднее было установлено, что причиной инцидента стала компьютерная лента, предназначенная для отработки действий при ракетном нападении, которая была ошибочно загружена в компьютер, находящийся на боевом дежурстве.

Второй случай. 3 июня 1980 г. на командные пункты США вновь поступило предупреждение о ракетном нападении. Опять на пусковые установки МБР «Минитмэн» поступила команда подготовки к запуску, а экипажи стратегических бомбардировщиков заняли свои места в самолетах. На этот раз компьютеры не выдавали четкой и связной картины нападения, как в предыдущем случае. На экранах отображались постоянно меняющиеся цифры количества запущенных ракет. И на разных командных пунктах эти цифры не всегда совпадали. Хотя многие офицеры не отнеслись к этому инциденту так серьезно, как к предыдущему, было опять созвано экстренное совещание, чтобы оценить возможность того, что нападение реально, проверены исходные данные со спутников и радаров, которые показали отсутствие факта ракетного нападения. Позже установлено, что причиной инцидента стал сбой одной микросхемы в компьютере, приведший к отображению случайных чисел вместо количества запущенных ракет.

Третий случай. 26 сентября 1983 г., по некоторым другим данным, в июле того же года, незадолго до этого поставленный на боевое дежурство спутниковый эшелон советской системы предупреждения о ракетном нападении выдал сообщение о нападении со стороны США. Спутники, находившиеся на высокоэллиптической орбите, наблюдали за районами базирования американских ракет под таким углом, что они находились на краю видимого диска Земли. Это позволяло обнаруживать стартующие ракеты на фоне темного космического пространства и определять факт запуска по инфракрасному излучению работающего ракетного двигателя. Такая конфигурация была выбрана, чтобы снизить вероятность засветок датчиков спутника отраженным от облаков или снега солнечным

светом. Однако в этот день после полудня спутник, район базирования американских ракет и Солнце оказались расположены так, что солнечный свет сильно отражался от облаков, расположенных на больших высотах. Возможно, то был первый подобный случай на принятой за год до этого на вооружение системе. Спутник передал сообщение о запуске нескольких ракет с континентальной части США. Радарное наблюдение не могло подтвердить этого, так как «ракеты» находились еще слишком далеко. Поскольку советское военное руководство считало, что нападение США должно иметь массированный характер, чтобы вывести из строя советские командные пункты и уничтожить большую часть ядерного потенциала страны, а запуск всего лишь нескольких ракет не укладывался в эту картину, не было дано команды на нанесение ответного ядерного удара. В 1998 г. сообщили, что тревога 26 сентября 1983 г. была признана ложной решением оперативного дежурного подполковника С.Е. Петрова. Позже он стал обладателем нескольких редких наград - например, хрустальной статуэтки «Рука, держащая земной шар» с выгравированной надписью «Человеку, который предотвратил ядерную войну» от ООН и Ассоциации граждан мира или Дрезденской премии, вручаемой за предотвращение вооруженных конфликтов.

Четвертый случай. Рано утром 25 января 1995 г. норвежские ученые при поддержке американцев произвели запуск самой крупной до сих пор метеорологической ракеты с острова Аннёя у побережья Норвегии. Ракета, предназначенная для изучения северного сияния, в конструкции которой использовалась первая ступень от американской тактической ракеты «Онест Джон», поднялась на высоту более 580 км. При наблюдении российским радаром СПРН траектория этого полета оказалась сходной с траекторией американской ракеты «Трайидент» Д-5, запущенной с борта подводной лодки. Такая ракета могла использоваться для высотного ядерного взрыва, что временно вывело бы из строя российские радары системы предупреждения о ракетном нападении. Высотный взрыв рассматривался как один из вариантов начала массированной ядерной атаки американцев. Запуск норвежской ракеты поставил мир перед угрозой обмена ядерными ударами между Россией и США. На следующий день Б.Н. Ельцин заявил, что он впервые задействовал свой «ядерный чемоданчик» для экстренной связи со своими военными советниками и обсуждения ситуации.

Иногда событие растягивается больше, чем на 60 минут, но его особое значение не позволяет его исчислять дробными долями времени – часами и минутами. 11 сентября 2001 г. в 8:46 утра четырнадцать тысяч сотруд-

ников пришли во Всемирный торговый центр, чтобы начать свой рабочий день. Никто не знал, что их ждала другая судьба. Последующие 102 две минуты сделали их героями - участниками одной из самых ужасных трагедий в истории человечества¹. Но совсем по-иному воспринимаются минуты, если речь идет о минутах торжества, например, о первом полете человека в космос, когда на советском корабле «Восток» 12 апреля 1961 г. на орбиту стартовал первый землянин Юрий Гагарин. Его полет продолжался 108 минут, открывших новую космическую эру.

В информационном обществе минута становится своеобразным измерителем информации, поскольку за это время можно и услышать, и увидеть что-то значимое. Так, продолжительность брифинга обычно не более 15-30-ти минут. Но еще в конце XIX в. в Санкт-Петербурге издавалась ежедневная политическая и литературная газета «Минута», являвшаяся образцом «мелкой прессы». В газете помещались передовые статьи по всем общественным вопросам, а также публиковались мнения компетентных и образованных людей. Во многих городах газета имела своих корреспондентов. Последняя страница газеты всегда была посвящена легким юмористическим сценам, стихотворениям, шуткам и эпиграммам. В составе редакции помимо провинциальных корреспондентов, участвовали до пятидесяти лиц, имена которых были известны постоянным читателям газеты. В 1890 г. «Минута» перешла к А.А. Пороховщикову, и в конце того же года была переименована в «Русскую Жизнь».

Нельзя забывать о роли минуты в международных переговорах. Последние минуты переговоров иногда даже называют «особым временем глупостей», потому что часто многие переговорщики на последней стадии переговоров теряют свои позиции, не замечая этого. Получив согласие на подписание долгожданного договора, опытный переговорщик, видя, что партнер соглашается с вносимыми предложениями, начинает выдвигать все новые и новые. Эта тактика, в частности, была использована премьер-министром Мальты Домиником Минтоффом в начале 1970-х гг. на переговорах с Великобританией по поводу размещения на территории Мальты воздушных и морских баз. Каждый раз, когда Великобритания считала, что соглашение уже достигнуто, ей говорилось: «Да, конечно, согласны, но есть еще проблема». В итоге эти небольшие проблемы обернулись для нее 10 миллионами фунтов стерлингов или гарантированием работы для всех докеров и рабочих баз на протяжении всего действия этого договора².

1. Дуайер Дж., Флинн К. Башни-близнецы. 102 минуты борьбы за жизнь. СПб., 2006.

2. Хатсон Д., Лукас Дж. Минута на размышление. Простой способ добиться успеха в переговорах.

В последнее время понимание минуты все больше уходит в личное пространство и личное время. Это наиболее тонко отразил Пауло Коэльо, написав в 2003 г. роман «Одиннадцать минут» (порт. *Onze Minutos*) о личном поиске истины¹. Героиня романа Мария, сознательная проститутка, считает, что именно такой жизненный путь позволит ей разобраться в собственной природе. А 11 минут, по наблюдениям главной героини, продолжается среднестатистический половой акт, помогающей ей выстраивать свою иерархию ценностей в окружающем мире. Можно спорить с героиней романа Коэльо о том, насколько интимные проблемы можно транслировать на более широкое пространство, чем пространство личной жизни. Однако в чем-то его логика близка к логике одного из создателей версальской системы международных отношений Жоржа Клемансо, который говорил, что лучшая минута любви - когда поднимаешься к любимой по лестнице. Возможно, и в мире, в международной жизни – лучшая минута протекает тогда, когда события только ожидаемы, но известно, что произойдут они точно, минуту в минуту.

Литература

1. Брюсов В.Я. В эту минуту истории. Политические комментарии 1902-1924 / Вст. Ст. В.Э. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2013.
2. Валагин А. Пять историй о том, как военные спасли мир // Российская газета. 2013. 26 сентября.
3. Дуайер Дж., Флинн К. Башни-близнецы. 102 минуты борьбы за жизнь. СПб.: Амфора, 2006.
4. Коэльо П. 11 минут. М.: Астрель, 2012.
5. Хатсон Д., Лукас Дж. Минута на размышление. Простой способ добиться успеха в переговорах. М.: Олимп-бизнес, 2011.
6. Wills G. A Necessary Evil: A History of American Distrust of Government. N.Y.: Simon & Schuster, 1999.

М., 2011.

1. Коэльо П. 11 минут. М., 2012.

Интеграционные процессы в Германии, и ее интересы в контексте европейской безопасности

Сразу после объединения, политики новой Германии неоднократно отмечали, что достижение государственного единства и полного суверенитета означают для Германии не только возросшую ее значимость в Европе и в мире, но при этом и внешнеполитическую ответственность. Таким образом, перед объединенной Германией на первоначальном этапе ее развития остро встает вопрос необходимости качественного функционирования институтов всех властей государства: законодательной, исполнительной и судебной. Другой проблемой нового государства, становится, посредничества между приматом внутренней политики и внешнеполитической ответственностью, а не перераспределения стратегического удельного веса германской внутренней и внешней политики.

Важнейшая роль в формировании и проведении европейской политики ФРГ и политики безопасности, принадлежит одному из важнейших институтов государства - Министерству иностранных дел. Исходные позиции для внешнеполитического руководства после объединения страны были амбивалентными: с одной стороны, прекратилось военно-блоковое противостояние на европейском континенте и исчез антагонизм Восток-Запад, в основе которых лежал крах социалистической системы, также была распущена Организация Варшавского Договора, а с другой – распад СССР имел следствием полнейшее разбалансирование всего европейского устройства в геополитическом, военно-стратегическом и экономическом измерениях. Инициировали же начало переосмысления немцами роли и места их государства в европейской и мировой политике, как признавался позднее в интервью Г.-Д. Геншер, война в Персидском Заливе и события на территории бывшей Югославии¹. В первом случае для министра иностранных дел пришло осознание того факта, насколько сильно могут быть затронуты интересы страны за пределами Европы и насколько тесно внешнеполитические шаги ФРГ связаны с ожиданиями ее партнеров и союзников. А вслед за эскалацией сербско-хорватско-мусульманской войны у министра окрепла убежденность в том, что без активного вклада Германии едва ли возможно строительство нового мирного порядка в пост-коммунистической Европе, причем одним из важнейших вопросов для германского внешнеполитического руководства стало то, насколько готова и готова ли, вообще, ФРГ

1. Genscher H.-D. Erinnerungen. Berlin: Siedler, 1995, S. 138.

взять на себя возросшую международную ответственность, включая использование ВС за пределами зоны ответственности НАТО¹.

Для МИД Германии «одной из самых актуальных задач стало определение новой роли и места Федеративной Республики в системе европейских координат. Возникновение на континенте целого ряда очагов вооруженных конфликтов и локальных войн, опасность проникновения в Европу исламского фундаментализма и международного терроризма, перенос центра тяжести с чисто оборонных аспектов в военно-политические и экономические области – все это вынудило немецкую внешнеполитическую элиту пересмотреть европейскую политику Германии, политику в области безопасности и выработать новые концептуальные императивы, исходя из реального политического и экономического веса ФРГ»². Министр иностранных дел высказался за новую региональную и глобальную ответственность Германии, отметив уже в сентябре 1991 г., что Федеративная республика возьмет на себя все права и обязанности, вытекающие из Устава ООН, включая меры коллективной безопасности, в том числе и с использованием вооруженных сил, в рамках чего не исключил министр и возможность изменения Основного закона страны³.

При Геншере и Кинкеле воссоединенная ФРГ еще только начала определять внешнеполитические приоритеты и интересы и, соответственно, формировать свою государственную внешнюю политику, и именно тогда стал делаться упор не на двусторонние военно-политические связи с США или Францией, а на многостороннее сотрудничество в рамках европейских интеграционных процессов, стала наполняться реальным содержанием сказанная еще в 1989 г. фраза Гельмута Коля: «Германия - наше отечество, Европа – наше будущее».

При соглашении об Договоре о Европейском Союзе, Германское внешнеполитическое руководство видело в нем, средство восстановления доверия к властным институтам Германии ее ключевых партнеров, которое было значительно поколеблено нерешительными действиями Германии во время войны в Персидском заливе и обособленной политикой в отношении Боснии и Герцеговины. В октябре 1992 г. новый министр иностранных дел Клаус Кинкель, после провала ратификационной процедуры в Дании и одобрения договора во Франции большинством всего в 1% голосов, подчеркнул долг Германии как самой густонаселенной и самой развитой экономической державы Европы «послать сигнал уверенности в общем буду-

1. Ibid. S. 156.

2. Гамзалов С. Д. Внешнеполитические интересы ФРГ и германская концепция европейской безопасности. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. № 4 (13), 2010. с. 47.

3. Мертес М. Немецкие вопросы - европейские ответы. М., Московская школа политических исследований, 2001, – с. 189.

щем нашим нерешительным европейским партнерам», что и было сделано, когда в декабре 1992 г. Германия уверенно ратифицировала Маастрихтский договор¹.

«Одной из самых неприятных для внешнеполитического руководства ФРГ проблем стали голоса влиятельных политиков во Франции и Великобритании, утверждавших, что Евросоюз станет орудием односторонних действий в руках чрезмерно могущественной Германии и неизбежно «будет подконтролен немецкому экономическому монстру». Усугублялась данная проблема беспокойством Франции относительно германских инициатив по расширению ЕС, поскольку, по мнению Парижа, принятие Австрии, Швеции и Финляндии в организацию положительным образом сказывалось только на безопасности и влиянии Германии, но никак не остальных членов ЕС, в особенности Франции. Кинкелю стоило больших усилий успокоить европейское общественное мнение и заверить своих коллег, что не германизированная Европа является стратегической целью немецкого правительства, а европеизированная Германия². Введение нового принципа институционального строительства – надгосударственности – означало для ФРГ важный шаг на пути к конечной цели европейских интеграционных процессов с точки зрения немцев – созданию федерации. Благодаря усилению наднационального характера и деятельности основных институтов ФРГ получила возможность реально влиять на законодательный процесс как в Европарламенте, который получил новые контролирующие функции, так и в Совете министров, где представители ФРГ имели наибольшее число голосов»³.

Большим достижением внешнеполитического руководства стало создание валютно-экономического союза на федеративной основе – учреждение Европейского центрального банка и введение единой валюты, что в значительной степени способствовало укреплению экономических позиций ФРГ⁴. Важное значение для усиления роли Германии имело закрепление в Маастрихтском договоре сотрудничества в области общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), а проведение совместных внешнеполитических действий в рамках ОВПБ представляло для Германии полезное многонациональное прикрытие для реализации ее собственных целей и обеспечения национальных интересов. В вопросе о роли и месте ЗЕС германская дипломатия заняла компромиссную позицию. Этот подход отражен в Маастрихтском договоре, который закрепил роль ЗЕС в

1. Там же, с. 201.

2. Мухина Я. Б. Российско-германские отношения и европейская безопасность / Власть. 2001, № 4, – с. 65.

3. Гамзалов С. Д. Указ. соч. с. 47.

4. Рюль Л. Интересы Германии требуют пересмотра. Новые задачи в области европейской безопасности // Международная политика. 1998, № 7, – с. 14.

качестве составной части ЕС и одновременно европейской опоры НАТО. Кроме того, по инициативе К. Кинкеля, был одобрен Пакт стабильности и роста (1997 г.), предусматривающий применение санкций за невыполнение Маастрихтских критериев. В пакте оговаривалась также необходимость реформирования единой внешней политики, вызванная, с точки зрения Кинкеля, тем, что Маастрихтский договор не содержал четкого разграничения полномочий между первой и второй опорами Союза, на которую возлагалось проведение общей внешней политики и политики безопасности. Кроме того, отсутствие единого центра по принятию решений, недостаток военных и финансовых ресурсов затрудняли достижение консенсуса и своевременное принятие совместных действий¹.

Министр иностранных дел высказался за новую региональную и глобальную ответственность Германии, что Федеративная республика возьмет на себя все права и обязанности, вытекающие из Устава ООН, включая меры коллективной безопасности, в том числе и с использованием вооруженных сил, в рамках чего не исключил министр и возможность изменения Основного закона страны².

На конференции в Турине германским дипломатам удалось согласовать противоположные позиции Франции и Великобритании в отношении роли ЗЕС, что нашло отражение в Амстердамском договоре о ЕС. Продвижением к федеративному союзу по германской модели можно было считать укрепление сотрудничества в области внутренних дел и юстиции в результате запланированного перехода к голосованию квалифицированным большинством по этим вопросам, а также включения Шенгенских соглашений в новый договор. Кроме того, увеличение подотчетности институтов ЕС и усиление защиты прав граждан должно было привести к демократизации политической деятельности Союза³.

Пришедшее к власти осенью 1998г. коалиционное правительство во главе с Г. Шрёдером в принципе подтвердило преемственность внешнеполитического курса кабинета Г. Коля, направленное на создание и укрепление образованных институтов интеграции в ЕС, заявив в своем коалиционном соглашении «Прорыв и обновление – путь Германии в XXI столетие»: «Новое правительство будет развивать основные принципы ранее проводимой внешней политики Германии: мирное и партнерское сотрудничество с соседями, укрепление трансатлантического партнерства, укрепление и расширение Европейского Союза, общеевропейское сотрудничество в рамках

1. Хухлындина Л. М. ЕС, ЗЕС, НАТО и проблемы европейской безопасности // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 1, – с. 17.

2. Мертез М. Немецкие вопросы - европейские ответы. М., Московская школа политических исследований, 2001, – с. 189.

3. Gemeinsamer Brief des deutschen Bundeskanzlers und des französischen Staatspräsidenten an den Vorsitzenden des Europäischen Rates // Jopp. M., Schmuck. O. (Hrsg.) Die Reform der Europäischen Union. - Bonn, 1996.

ОБСЕ, особая ответственность за демократию и стабильность в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе и поддержка поступательного развития во всех странах Юга»¹.

И. Фишер неоднократно отмечал, что Германия за последние годы приобрела больший вес и авторитет в мире, исходя из объективных геополитических показателей, что не может не учитываться, в первую очередь, самими немцами. Здесь реализуется принцип классической немецкой философии – свобода есть ответственность². Министр полагал, что полную свободу внешнеполитического маневра Германия может получить только при условии сохранения и приумножения традиции преемственности, предсказуемости, «разумного самоограничения и многостороннего представительства интересов». Более активно участвуя в международной политике, Германия, по мнению Фишера, не может и не должна действовать на односторонней основе или же предпринимать широкомасштабные действия, даже руководствуясь высшими ценностями: такая позиция может вызвать недоверие и опасения со стороны мирового сообщества³. Активная политика, по мнению министра, может касаться только интеграционных проектов (в региональном, европейском и мировом масштабах) и развития стратегии многостороннего участия в международных отношениях. Кроме того, тенденции глобализации в современном мире требуют от государств более тесного сотрудничества в области внешней политики и политики безопасности. По этим причинам германская внешняя политика должна руководствоваться главным постулатом: поддержка интеграционных устремлений и безусловное признание верховенства права⁴.

Европейская, единая валютно-финансовая политика ЕЦБ, в которой ФРГ стала иметь первостепенное значение, способствовала укреплению международных позиций Германии. Преемственность политики ФРГ в области общей внешней политики и политики безопасности проявилась и в желании ее внешнеполитического руководства во главе с Фишером включить ЗЕС в Евросоюз и перенести решение вопросов, связанных с проведением общей внешней политики, на наднациональный уровень. Фишер закрепил ведущую роль ФРГ в институтах Союза, добившись наибольшего количества мест для германских депутатов в Европарламенте. Предложения Германии были направлены на оптимизацию внутренней структуры

1. Koalitionvereinbarung zwischen der SPD und Bündnis 90/ Die Grünen. 20.10.1998. // <http://archiv.spd.de/politik/koalition/übersicht.html>

2. Речь Министра иностранных дел Федеративной Республики Германия И.Фишера на собрании членов Германского общества внешней политики 24 ноября 1999 года в Берлине. // www.deutschebotschaftmoskau.ru/ru/aussenpolitik/reden/aussenpolitischergrandsatz.html

3. Там же.

4. Fischer J. Rede des Bundesministers des Auswärtigen auf der 36. Münchener Konferenz für Sicherheitspolitik am 5 Februar 2000. Munich conference on security policy site. // <http://www.securityconference.de/konferenzen/2000/index.php?>

Союза: установление наименьшей численности Комиссии и увеличение функций ее председателя, введение системы двойного большинства в Совете министров, а также предоставление Парламенту реальных рычагов контроля над деятельностью Комиссии¹.

Руководство ФРГ, видело главным интересом германского государства углубление и дальнейшее развитие военно-политического аспекта европейской интеграции, полагая при этом, что только интеграция национальных интересов в рамках общеевропейского проекта может гарантировать в будущем стабильность, экономическое процветание, мир и противостояние вызовам безопасности на континенте, равно как и предотвращение трансформации национальных интересов отдельных государств в сторону национализма².

Однако далеко не все германские политики придерживались такой точки зрения. Например, бывший федеральный канцлер Гельмут Шмидт назвал принятое решение о расширении ЕС крупнейшей ошибкой. И чьи слова политиков Германии, окажутся пророческими, покажет время.

Литература

1. Анисимов А. Г. Основные положения концепции национальной безопасности ФРГ. // Актуальные проблемы социально-экономического и политического развития: Информационно-аналитическое управление аппарата Совета Федерации ФС РФ, 1999.
2. Гамзалов С. Д. Внешнеполитические интересы ФРГ и германская концепция европейской безопасности. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. № 4 (13), 2010.
3. Дмитриев Т. Н. Объединенная Германия и новый мировой порядок / Политический журнал. 2004, № 24 (27). // <http://www.politjournal.ru/mdex.php?>
4. Кэйдзи И. Поиск общих ценностей как необходимое условие межгосударственного сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 12 Политические науки. 2012, № 3.
5. Мертез М. Немецкие вопросы - европейские ответы. М., Московская школа политических исследований, 2001.
6. Мухина Я. Б. Российско-германские отношения и европейская безопасность / Власть. 2001, № 4.
7. Понеделков А. Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии // Власть. 2012, № 6.
8. Ференбах О. Крах и возрождение Германии. М., Аграф, 2001.
9. Штайнмюллер К.-Х. Кривые будущего роста вызывают улыбку // Россия в глобальной политике. Т.2. 2013, № 1.
10. Fischer J. Rede des Bundesministers des Auswärtigen auf der 36. Münchener Konferenz für Sicherheitspolitik am 5 Februar 2000. Munich conference on security policy site. // <http://www.securityconference.de/konferenzen/2000/index.php?>

1. Ibid.

2. Fischer J. Rede in der Debatte zu Kosovo und EU-Sondergipfel vor dem Deutschen Bundestag am 26. März 1999. // <http://213.61.121.230/www/de/infoservice/download/pdf/reden/1999/r990326d.pdf>

Рябова Е.Л.,

*доктор политических наук, профессор,
член Санкт-Петербургского философского общества*

Целостный подход в науке и его перспективы

Публикуемая ниже статья является одним из свидетельств работы семинара по проблемам целостности, действующего при Институте философии Санкт-Петербургского Государственного Университета. Мы уже говорили о тех мотивах и теоретике – философских соображениях, которые привели к постановке вопроса о целостном подходе в науках и философии, и потребовали институционализации, вызванных им исследований в форме научного семинара¹. Мы кратко напоминаем об этом, считая знакомство с трудами семинара небесполезным, поскольку, хотя проблематика имеет определенную историю, но исследования еще разобщены, фрагментарны и концептуально разнородны. Руководитель семинара и инициатор научно-философской разработки проблем целостности и целостного подхода как раз и настаивает на необходимости координации исследований, придания им упорядоченного характера углубления исследовательского проникновения и охвата все более широкой предметной сферы.

В основе установок, на которых строится работа семинара, мы находим тезис, что выход на проблему целостности как фундаментальной категории, является закономерным следствием методологического кризиса, свойственного современной философской и научной мысли. Речь не идет о том, что стало меньше различного рода рассуждений на темы методологии наук, хотя несомненно они не очень популярны. И не о том, что не делаются интересные наблюдения в развитии знания и появлении новых подходов. Например, последние несколько лет говорить о некоем гуманитарном и даже антропологическом повороте в культурологических дисциплинах, о явно не оправдавшихся ожиданиях эффективности «деконструктивной» технологии в этих же науках. Но эти разговоры и дискуссии не носят прорывного характера, то есть не выводят на новые объяснительные горизонты, заканчиваясь частными предложениями и, что особенно настораживает, строятся на ожидании появления новых исследовательских проектов в зарубежной интеллектуальной сфере.

Методологический кризис, который имеют в виду участники семинара, является следствием исчерпания конструктивно-креативного потенциала, который нес в себе системный анализ. Системный подход – великая методологическая парадигма, начала который мы находим у родоначальников

1. Рябова Е. Л., «Персонология – новая философская и культурологическая дисциплина». О книге Ю.Н. Солониной «Жизнь и призвание. Три очерка по культур-философской персонологии», М., Эт-носоциум, 2012.

философии Нового Времени, в частности у Р. Декарта и Ф. Бэкона. Он являлся конкретной реализацией количественной интерпретации реальности (квантитативизма), на чем и была построена вся последующая наука вплоть до наших дней. Более того, этот подход сформировал и современную универсальную интеллектуальную культуру с особой формой рационализма, находящегося в её центре. Не случайно, что осознание методологического кризиса воспринимается чаще всего как кризис рационализма, точнее тех «критериев рациональности», по которым он определяется. Поиски новых «критериев» обычное дело тех, кто не способен осмыслить интеллектуальный кризис в самих его основаниях.

Но количественная характеристика реальности неизбежно чревата специфической односторонностью в сложившемся ныне образе мира, коим руководствуется современный человек и, в первую очередь, интеллектуал, квантитативность пропитала весь научный язык, с помощью которого выражен этот образ и строится исследовательская стратегия. Посему-то её рутинизация, а это и есть один из признаков кризиса метода, ведет к стандартизации исследовательских техник, банализации концептуальных схем, деградации проблемных перспектив в науке, когда под видом научного объяснения мы имеем в сущности имитации познавательной установки. Читателю, конечно, известны работы Т.Куна, К.Поппера и др., описавших эти ситуации. Но выводы их, ориентирующие на замену «логики науки», разработкой философии науки как «истории науки», далеки от той радикальности, которую провоцировали их выводы.

Методологический кризис не следует рассматривать как внутреннее дело методологов и философов науки. Они сами находились в границах традиции системного подхода и не мыслили иного понимания образа мира кроме как в терминах квантитативности. В чем же должен быть выражен этот радикализм? Вовсе не в экстравагантных и эпатажирующих гипотезах, что обычно выступает как обратная сторона интеллектуального провинциализма.

Философская установка, предполагающая полноту мировоззренческой панорамы, естественным образом подводит нас к тому, чтобы исток и причину кризиса трактовать как следствие интеллектуально-мировоззренческой односторонности и, следовательно, её преодоление предполагает принципиальный сдвиг в базовых познавательных установках.

В свое время, знаменитый О.Шпенглер, констатируя исчерпанность системного взгляда на мир, предложил заменить его физиогномическим. Время показало, что из всех обсуждавшихся проблем, поднятых книгой «Закат Европы», это предложение Шпенглера привлекло наименьшее внимание. Физиогномика имела дурную репутацию и явно размещалась вне рамок научно-философского мышления, хотя и получила кое-какое распространение среди культур-философов того времени, например Р.Касснера.

Интуиция Шпенглера была верна в одном, в понимании недостаточности и даже исчерпанности систематического мышления.

То, что мы назвали необходимостью радикальной переориентации, означает не больше и не меньше как назревшую необходимость скорректировать онтологическую установку на миропонимание. Участники семинара объясняют эту корректировку как обращения ко второй стороне познаваемого мира, как бы мы его онтологически не истолковывали, именно к качественной или квалитативной. Следует обратить внимание на то, что эта корректировка вовсе не чисто техническая процедура соединения двух подходов – качественного и количественного в каком-то искусственном интеллектуальном синтезе, а предполагает изменения онтологических концептов. На место действительности как системного образования и соответствующего ему образа мира, должна придти действительность как целое, целостность. Именно эта интуиция питала изначальный взгляд на мир и его философское отражение еще в античные времена, она свойственна восточному миропониманию и содержится в изначальном смысле понятия *Universum*.

Таким образом, онтологическая переориентация с неизбежностью влечет переосмысление исходных принципов познания, гносеологии. Методология, если её принять как инструментальную активизацию теории познания, естественным порядком также претерпит изменения и своего аппарата и познавательных приёмов.

Участники семинара далеки от того, чтобы одну односторонность – квантитативную, заменить другой – квалитативной. Они ориентированы на диалектический синтез обеих сторон и подходов на базе понимания мира как целостности. Конечно, язык и понятийная база количественной методологии, системного подхода развиты до филигранной тонкости и чрезвычайно богаты. Поэтому понятно, что теоретико-понятийная разработка качественного анализа, целостного подхода на какое-то время должна выступить на первый план и занять доминирующую позицию. Эта работа имеет хорошие перспективы, поскольку, как показали исследования участников семинара, имеется уже богатая и философская, и научная традиция разработки понятия целостности и его применения в самых разных областях знания.

Публикуемая статья Ю.Н. Солонина показывает, что выход на целостное понимание в науках о культуре становится итогом внутренних пересмотров концептуального базиса наук, совершаемого их творцами, а не навязывается извне какой-либо философией. Приводимые в статье примеры показывают какой непростой путь к разработке идеи целостности как научной категории.

Аннотации

Беркович Н.А.

Российский этносоциум: стратегия самодостаточности и консолидации

Автор рассматривает стратегию самодостаточности и безопасности в развитии российского этносоциума и возникающие при этом проблемы становления многонародной российской нации. Обосновывается необходимость формирования общенародной идеи российского предназначения в XXI в.

Ключевые слова: *Российский этносоциум, стратегия самодостаточности и консолидации, этническая безопасность, русская миграция, этнический туризм, «расколота» память, этносоциализация.*

Naum Berkovich

Russian ethnosociety: strategy of self-sufficiency and consolidation

The author considers the strategy of self-sufficiency and security in the development of Russian ethno-society and problems arising in this multi-peopled formation of the Russian nation. The necessity of the formation of the Russian nation-wide ideas destination in the XXI century.

Keywords: *Russian ethno-society, strategy of self-sufficiency and the consolidation, ethnic security, Russian migration, ethnic tourism, “chopped” memory, ethno-socialization.*

Бойдаченко П.Г.,
Бондаренко С.А.,

Эволюция понятия демократии в контексте типологизации политических систем

На основе аристотилевской теории форм правления и политических систем авторы предприняли попытку типологизировать политические системы в контексте источников легитимности и легитимации власти

Ключевые слова: *политическая система, государственное устройство, типологии Аристотеля, Гоббса, Локка, виды разделения властей, монархия, олигархия, демократия, легитимирующая власть, легитимизируемая власть.*

Качалов А.В.,
Канунников Р.И.,

Систематизация процесса формирования творческой самостоятельности у студентов ВУЗа

Систематизация «один из процессов познания, который осуществляется в результате мыслительной деятельности по приведению связанных между собой элементов в соответствующую поставленной цели систему». Систематизация позволяет «усовершенствовать процедуру моделирования изучаемого явления. В основе систематизации процесса формирования творческой самостоятельности у студентов вуза лежит выделение главных с точки зрения целей исследования компонентов. Система как результат систематизации характеризуется содержательно-смысловым наполнением, которое представляет собой проекцию теоретических положений на практическую область деятельности специалиста». В качестве такой проекции выступает разработанная на основе системного подхода система формирования творческой самостоятельности у студентов вуза. Выделить структурные компоненты еще не значит полностью описать систему. Для того чтобы задать систему, необходимо не только выявить ее элементы, но и определить совокупность связей между ними. Центральная научная задача заключается в том, чтобы описать, как именно составляющие системы зависят друг от друга. В статье описываются как составляющие системы зависят друг от друга в контексте формирования творческой самостоятельности студентов вуза.

Ключевые слова: *система, элементы системы, свойства системы в формировании творческой самостоятельности студентов*

SYSTEMATIZATION OF THE PROCESS OF THE FORMATION OF THE HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT STUDENTS' CREATIVE INDEPENDENCE

Systematization is defined as “one of the cognitive processes which is effected while the thinking process done to systematize the interconnected elements in accordance with some purpose corresponding to this system”. Systematization makes the improvement of the modeling

of the studied phenomenon possible. The ground of the systematization of the formation of the higher educational establishment students' creative independence is the selecting of the components due to the research purposes. The system as the result got in the systematization process has its nature and content which show what way some specialist's performance reflects the theoretical provisions. Thus the system of the formation of the higher educational establishment students' creative independence reflects the theoretical provisions of the systematic approach. To make a system is to select the structural components and to find out their interconnections. The research task is to state the interconnections of the studied phenomenon. The current article states the interconnections of the formation of the higher educational establishment students' creative independence.

Key words: *system, the system components, the nature of the system of the formation of the higher educational establishment students' creative independence.*

Ремарчук В.Н.

Проблемы согласия и допустимые уровни насилия в современном миротворчестве

В очередной статье из серии «Современное миротворчество» рассматривается роль согласия и допустимые пределы насилия при проведении миротворческих операций. Анализируются уровни согласия и насилия, важность соблюдения согласия на тактическом оперативном и стратегическом уровнях. Формулируются принципы, лежащие в основе согласия сторон на проведение миротворческой операции. Исследуются последствия для операции в целом и для миротворцев, наступающие при нарушении согласия силами ООН.

Ключевые слова: *мир, согласие, линия согласия, насилие, нарушение мира, агрессия, угроза миру, восстановление мира, согласие на всех уровнях проведения операции, мандат ООН, применение силы, сотрудничество с политическими лидерами государств конфликта, гражданская война, Содружество Независимых Государств.*

The next article from a series of «Modern peace-keeping» considers the role of agreement and the allowable limits of violence while conducting the peace-keeping operations. The levels of agreement and violence, the importance of compliance with agreements in tactical, operative and strategic levels are being analyzed. The principles underlying the agreement between the parties to conduct the peace-keeping operations are being formulated. The consequences resulting from the breach of an agreement by the UNO forces for operations as a whole and for peace-keepers are being investigated.

Key words: *peace, an agreement, a line of agreement, violence, peace-breaking, an aggression, a threat to peace, re-establishment of peace, an agreement at all levels of conducting operations, the UNO mandate, the use of force, the cooperation between the political state leaders in conflicts, the civil war, the Commonwealth of Independent States.*

Бембетов А.В.

Воздействие факторов на уровень развития региона и его конкурентоспособность

В современном мире достойное место региона в конкурентной среде свободного рынка имеет огромное, даже определяющее, значение для развития его экономики. Чем выше конкурентные возможности существуют в том или ином регионе, тем привлекательнее он становится для инвестиций, а, следовательно, тем больший потенциал экономического развития у него возникает. Приток инвестиций способствует интенсификации использования факторов производства (земли, рабочей силы, природных ресурсов и капитала), имеющихся в регионе. Регион получает преимущества в тех отраслях, где возможно с наибольшей выгодой, использовать имеющиеся факторы производства.

Ключевые слова: *факторы, регион, рынок, инвестиции, конкурентоспособность региона, финансовая помощь, экономические потребности, рыночные способы ведения хозяйства.*

Манкиева Э.Х.

Образ женщины-горянки в поэме М.Ю. Лермонтова «Аул Бастунджи»

Данная статья посвящена изучению различных аспектов образа женщины-горянки в поэме М.Ю. Лермонтова «Аул Бастунджи» в связи с актуальными проблемами гендерных исследований. В работе выделяются психологические и этнографические стороны в образе женского персонажа.

Ключевые слова. Поэма, образ, гендерный аспект, романтизм, сюжет.

This article is devoted to the study of various aspects of the image of a woman from highlands in the poem written by M.Yu. Lermontov "Aul Bastundzhi" due to the current issues of gender studies. The paper highlighted the psychological and ethnographic parts in portraying a female character.

Key words. Poem, image, gender aspect, romanticism, sujet.

Шихалиева У.К.

Социально-экономические проблемы как причина роста религиозного экстремизма

В статье исследуются тенденции, связанные с возрастающей ролью религии в духовной и политической жизни российского общества, а также механизмы манипуляции массовым сознанием, посредством религиозного фактора. Автор анализирует причины повышения интереса российского общества к экстрасенсорике, чувственному, интуитивному познанию, основанному на иррациональных формах познания. В статье говорится о социокультурном, а также экономическом генезисе таких явлений, как массовое участие в сектах, распространение ваххабизма, антисемитизма и других подобных движений, которые основаны на иррациональном восприятии действительности. Выявлены субъекты манипуляции религией – в самой традиционной религии, в структурах государства, в религиозных культах. В качестве примера исследуется религиозная ситуация, применительно к региону Северного Кавказа и Дагестана. В отличие от распространенной идеи выявления специально организованного идеологического наступления из-за рубежа экстремистских сил, то есть понимания причин внутррелигиозного раскола как субъективного фактора, автор осмысливает глубинные – ментальные, духовные и т.п. истоки этих сложных процессов. В качестве изменения ситуации на Юге России автор предлагает стремление к диалогу культур, цивилизаций, так как именно стереотипизация сознания, связанная с манипулятивными технологиями дает искаженное представление о той или иной религии и ведет к межнациональным и межрелигиозным конфликтам. Для предотвращения такого рода конфликтов необходимо изучение особенностей культур, религий и традиций различных народов, стремлению к межрелигиозному диалогу.

Ключевые фразы: Этноконфессиональность, глобализация, когнитивный диссонанс, манипуляция сознанием, идеологический плюрализм, религиозная пропаганда.

Shikhaliyeva U. K.

SOCIOCULTURAL PROBLEMS AS REASON OF GROWTH OF RELIGIOUS EXTREMISM

This article takes a look at trends in the emerging role of religion in the spiritual and political life of Russian society, as well as the manipulation of mass consciousness, by religion. The author analyses the reasons for the increased interest of Russian society to sensual, intuitive cognition based on irrational forms of knowledge. The article speaks about the socio-cultural as well as economic genesis of phenomena such as mass participation in sects, the spread of Wahhabism, anti-Semitism, and other such movements that are based on an irrational perception of reality. Identified subjects manipulation religion - in the most traditional religion, in state structures, in religious cults. As an example the religious situation in the North Caucasus and Dagestan is investigated. In contrast to the prevalent ideas of identification of specially organized ideological approach from abroad extremist forces, that is, understanding the causes of the split as intrareligious subjective factor, the author explores the deep, mental, spiritual origins of these complex processes. As situation change in the south of Russia the author offers aspiration to dialogue of cultures, civilizations as the stereotypification of consciousness connected with manipulative technologies gives the distorted idea of this or that religion and conducts to the international and interreligious conflicts. Prevention of the such conflicts requires studying of features of cultures, religions and traditions of various people, to aspiration to interreligious dialogue.

Keywords: Ethnoconfessionality, globalization, cognitive dissonance, manipulation, ideological pluralism, religious propaganda.

Махтей Е.В.,

Становления российского федерализма

Статья посвящена посвящена малоизученной теме, сутью которой являются политическое выражение феномена регионализации в современных условиях. Начавшийся

процесс политической экспансии регионов предполагает его развертывание в ближайшие годы, поэтому участие представителей регионов становится на повестке дня в политической практике. Автор справедливо утверждает, что в современных условиях «меняется образ социальной и политической власти, что связано с ослаблением начал централизации, иерархии и дисциплины, с усилением веса неформальных отношений в рамках властных организаций. Благодаря этому происходит радикальная трансформация политики и власти».

Ключевые слова: *регионы, регионализация, политические процессы в современных условиях*

The article is devoted dedicated to little-studied subject, the essence of which is the political expression of the phenomenon of regionalization in modern conditions. The current political expansion of regions suggests it to be deployed in the coming years, so the participation of the representatives of the regions is on the agenda in political practice. The author rightly argues that in modern conditions «is changing the way social and political power that is connected with a decrease began centralization hierarchy and discipline, the increasing weight of informal relations within government organizations. This results in a radical transformation of politics».

Key: *regions, regionalization, political processes in modern conditions*

Бембетов А.В.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ НА УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И ЕГО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

В современном мире достойное место региона в конкурентной среде свободного рынка имеет огромное значение для развития его экономики. Чем выше конкурентные возможности существуют в том или ином регионе, тем привлекательнее он становится для инвестиций, а, следовательно, тем больший потенциал экономического развития у него возникает. Приток инвестиций способствует интенсификации развития региона.

Ключевые слова: *факторы, регион, рынок, инвестиции, конкурентоспособность региона, финансовая помощь, экономические потребности, рыночные способы ведения хозяйства*.

Bembetov A.

IMPACT FACTORS ON THE LEVEL OF REGIONAL DEVELOPMENT AND COMPETITIVENESS

In modern world a worthy place in the region in the competitive environment of the free market is of great importance for the development of its economy. The higher the competitive opportunities exist in a given region, the more attractive it becomes for investments and, consequently, the greater the potential for economic development it arises. Inflows contributes to intensify the development of the region.

Keywords: *factors, region, market, investment, regional competitiveness, financial aid, economic needs, market methods of farming*.

Джамалова Б.Б.

Этнокультурная ориентация как специфическое направление культурологического подхода к образованию

В современных условиях возрождения национального сознания возрастает необходимость создания для каждого этноса условий приобщения своей молодежи к традиционной уникальной культуре. Анализ опыта становления национальной школы в Республике Дагестан показывает, что более целесообразной формой такого образования является национально ориентированное образование, в котором наряду с решением основных задач школы в нем можно формировать этническую идентичность, национальный характер и умения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *культурологический подход, этнокультурное образование, этническая культура, обучение на родном языке, «школа жизни», материальные ценности культуры*

Ethnic cultural orientation as a specific aspect of culturological attitude to education

In modern conditions of revival of national consciousness increases the necessity to make for every ethnic group conditions its youth to traditional unique culture. The analysis of the experience of formation a national school in Dagestan Republic shows that more advisable form of such education is a national oriented education, in which on an equal footing with decision of main problems of the school we can form ethnic identify national character and skills of intercultural communication.

Keywords: *culturological attitude, ethnic cultural education, ethnic cultural, education in the mother tongue, material values of culture.*

Бурьяк М.К.

Регистрово-фонационные модели пения этнофоров Новгородской земли

Исследование направлено на выявление регистрово-фонационных моделей пения этнофоров Новгородской земли. Составляющими элементами данных моделей являются технологии народно-певческого звукообразования и голосоведения в соответствии с силой голоса, плотностью подсвязочного давления и уровнем смыкания голосовых связок в различных регистрах женского голоса этнофора. Выявленные модели являются определяющими в теоретическом описании различных народно-певческих стилей, а также позволяют обоснованно программировать образовательные процессы освоения детьми регистрово-фонационных навыков и локально-регионального певческо-стилевого исполнительства в целом.

Ключевые слова: *регистрово-фонационная модель, народно-певческое звукообразование, голосоведение, виды регистровой фонации, регистры голоса, народно-певческие стили, этнофор.*

SINGING REGISTER-PHONATIONAL MODELS OF NOVGOROD REGION ETHNOPHORS

The study aims to identify the singing register-phonational models of Novgorod region ethnophors. These models consist of techniques of folk singing and voice- sound production, according to voice power, subglottic pressure and density level of closing of the vocal cords in different female voice registers of ethnophors. The identified models are central in the theoretical description of various folk singing styles, allowing to reasonably program the educational processes of voice development by children.

Keywords: *register-phonational model, folk- singing sound formation, voice leading, voice-register phonation types, folk singing styles, ethnophor.*

Алиев З.Т.

Международное политико-правовое регулирование интеграции государств

Интенсивное развитие международных связей, их количественный рост и переход в качественно новое состояние характеризуется резким усложнением систем транснациональных отношений. Взаимопроникновение связано с интернационализацией политической, экономической и культурной жизни современных государств. Требования глобализации подталкивают государства к более интенсивной региональной интеграции. Законы глобализации ставят перед мировым сообществом новые задачи в формировании международной правовой системы «смещая» акценты в сторону неизбежной унификации в большинстве сфер сотрудничества.

Ключевые слова: *современное международное право, политико-правовое регулирование, правовой режим, интеграционные процессы, «надгосударственные» структуры.*

Zaur Aliev

INTERNATIONAL POLITICAL – INTEGRATION OF LEGAL REGULATION

Intensive development of international relations, their quantitative growth and eventually transition to a qualitatively new state characterized by severe complication of systems of transnational relations. Interpenetration is related to the internationalization of political, economic and cultural life of modern states. Demands of globalization are pushing the state to a more intensive regional integration. Laws globalization poses new challenges the world community in the formation of the international legal system “ shifting “ the emphasis towards the inevitable unification in most areas of cooperation.

Keywords: *modern international law, political - legal regulation, legal regime, integration processes, “supranational” structure.*

Кожухов А.В.

Российская политика в Афганистане: национальные интересы и их реализация

У России есть важные национальные интересы в Афганистане, первостепенными из которых являются прекращение исходящих оттуда угроз безопасности, прежде всего, наркотрафика. Для их реализации необходимо более тесное сотрудничество с меж-

дународными организациями, в том числе с ООН, НАТО. Целесообразно более активно подключить к решению афганской проблематики ОДКБ и ШОС. На двусторонней основе России следует больше внимания уделить возможностям участия в развитии крупных афганских инфраструктурных проектов. Москва может играть заметную роль в национальном и этническом примирении. В целом антинаркотическая политика может быть успешна, если Россия сможет предложить Афганистану альтернативные пути развития, не связанные с производством сырья для наркотиков.

Ключевые слова: *Россия, Афганистан, НАТО, ООН, российские национальные интересы, геополитика, внешняя политика России, ОДКБ, ШОС, терроризм, экстремизм, наркотики, наркотрафик.*

Russian policy in Afghanistan: Russian national interests and the ways of their implementation

Russia has its own vital national interests in Afghanistan, the primary of which is a termination of outgoing thence security threats, primarily drug trafficking. For realizing these interests closer cooperation with international organizations, including the UN, NATO is required. It is advisable to increase connections in solving Afghan problems with CSTO and SCO. As for bilateral cooperation Russia should increase its participation in the implementation of large infrastructure projects for Afghanistan. Moscow could also play a significant role in the national and ethnic reconciliation. In general, Counter Narcotics Policy could be successful if Russia would be able to offer Afghanistan alternative development ways which will not be associated with the cultivation of raw materials for producing drugs.

Keywords: *Russia, Afghanistan, NATO, UN, Russian national interests, geopolitics, Russian foreign policy, CSTO, SCO, terrorism, extremism, drugs trafficking.*

Махдиян Мохаммад Хасан

Гибель А.С. Грибоедова в Иране

Статья посвящена проблеме дипломатических отношений Ирана и России. Автор рассказывает о тяжелых последствиях, которые были навязаны Ирану Туркманчайским договором и оказали отрицательное воздействие на сознание каждого иранца и отношения двух народов. Правительство царской России угрожало уничтожением династии Каджаров в случае невыполнения Ираном положений договора. А.С. Грибоедов в качестве полномочного российского посла, по мнению иранских историков, не проявил достаточной гибкости в своей дипломатической политике. Он не выказывал уважения к местным традициям и обычаям, попирали дипломатический этикет, старался привлечь как можно большее количество недовольных в иранском обществе под свое покровительство. В связи с невежливым поведением миссия Грибоедова в Тегеране по инициативе шаха была окончена. В статье рассказывается о поводах, послуживших основанием для нападения мусульманской толпы на русское посольство.

Ключевые слова: *туркманчайский договор, Каджарская династия, капитуляционный режим в Иране, Гюлистанский договор, выплата контрибуции, казначей шахского андеруна, убийство А.С. Грибоедова в Тегеране.*

DEATH A.S. GRIBOYEDOV IN IRAN

The article deals with the diplomatic relations between Iran and Russia. The author tells of the dire consequences that have been imposed on Iran Turkmanchay contract and had a negative impact on the consciousness of every Iranian, and relations between the two peoples. Government of tsarist Russia threatened contempt of the Qajar dynasty in the case of non- Iranian treaty provisions. A.S. Griboyedov as plenipotentiary of the Russian ambassador, according to the Iranian historians, did not show sufficient flexibility in its diplomatic policy. He showed respect for local traditions and customs, trampled diplomatic etiquette, trying to attract the largest possible number of dissatisfied in Iranian society under his protection. In connection with the rude behavior of Griboyedov mission in Tehran on the initiative of the Shah was over. The article discusses the motives which have led to the attack on the Muslim crowd Russian embassy.

Keywords. *Turkmanchay treaty Qajar dynasty, Capitulations in Iran, Gulistan Treaty, the payment of the indemnity, the treasurer of the Shah anderuna murder A.S. Griboyedov in Tehran.*

Морозов А.Ю.

Отмечается, что метафизический ракурс рассмотрения моральных ценностей позволяет разграничить конкретно-историческое «добро-для-нас» и универсальное мета-историческое «добро-само-по-себе». Ценность сама по себе противопоставляется эмпирическому факту и провозглашается трансцендентальной сущностью, которая не поддается дефиниции, а постигается в особом интуитивном апофатическом опыте. В пост-метафизическом подходе видится параллель между ценностью, чуждость которой невыразима, и Ничто, понимаемым не как небытие, а как пустота-присутствие, царство бытия или божественная реальность.

Ключевые слова: *ценность, факт, интуиция, натуралистическая ошибка, добро, сущность, Ничто.*

Metaphysical and post-metaphysical aspects of regarding the goodness

It is stressed that metaphysical approach in consideration the problem of moral value allows to differ specific historical “good-for-us” from universal meta-historical “good-in-itself”. The moral value in itself is opposed to empirical fact and is proclaimed to be transcendental essence that can not be defined but only comprehended in the special intuitive apophatic experience. According to post-metaphysical approach the unexpressed value is compared to Nothingness, which is interpreted not as non-being, but as emptiness–presence, realm of being or divine reality.

Key words: *value, fact, intuition, naturalistic fallacy, goodness, essence, nothingness.*

Терновая Л.О.

Решающие минуты в международной жизни

В статье рассмотрены проблемы хронометража международной жизни, который укладывается в минуту. Отмечены события и явления, отражающие роль решений в международных отношениях, принимаемых в течение нескольких минут.

Ключевые слова: *международные отношения, хронополитика, международная безопасность, военные действия, переговоры.*

Decisive moments in the international arena

This paper deals with the problems of timing of international life, which fits in a minute. Marked events and phenomena, reflecting the role of decisions in international relations, taken within a few minutes.

Keywords: *international relations, time-politic, international security, military actions, negotiations.*

Сайпуллаев Р.О.

Интеграционные процессы в Германии, и ее интересы в контексте европейской безопасности

В статье затрагиваются процессы интеграции институтов власти Германии в политическое поле Европы, в контексте ее безопасности, которые начались сразу после объединения в одно ведущее европейское государство.

Ключевые слова: *объединенная Германия, общие институты, интеграция, интеграционные процессы, НАТО, Евросоюз.*

THE INTEGRATION PROCESSES IN GERMANY AND ITS INTEREST IN THE CONTEXT OF EUROPEAN SAFETY

The article describes integration processes of government institution of Germany into European political framework in the context of its safety, which started after the merger into one leading European country.

Key words: *the merged Germany, common institutes, integration, integration processes, NATO, EU.*

Авторы

1. **Беркович Н.А.** - профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук, руководитель ежегодной научно-практической конференции «Философия этноса» в рамках Дней философии в Санкт-Петербурге (2004-2014). E-mail: naum_berkovich@mail.ru
2. **Солонин Ю.Н.** - профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой культурологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail:
3. **Бойдаченко П.Г.** - д. с. н., профессор кафедры философии и политологии. E-mail: dambinova-vd@ranepa.ru
4. **Бондаренко С.А.** - аспирант кафедры философии и политологии. E-mail: boid49@yandex.ru
5. **Глинская И.Ю.** - доктор политических наук, Российский университет дружбы народов, доцент кафедры рекламы и бизнес-коммуникаций Института мировой экономики и бизнеса. E-mail: irina_glinskaya@mail.ru
6. **Восканян Э.С.** - МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, младший научный сотрудник. E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru
7. **Качалов А.В.** - кандидат педагогических наук, доцент кафедры международных коммуникаций, ГОУ ВПО Уральский государственный университет путей сообщений. E-mail: romanvolkov3009@yandex.ru
8. **Канунников Р.И.** - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и педагогической психологии, ГОУ ВПО Шадринский государственный педагогический институт. E-mail: romanvolkov3009@yandex.ru
9. **Махтей Е.В.** - аспирант кафедры национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС При Президенте РФ. E-mail: izdanie-k@list.ru
10. **Ремарчук В.Н.** - доктор философских наук, профессор, декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ им. Н.Э. Баумана. E-mail: dekan.fsgn@bmstu.ru
11. **Федорова Л. В.** - соискатель кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: izdanie-k@list.ru
12. **Бембетов А.В.** – аспирант 3 курса отделения «факультет управления общественным сектором» РАНХ и ГС при Президенте РФ (г. Москва). E-mail: dambinova-vd@ranepa.ru

13. **Манкиева Э.Х.** - кандидат философских наук, докторант МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: izdanie-k@list.ru
14. **Шихалиева У.К.** - старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин (Философия, Политология). Ростовский государственный экономический университет (РГЭУ «РИНХ», филиал г. Махачкала). E-mail: enigma365@mail.ru
15. **Джамалова Б.Б.** - кандидат юридических наук, директор правового колледжа при СКФ правовой академии Минюста России E-mail: yusup1976@yandex.ru
16. **Бурьяк М.К.** - кандидат педагогических наук, докторант Московского педагогического государственного университета (кафедра методологии и теории музыки), директор МАУДОД «Новгородская детская музыкальная школа русского фольклора». E-mail: buriak@yandex.ru
17. **Алиев З.Т.** – кандидат политических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет». E-mail: zaur-aliev75@mail.ru
18. **Кожухов А.В.** - соискатель Факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: alexey.kozhukhov@hotmail.com , aleks-kozhukh@yandex.ru
19. **Махдиян М.Х.** - кандидат исторических наук, доцент, Университет Шариф (Тегеран, Иран). E-mail: ravandifadai@yahoo.com
20. **Морозов А.Ю.** - кандидат философских наук, докторант кафедры этики, эстетики и культурологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко. E-mail: insearch2007@yandex.ru
21. **Федорова Л.В.** - соискатель кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: izdanie-k@list.ru
22. **Терновая Л.О.** – доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет). E-mail: 89166272569@mail.ru
23. **Сайпуллаев Р. О.** - аспирант РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва. E-mail: pzhskrassvet@mail.ru
24. **Рябова Е.Л.** - доктор политических наук, профессор, член Санкт-Петербургского философского общества. E-mail: etnosocium@mail.ru

ПРОДОЛЖАЕМ
КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ
ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 708 3000
Справки по тел. +7 (495) 708 3000

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Объём материалов не должен превышать для аспирантов и соискателей — 6 (шесть) страниц машинописного текста, для докторантов и докторов наук — до 10 (десяти) страниц машинописного текста, шрифт 14, интервал — 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.
3. Сноски помещаются постранично, нумерация сносок должна быть сквозная, высота шрифта 8 пунктов; межстрочный интервал — одинарный.
4. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объёмом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставный библиографический список.
5. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (как по электронной почте, так и непосредственно на носителе) и распечатанной рукописи в 2-х экземплярах.
6. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.
7. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ;
- Высший Арбитражный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.knigadom.com

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н. Э. Архипова
Корректор Ф.Э. Вайс
Дизайн и верстка Н. Э. Архипова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л.23,75